

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

3/2016

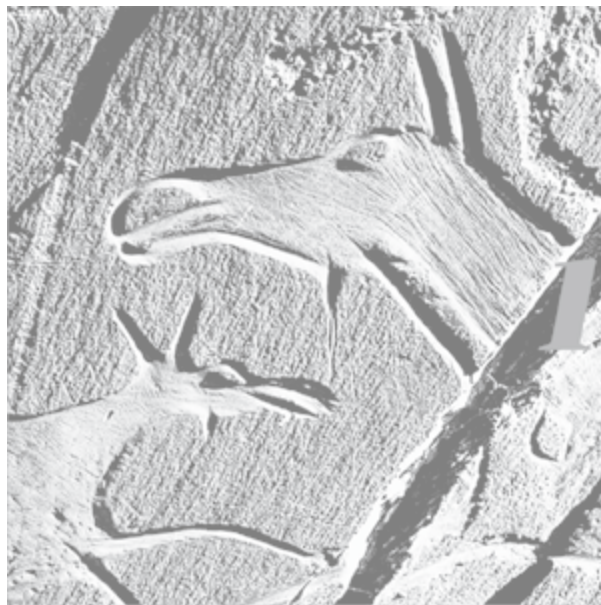
Ученые
записки
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ТОМСКАЯ
ПИСАНИЦА

ГАУК КО МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Ученые записки

музея-заповедника
«Томская Писаница»

Выпуск 3

Кемерово
2016

ISSN 2411-7838

Научное издание

**Ученые записки
музея-заповедника
«Томская Писаница»**

Журнал издается с 2015 года,
Выходит 2 раза в год

Учредитель

Государственное автономное
учреждение культуры Кемеровской
области «Историко-культурный
и природный музей-заповедник
«Томская Писаница»
650000, г. Кемерово, ул. Томская, 5а
Тел./факс: (3842) 75-86-33,
e-mail: pisanitsa@mail.ru
Официальный сайт: www.gukmztp.ru

Редакционная коллегия:

Главный редактор

В. А. Каплунов, заслуженный
работник культуры РФ, директор
ГАУК КО Музей- заповедник
«Томская Писаница»

Зам. главного редактора

А. И. Мартынов, доктор
исторических наук, профессор,
академик РАЕН, главный специалист
ГАУК КО Музей-заповедник
«Томская Писаница»

Редактор

А. Ф. Покровская, кандидат
культурологии, заместитель
директора по науке ГАУК КО Музей-
заповедник «Томская Писаница»,
старший преподаватель кафедры
музейного дела КемГИК

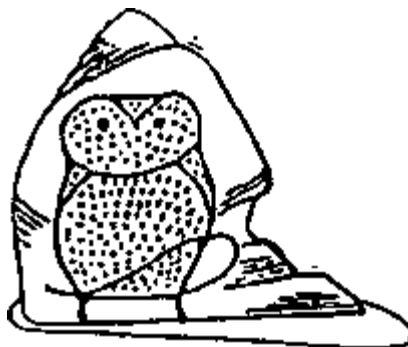
Ответственный секретарь

С. В. Иванова, старший хранитель
ГАУК КО Музей-заповедник
«Томская Писаница»

Междисциплинарное периодическое издание, нацеленное на публикацию оригинальных исследований, проектов, обзоров, сообщений, отчетов о конференциях, рецензий на работы по актуальным вопросам теории и практики музееведения, археологии и этнологии.

Журнал включен в национальную базу данных
«Российский индекс научного цитирования»
(РИНЦ, договор № 245-04/2015).

Разделы тематического рубрикатора РИНЦ:
История. Исторические науки
Культура. Культурология

Сдано в набор 01.09.2016 г.
Подписано в печать 12.09.2016 г.
Формат 62×80/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,1.
Заказ 160901. Тираж 150 экз.

ООО «Примула»

650024, Россия, г. Кемерово, ул. Дружбы, 31.
(+7-384-2) 76-10-01
e-mail: primulaprint@mail.ru

Отпечатано ООО «Азия-Принт»

650004, Россия, г. Кемерово, ул. Сибирская, 35А.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Дыртык-оол А.О., Оржежик Ч.М.

Коллекция восточных тувинцев-оленоводов в Национальном музее Республики Тыва: история комплектования и общая характеристика. 4

Орлова Е.А.

Музейная педагогика как способ сохранения и популяризации культурного наследия коренных малочисленных народов Кузбасса. 10

Шелепова Н.А., Покровская А.Ф., Жукова А.И.

Благотворительность в музеях Кемеровской области. 15

ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Археология

Илюшин А.М.

Материалы раскопок могилы знатного воина в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» 19

Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л.

Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 году. 30

Этнография

Скрябина Л.А., Мархель А.С.

Научный отчет экспедиции этнографического отдела музея-заповедника «Томская Писаница» за 1992 год 49

Скрябина Л.А.

Типология и хронология деревянных наличников Кемеровской области 70

КУЛЬТУРА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 39

**КОЛЛЕКЦИЯ ВОСТОЧНЫХ ТУВИНЦЕВ-ОЛЕНЕВОДОВ
В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА:
ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*****Дыртык-оол Анна Оюновна,***

к.и.н, заведующая, отдел истории и краеведения, Национальный музей имени Алдан-Маадыр, доцент, Тувинский государственный университет (Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация). E-mail: annaojun@rambler.ru

Оргежик Чинчи Монгушевна,

заведующая, сектор учета, Национальный музей имени Алдан-Маадыр (Кызыл, Республика Тыва, Российская Федерация). E-mail: annaojun@rambler.ru

В данной работе показана характеристика этнографической коллекции восточных тувинцев в Национальном музее Республики Тыва. История комплектования связана с именем С.И. Вайнштейна. Авторами даны описания наиболее интересных экспонатов по быту и традициям тувинцев.

Ключевые слова: восточные тувинцы, музей, этнографическая коллекция, собирательская работа, С.И. Вайнштейн.

**COLLECTION OF THE EASTERN TUVANS – DEER HERDERS
IN THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF TUVA:
BACKGROUND AND GENERAL DESCRIPTION OF THE ACQUISITION*****Dyrtyk-ool Anna Ojunovna***

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Ethnography of the National Museum after Aldan-Maadyr of the, Associate Professor of the Tuvan State University (Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation). E-mail: annaojun@rambler.ru

Orgezhik Chinch Mongushevna

Head of the Accounting sector of the National Museum after Aldan-Maadyr of the Republic of Tuva (Kyzyl, Republic of Tuva, Russian Federation). E-mail: annaojun@rambler.ru

This article is shown the characteristics of ethnographic collection of the Eastern Tuvans at the National Museum of the Republic of Tuva. The history of its acquisition is associated with the name of S.I. Weinstein. The authors gives the descriptions of the most interesting exhibits on the life and traditions of the Tuvans.

Keywords: eastern Tuvans, a museum, an ethnographic collection, collecting work, S.I. Weinstein.

Век глобализации перед обществом остро стоит вопрос о сохранении культурной самобытности малочисленных народов, в том числе восточных тувинцев Южной Сибири, этнокультурное наследие которых сосредоточено в Национальном музее Республики Тыва.

Восточные тувинцы — это охотники-оленоводы, живущие в горно-таежной зоне Восточной Тувы. В настоящее время это территория одного из самых крупных административных районов — Тоджинского района. Историческое название

земли — Тоджа. Несмотря на свои огромные размеры, он является одним из наименее населенных: на территории площадью около 40 тыс. кв. км в шести населенных пунктах проживает менее 7 тысяч человек. Современные тоджинцы сохранили традиционные виды природопользования: оленеводство, скотоводство, рыболовство, охотничий промысел. До распада СССР в районе существовали три совхоза. С начала 1990-х гг. работа многих предприятий почти или полностью прекращена. Совхозы преобразованы в родовые общины «Улуг-

Даг», «Одуген» и «Хам-Сыра», ориентированные на традиционные виды пользования [14, с. 624].

В 2000 г. оленеводы Тувы получили новое статусное положение — они включены в список «Коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» (КМНСС и ДВ). Включенность тувинских оленеводов в состав народов КМНСС и ДВ расширяет их права на традиционный образ жизни, благоприятную исконную среду обитания и позволяет им находиться под защитой государства и ассоциации КМНСС и ДВ РФ. В списочный состав вошли территории: сумон Азасский — село Адыр-Кежик с зарегистрированным по месту жительства населением, составляющим 1297 чел., Сыстыг-Хем — 178 чел., Ырбан — 363 чел., Ий — 1284 чел. и Чазылары — 138 чел. Итого 3260 человек [1].

Восточные тувинцы говорят на особом тоджинском диалекте тувинского языка. Они сформировались в результате ассимиляции самодийских и кетских групп тюркоязычным населением.

Материальная и духовная культура коренных жителей изучена С. И. Вайнштейном в середине XX века. Позже он издал монографию «Тувинцы-тоджинцы» [3]. В ней ученым показано, что «в основе их хозяйственной деятельности лежали круглогодичный охотничий промысел на мясных животных, главным образом копытных, и сезонный — на пушных, а также кочевое скотоводство с круглогодичными «вертикальными» перекочевками. Оленеводство было вьючно-верховое, с доением, а при крайней необходимости, в тяжелых условиях — и с забоем домашних оленей на мясо. Очень важную роль играло сезонное собирательство, а также спорадическое рыболовство. Жилищем служил чум, который летом крыли выделанной берестой, а в холодное время года обработанными шкурами копытных. Одежду шили главным образом из шкур диких животных» [8, с. 229—230].

Быт предков восточных тувинцев — лесных урянхайцев характеризовал Рашид-ад-Дин: «Никогда они не имели палатки и шатра; одежда их была из кожи животных, вместо быков и баранов они воспитывали горных быков, горных овец и сайгу, похожую на горного барана, делали ее ручной, доили ее молоко и ели. Во время перекочевки они вьючили скарб на горного быка, но из лесу никогда не выходили. На месте, на котором останавливались, они делали немного навесов и лачуг из коры дерева березы и других деревьев, которыми и довольствовались» [13, с. 332—333]. По С. И. Вайнштейну, «тувинцы разводят оленей так называемой карагасской породы, принадлежащей к виду северных оленей» [4, с. 90].

Музейные этнографические коллекции имеют огромную информацию о традиционной культуре тувинских оленеводов, которые сохранили ее в первозданном виде до середины XX века. Ак-

туальность изучения вещественных источников обусловлена необходимостью показа своеобразной этнической культуры тоджинцев — материальной и духовной.

Этнографические предметы западных тувинцев обобщенно описаны автором данных строк [5], также рассмотрена отдельная коллекция традиционной одежды тувинцев, история ее комплектования и изучения [7]. Состав этнографического собрания Национального музея Республики Тыва нашел отражение в научных и популярных статьях, как сотрудников музея, так и ученых, работавших с музейными коллекциями при изучении своих тем. Тем не менее, надо отметить, что полная изученность фондового собрания Тувинского музея по западным и восточным тувинцам остается совершенно недостаточной, если учитывать его количественный и качественный состав.

Характеристика этнографической коллекции музея дана в работе У. Б. Нурзат, где упоминается тоджинская коллекция народного мастера С. М. Арандола и проанализирован ее состав [12].

Целью данной работы является изучение этнографических коллекций восточных тувинцев в Национальном музее Республики Тыва, собранных в 1950-е гг.

Большой вклад в формирование коллекции по восточным тувинцам внес известный ученый-тувиновед С. И. Вайнштейн, который работал в Тувинском музее с 1950 по 1954 гг. По результатам его первой экспедиции на Тоджу летом 1951 г. фонды музея пополнились чумом, одеждой, предметами быта, культовыми шаманскими атрибутами [2]. Первая научная работа С. И. Вайнштейна в Тувинском областном краеведческом музее началась с изучения истории, быта и культуры жителей Восточной Тувы — Тоджинского района. Летом 1951 г. под его руководством была организована историко-этнографическая экспедиция. Основной задачей являлось этнографическое изучение восточных тувинцев и сбор сведений об археологических памятниках. Маршрут экспедиции охватывал центральную и северную часть района. Основным транспортным средством при передвижении служили лошади.

Этнографическая работа проводилась в поселках колхозов «Советская Тува» и имени Первого Мая. Кроме того, экспедиция выезжала в места работы рыболовецкой бригады в район озера Азас и оленеводческой бригады, которые находились в это время в высокогорном районе Шивага-Тайга, в северной части Тоджи. Для того, чтобы достигнуть места расположения оленеводов, экспедиции пришлось преодолеть на лошадях сотни километров по охотничьим тропам сквозь таежные места.

В ходе работы экспедицией исследованы традиционная культура тоджинцев-олленеводов и скотоводов (жилище, одежда, утварь, транспорт, хозяйство, искусство, космогонические представ-

ления, фольклор), социальная организация в конце XIX — начале XX века, пережитки родового строя, родовые территории, социальное расслоение среди оленеводов, свадебные и похоронные обряды. Значительное место в работе экспедиции занимал вопрос о происхождении отдельных тувинских родоплеменных групп, в связи с проблемой этногенеза восточных тувинцев. Большое внимание было уделено изучению социалистической перестройки культуры и быта оленеводов в условиях колхозного строительства.

Ученым были записаны этнографические сведения от 60 информаторов, в основном пожилого возраста, составлены десятки рисунков, выполнены около 400 фотоснимков. Для музея приобретена этнографическая коллекция в количестве 92 единиц. Результатом исследования восточных тувинцев С. И. Вайнштейна явилась защита в 1956 г. кандидатской диссертации, позже издание книги «Тувинцы-тоджинцы». Собранные ученым этнографическая коллекция и часть фотоснимков хранятся в НМРТ, остальные фотоснимки находятся в фототеках Тувинского института гуманитарных исследований и Института этнографии АН СССР (ныне Института антропологии и этнологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН) [6, с. 15–16].

Экспедицией были подробно изучены все типы жилищ: их конструктивные особенности, процесс их постройки, размещение утвари и людей в жилище. Были сделаны чертежи, рисунки, фотографии, которые позже С. И. Вайнштейном были оформлены в два альбома, которые хранятся в рукописном фонде Национального музея Республики Тыва. Все его рукописные и фотографические материалы экспедиции 1951 г. в полном объеме в его монографии «Тувинцы-тоджинцы» (1961 г.).

В течение 50 лет, вплоть до переезда музея в новое здание в 2008 г., одной из самых интересных для посетителей была диорама о кочевой жизни тувинских оленеводов. Был представлен чум с его внутренним интерьером, о чем находим следующие строки в деле № 200 научного архива музея: «На фоне осеннего тоджинского пейзажа стоит берестяной чум — жилище тоджинских оленеводов-охотников. Чум подлинный, с утварью и обстановкой доставлен из Тоджи. В чуме сидит пожилая тувинка в зимней одежде (манекен). Около чума охотник-олeneвод (манекен) собирается на охоту, готовит охотничье снаряжение. На привязи стоят два оленя (чучела), заседланные вьючным и верховым седлами. У входа в чум лежит охотничья собака (чучело). Размер диорамы 4х6 м, высота 5 м, смотровое окно 1х1,9 м» [9, л. 11].

В 1958 г. сотрудниками музея проводилась собирательская работа в Тоджинском районе. Члены экспедиции посетили село Тоора-Хем — районный центр Тоджинского кожууна, молочно-товарную ферму, рыболовецкую бригаду на озере Азас, кол-

хозы «Советская Тува» и «Первое Мая», поселок Ий. Сбором этнографических предметов занималась Т. М. Скакова, в результате музеем приобретено 56 вещественных предметов [10, л. 8–11.].

Фонды музея пополнились материалами, изъятными из среды бытования. Коллекция подразделяется по таким темам: одежда и аксессуары, орудия труда, культовые предметы, охотничьи принадлежности, предметы для игр и др.

Из одежды представлена зимняя одежда (*тон*), сшитая из мерлушки и крытая черной далембой (хлопчатобумажной тканью). Такая длиннополая распашная одежда со стоячим воротником характерна для всех кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии. У тувинцев существует два вида традиционной обуви. В данном случае это *идик* на мягкой подошве мехом наружу, сшитый из шкуры диких коз. Были приобретены подвески к поясу (*дерги*) для подвешивания огнива. Огниво стало постепенно выходить из употребления, поэтому тувинцы приобретали *от хавы* — металлический футляр для спичек. Внимание привлекает нефритовая табакерка для нюхательного табака: более зажиточные люди приобретали такие вещи от китайских купцов. Борододергалка железная (*итпик*) использовалась в основном молодыми мужчинами до 40 лет. Тувинцы считали, что 40 лет — это почтенный возраст, когда мужчины обретали жизненный опыт и могли носить усы и бороду. Дополнительными аксессуарами являются браслеты — украшения для женских рук (*билектээш* — у скотоводов, *бога* — для оленеводов). В каждом чуме можно было увидеть личные вещи тувинских женщин — это металлическая шкатулка для хранения иголок (*ховул*) и мешочек для хранения пуговиц и иголок (*индияк*).

К орудиям труда относятся предметы для обработки шкур — *эдирээ* и *хыргы*, кузнечные меха, утюжок для расправления швов при шитье обуви *илиир*, корнекопалка для выкапывания съедобных корней сараны — *озук*, сумка для сбора сараны — *кымзар*, инструмент для выделывания чашек из нароста березы — *унгу*, шило из рога оленя — *шугей*.

Домашней утвари принадлежат крюк для подвешивания чаши — *холчи*, металлический крюк для вытаскивания мяса из бульона — *илбек*, сосуд кожаный — *көгээр* для воды или молочной водки, кожаные сумы — *барба*, шкатулка деревянная для хранения мелких вещей — (*харжак*).

В комплект детских игрушек входили вырезанные из дерева фигурки домашних животных. Шахматы, вырезанные из дерева, были распространены среди тувинцев-скотоводов. По мнению С. И. Вайнштейна, «у оленеводов в шахматы обычно не играли» [3, с. 158].

Восточные тувинцы до середины XX в. пользовались во время охоты кремневыми ружьями — *чактыр-боо* и носили на поясе пороховницу — *чанчык*. Наконечники стрел для охоты на зверя

свидетельствуют о том, что тувинские оленеводы в первой половине XIX в. на промысле наряду с кремневыми ружьями еще применяли лук — ча, но к началу XX в. он вышел из употребления. Среди уникальных вещей можно назвать самодельные лыжи (*хаак*), изготовленные из березы или ели, длиной 140 см. С. И. Вайнштейн так описывает технологию изготовления лыж: «Обычно каждый охотник делал лыжи сам. Вырубленную и отделанную основу нагревали у костра и мочили в воде, после чего гнибли при помощи тяжа из веток. Между тяжем и основой вставляли деревянный брусок, служивший распоркой. Согнутую основу сушили у дымового отверстия 5–6 дней. Лыжи обтягивали камусами» [3, с. 44]. У Рашид-ад-Дина сказано: «...зимой много охотятся по насту таким образом, что делают доску, которую называют чанэ (лыжи), и становятся на нее...» [13, с. 333].

До начала 1930-х гг. на территории Тоджинского района находился действующий буддийский храм. Об этом свидетельствует колокольчик — *конгулуур* — буддийский предмет, сохранившийся в некоторых семьях.

Интересна ритуальная деревянная ложка — *тос-карак* с девятью отверстиями для разбрызги-

вания чая или молока во все стороны света. Или же шаманский жезл — *даяк и ээрены* — вместилища духов — семейные обереги.

Кроме этого были сделаны фотографии, где запечатлены традиционное жилище — чум, крытый корой дерева, берестой, способы ношения головных уборов тоджинскими женщинами, процесс сбора сараны, похоронный обряд шамана.

В полевых дневниках Т. М. Скаковой имеются записи от информаторов-старожилов, зарисовки этнографических предметов, а также подробные сведения о владельцах предметов. Так, ценна информация о камлании шаманов с жезлом — *даяком*. Во время камлания шаман или шаманка садились верхом на жезл, изображая свой полет к небесным духам [10, 1–12 л.].

Таким образом, этнографические предметы тувинских оленеводов, изъятые из среды бытования, как музейные предметы-раритеты обладают такими важными свойствами, как информативность, аттрактивность, даже экспрессивность и многие из них хранятся в музее в единственном экземпляре.

Источники и литература:

1. Биче-оол, С. М., Самдан, А. А. Современное состояние оленеводства в Республике Тыва / С. М. Биче-оол, А. А. Самдан // НИТ. - 2012. - № 1. - Тува вчера, сегодня, завтра / http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4492-biche-oolsamdan.html. дата обращения 10.10.2015 г.
2. Вайнштейн, С. И. Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства / С. И. Вайнштейн. - М.: «Наука», 1972. - 314 с.
3. Вайнштейн, С. И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки / С. И. Вайнштейн - М., 1961. - 218 с.
4. Вайнштейн, С. И. Этнографическая экспедиция Тувинского музея в юго-восточную Туву / С. И. Вайнштейн // Советская этнография. - 1954. - С. 163-169.
5. Дыртык-оол, А. О. Этнографические материалы в фондах Тувинского национального музея имени Алдан-Маадыр / А. О. Дыртык-оол // Этносоциальные процессы в Сибири. Кызыл, сентябрь 1998. Темат. сборник. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. - Вып. 3. - С. 202-204.
6. Дыртык-оол, А. О. Музейное строительство Тувы в составе Российской Федерации. / А. О. Дыртык-оол. - Кызыл: КЦО «Аныяк», 2009. - 136 с., с илл.
7. Дыртык-оол, А. О. Традиционная одежда в коллекции музеев Тувы: история комплектования и изучения / А. О. Дыртык-оол // Научное обозрение Саяно-Алтая. - 2012. - № 1(3). - С. 71-75.
8. История Тувы. Под общей редакцией С. И. Вайнштейна и М. Х. Маннай-оола. - Изд. 2-ое, перераб. и доп. - Новосибирск: «Наука», 2001. - Т. 1. - 367 с.
9. Научный архив НМРТ, дело № 200 «Хозяйство и быт тувинцев восточных районов Тувы. XIX – начало XX вв.». 21 л.
10. Научный архив НМРТ, дело № 161 «Отчет о командировке сотрудников музея в Тоджинский район. 1958 г.».
11. Научный архив НМРТ. Д. 261 «Дневник № 2 Скаковой Т.М. по командировке в Тоджинский район по сбору материала. 1958 г.». 12 л.
12. Нурзат, У. Б. Этнографические коллекции Национального музея Республики Тыва: состав и степень изученности / У. Б. Нурзат // Первые Республиканские Ермолаевские краеведческие чтения. Кызыл, 9-10 октября 2012. - Кызыл. - 2012.
13. Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Перевод с персидского Н.Н. Березина / Урянхай. Тыва дептер. Антология. В 7-ми томах. Том 1. Древние племена Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии (II тысячелетие до н.э. – конец XIX в.). Сост. С. К. Шойгу. - М.: Слово, 2007. - С. 328-344.
14. Тува: Словарь культуры. Автор-составитель С. Маркус. - М.: Академический проект. Трикта, 2006. - 837 с.

References

1. Biche-ool, S. M., Samdan, A. A. Sovremennoe sostoyanie olenevodstva v Respublike Tyva [Modern status of reindeer herding in the Republic of Tuva]. - Tuva vchera, segodnya, zavtra [Tuva yesterday, today, tomorrow]. – NIT. - 2012. - № 1. /http://www.tuva.asia/journal/issue_13/4492-biche-oolsamdan.html. data obrashcheniya 10.10.2015 g. (In Russ.).
2. Weinstein, S. I. Istoricheskaya etnografiya tuvintsev: Problemy kochevogo khozyaystva [Historical Ethnography of Tuvinians: Problems of nomadic economy]. – M.: Nauka, 1972. – 314 p. (In Russ.).
3. Vaynshteyn, S. I. Tuvinty-todzhinty: Istoriko-etnograficheskie ocherki [Tuva-cogently: Historical and ethnographic essays]. – M., 1961. - 218 p. (In Russ.).
4. Vaynshteyn, S. I. Etnograficheskaya ekspeditsiya Tuvinskogo muzeya v yugo-vostochnuyu Tuvu [Ethnographic expedition of the Tuvan Museum in the southeastern Tuva. - Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]. – 1954. – p. 163-169. (In Russ.).
5. Dirtyk-ool, A. O. Etnograficheskiye materialy v fondakh Tuvinskogo natsionalnogo muzeya imeni Aldan-Maadyr [Ethnographic materials in the collections of the Tuvan national Museum named after Aldan-maadyr] Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri. Kyzyl, sentyabr' 1998. Temat. sbornik [Ethno-Social processes in Siberia. Kyzyl, September 1998. The themed slots. Collection]. – Novosibirsk: Izd-vo o ran, 2000. – Vol. 3. - p. 202-204. (In Russ.).
6. Dirty-ool, A. O. Muzeynoe stroitel'stvo Tuvy v sostave Rossiyskoy Federatsii [The construction of the Museum of Tuva in the Russian Federation]. – Kyzyl: SCB «Aniak», 2009. – 136 p., Fig. (In Russ.).
7. Dirty-ool, A. O. Traditsionnaya odezhda v kolleksii muzeev Tuvy: istoriya komplektovaniya i izucheniya [Traditional clothing in museums of Tuva: a history of recruitment and study]. - Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya [Scientific obozrenie Sayano-Altaya]. – 2012. – № 1(3). – p. 71-75. (In Russ.).
8. Istoriya Tuvy. Pod obshchey redaktsiyey S. I. Vaynshteyna i M. Kh. Mannay-oola. - Izd. 2-oe, pererab. i dop. [The History Of Tuva. Under the General editorship of S. I. Weinstein, and M. H. Mannai-ool. - Ed. 2nd, revised. and extra]. – Novosibirsk: Nauka, 2001. – Vol. 1. – 367 p. (In Russ.).
9. Nauchnyy arkhiv NMRT, delo № 200 «Khozyaystvo i byt tuvintsev vostochnykh rayonov Tuvy. XIX – nachalo XX vv.». - 21 l [Research archive NMRT, case No. 200 of «Economy and life of Tuva people of the Eastern regions of Tuva. XIX – beginning of XX centuries»]. - 21 L. (In Russ.).
10. Nauchnyy arkhiv NMRT, delo № 161 «Otchet o komandirovke sotrudnikov muzeya v Todzhinskiy rayon. 1958 g.» [Research archive NMRT, case No. 161 «trip Report of the Museum staff in Todzhu district. 1958»]. (In Russ.).
11. Nauchnyy arkhiv NMRT. D. 261 «Dnevnik № 2 Skakovoy T. M. po komandirovke v Todzhinskiy rayon po sboru materiala. 1958 g.». - 12 l. [Research archive NMRT. D. 261 «Diary No. 2 T. M. Racing trip in Todzhu district for the collection of material. 1958»]. - 12 L. (In Russ.).
12. Nurzat, W. B. Etnograficheskie kolleksii Natsional'nogo muzeya Respubliki Tyva: sostav i stepen' izuchennosti / Pervye Respublikanskije Ermolaevskie kraevedcheskie chteniya. Kyzyl, 9-10 oktyabrya 2012 [Ethnographic collections of the National Museum of the Republic of Tuva: composition and degree of knowledge / First national Residence of local history readings. Kyzyl, 9-10 October 2012]. – Kyzyl. - 2012. (In Russ.).
13. Sbornik letopisey. Istoriya mongolov. Sochinenie Rashid-Eddina. Perevod s persidskogo N. N. Berezina / Uryankhay. Tyva depter. Antologiya. V 7-mi tomakh. Tom 1. Drevnie plemena Tuvy i sopredel'nykh territoriy Tsentral'noy Azii (II tysyacheletie do n.e. – konets XIX v.). Sost. S. K. Shoygu [A collection of Chronicles. History of the Mongols. Essay Rashid-Eddin. Translation from Persian N. N. Berezina / Uryankhay. Tyva depter. Anthology. In 7 volumes. Volume 1. The ancient tribes of Tuva and adjacent territories of Central Asia (second Millennium BC – the end of XIX century). Comp. S. K. Shoigu]. – M.: Word, 2007. - p. 328-344. (In Russ.).
14. Tuva: Slovar' kul'tury. Avtor-sostavitel' S. Markus [Tuva: a Vocabulary of culture. The author S. Marcus]. – M.: Academic project. Triksta, 2006. – 837 p. (In Russ.).

Список сокращений:

НМРТ – Национальный музей Республики Тыва

ТОКМ – Тувинский областной краеведческий музей

*Деревянный орнаментированный
сосуд.*

Берестяные сосуды с крышками.

С. И. Вайнштейн в походных условиях

*С. И. Вайнштейн берет интервью
у местных жителей*

УДК: 069.1

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА КАК СПОСОБ СОХРАНЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КУЗБАССА

Орлова Елена Александровна,

к.и.н., старший научный сотрудник, научно-экспозиционный отдел, Государственное автономное учреждение культуры Кемеровской области «Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница» (Кемерово, Российская Федерация).

E-mail: orlovaea42@gmail.com

Одной из острых проблем современности является сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов. В Кузбассе проживают два народа, отнесённые к коренным малочисленным – шорцы и телеуты. В стремлении сохранить собственную национальную идентичность представители этих народов сталкиваются с целым рядом проблем. В частности, с двойным культурным давлением: со стороны западных (европейских и американских) духовных ценностей, что обусловлено процессами глобализации, и со стороны ценностей доминирующего общества, представленного этническим «большинством». В дальнейшем это может грозить не только забвением родного языка, утратой традиционного хозяйственного уклада, но и таких форм нематериального культурного наследия как обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, которые способствуют формированию у этноса чувства самобытности и преемственности.

Одним из эффективных способов сохранения и актуализации нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов является музейная педагогика. Музейная педагогика – междисциплинарное направление на стыке музееведения, педагогики, психологии, культурологии, этики и некоторых других наук.

Целью данной статьи является рассмотрение форм музейной педагогики, используемых сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница» для сохранения и популяризации нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Сибири, проживающих на территории Кемеровской области, – телеутов и шорцев.

В музейно-педагогической деятельности музея-заповедника «Томская Писаница» используются как элементарные (музейный урок и экскурсия), так и комплексные (музейные праздники) формы, которые способствуют формированию у учащихся комплексного представления о духовной и материальной культуре телеутов и шорцев – представителей коренных малочисленных народов, проживающих на территории Кемеровской области. Все эти формы основаны на гармоничном сочетании наглядных, словесных и практических методов обучения и воспитания. Музейные педагоги представляют собой связующее звено между источниками первичной информации (музейными экспонатами) и посетителями музея и учащимися. Их деятельность направлена на дальнейшую передачу народных традиций, что способствует сохранению и актуализации нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов и межкультурному диалогу.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, культурно-образовательная деятельность музея, музейная педагогика, телеуты, шорцы

MUSEUM PEDAGOGY AS A WAY TO PRESERVE AND PROMOTE CULTURAL HERITAGE OF INDIGENOUS PEOPLES OF KUZBASS

Elena Aleksandrovna Orlova

Ph.D. in History, Senior Researcher, State Autonomous Cultural Institution of Kemerovo region "Historical Cultural and Natural Museum-Reserve "Tomskaya Pisanitsa" (Kemerovo, Russian Federation).
E-mail: orlovaea42@gmail.com

Preservation of traditional culture of indigenous peoples is one of the most acute problems of our time. Shors and Teleuts are the indigenous peoples, who live in Kuzbass. The representatives of indigenous peoples face a number of challenges in an effort to preserve their own national identity. They experience a cultural pressure from the Western (European and American) cultural values, caused by globalization, on one side,

and from the values of the dominant culture, represented by ethnic majority, on the other side. In the future, it may not only cause the disappearance of the native language, along with a loss of the traditional way of life, it might also lead to the destruction of such forms of the intangible cultural heritage as the practices, representations, expressions, knowledge, and skills that contribute to the formation of a sense of identity and succession within an ethnic group.

Museum pedagogy is an efficient way to preserve and actualize the intangible cultural heritage of the indigenous peoples. The museum pedagogy is an interdisciplinary field at the intersection of museology, pedagogy, psychology, culture, ethics, and other sciences.

Museum pedagogy is an efficient way to preserve and actualize the intangible cultural heritage of the indigenous peoples. The museum pedagogy is an interdisciplinary field at the intersection of museology, pedagogy, psychology, culture, ethics, and other sciences.

The Tomskaya Pisanitsa Museum Reserve uses in its museum and educational activities not only general (museum lessons and tours), but also advanced (museum events) teaching methods. They contribute to the development of students' comprehensive understanding of the spiritual and material culture of the Teleuts and Shors (indigenous peoples residing in the Kemerovo region). All of these types of instruction are based on a harmonious combination of visual, verbal and practical teaching and educational methods. Museum educators represent the link between the primary source of information (museum items) and museum visitors and students. Their activities focus on further transmission of folk traditions that contributes to the preservation and actualization of the intangible cultural heritage of indigenous peoples and intercultural dialogue.

Keywords: intangible cultural heritage, cultural and educational activities of the museum, museum education, Teleuts, Shors.

Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов является одной из острых проблем современности. В Кузбассе проживают два народа, отнесённые к коренным малочисленным, — шорцы и телеуты. Представители данных тюркоязычных этносов живут в Кемеровской области на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняют традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывают менее 50 тысяч человек и осознают себя самостоятельными этническими общностями, что соответствует критериям Федерального закона от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» для отнесения того или иного этноса к числу коренных малочисленных. По результатам Всероссийской переписи населения 2010 года численность шорцев, проживающих на территории Кузбасса, составляет 10672 человека (12888 в РФ), а телеутов — 2520 человек (2643 в РФ) [4].

В настоящее время представители коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, стремясь сохранить собственную национальную идентичность, сталкиваются с целым рядом проблем. Главнейшей из них, пожалуй, можно считать двойное культурное давление: со стороны западных (европейских и американских) духовных ценностей, что обусловлено процессами глобализации, и со стороны ценностей доминирующего общества, представленного этническим «большинством». В дальнейшем это может грозить не только забвением родного языка, утратой традиционного хозяйственного уклада (что во многом связано с попаданием территорий традиционного расселения малочисленных

этносов в зону экономических интересов крупных коммерческих компаний), но и таких форм нематериального культурного наследия как «обычай, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности» [5]. Утрата данных форм нематериального культурного наследия способна нанести урон культурному разнообразию всего человечества.

Одним из эффективных способов сохранения и актуализации нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов является музейная педагогика. Музейная педагогика — междисциплинарное направление на стыке музееведения, педагогики, психологии, культурологии, этики и некоторых других наук. «Точкой соприкосновения музейной педагогики и нематериального культурного наследия является принцип преемственности, суть которого — передача межпоколенческих знаний и культурных кодов» [7, с. 56].

Музейно-педагогическая деятельность предполагает отход от традиционного репродуктивно-экскурсионного обслуживания к максимальному использованию музейных средств в контексте «диалога культур», задействованию проблемных, театрализованных, игровых методов, стимулиро-

ванию творческих способностей детей, развитию их музейно-эстетической культуры [8].

Согласно классификации О. Ботяковой, вся совокупность форм культурно-образовательной (музейно-педагогической) деятельности музея может быть разделена на два класса. К первому классу относят элементарные формы, которые, в свою очередь, разделяются на следующие типы: 1. — производные от образовательно-воспитательной функции музея (лекция, консультация, музейный урок, музейное занятие); 2. — типы, производные от рекреационной функции музея (экскурсия, спектакль, концерт, дефиле, бал, мастер-класс). Ко второму — комплексные формы. Формы данного класса группируются по признакам использования технологии синтеза и многократности совершаемого действия: экскурсионные и лекционные циклы, кружок, студия, курсы, фестиваль, музейный праздник, музейная акция клуб, «вечера» [1].

Целью данной статьи является рассмотрение форм музейной педагогики, используемых сотрудниками музея-заповедника «Томская Писаница» для сохранения и популяризации нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Сибири, проживающих на территории Кемеровской области — телеутов и шорцев.

В музейно-педагогической деятельности музея «Томская Писаница» используются как элементарные, так и комплексные формы. Познакомить учащихся с духовными представлениями телеутов помогают музейные уроки, проводимые с широким применением интерактивных методов. Например, для учеников младших и средних классов разработан урок, посвящённый телеутскому свадебному обряду, во время которого школьники должны изготовить копии традиционных телеутских кукол.

Кроме того, на занятии со школьниками проводится мастер-класс. В основе его лежит концепция активного контакта, признающая приоритет активности в художественно-познавательном процессе [2]. Она предусматривает поддержание во время занятия постоянного двустороннего контакта между музейным педагогом и учащимися.

Сотрудничество школы и музея является очень перспективным и востребованным направлением образовательной практики музея. Оно предполагает творческое взаимодействие музейного и школьного педагогов, позволяющее обогатить новым содержанием такие традиционные формы образовательной деятельности, как лекции, экскурсии, дидактические выставки, семинары, включить в образовательный процесс современные видео- и мультимедийные технологии [6].

Цель урока «Телеуты — коренной малочисленный народ Кузбасса» — познакомить учащихся с культурой и традиционным жизненным укладом телеутского народа. Для достижения поставлен-

ной цели необходимо решить следующие задачи: образовательную — сформировать у школьников представление о духовной и материальной культуре телеутов; развивающую — способствовать развитию у учащихся логического мышления, умения правильно обобщать данные, сравнивать и делать выводы; воспитательную — формирование у школьников уважительного отношения к истории и культуре разных народов.

Занятие проводится с применением мультимедийного оборудования, необходимого для демонстрации слайд-презентации, сопровождающей рассказ музейного педагога о жизненном укладе и традициях телеутского народа. Затем учащиеся под руководством педагога мастерят куколок, причём их изготовление сопровождается вопросами о том, как телеуты одевались в старину, чем занимались, какие у них были обычаи, связанные с хозяйственной деятельностью и прочее. Эти вопросы способствуют соотнесению теоретических знаний с практическими навыками и закреплению изученного материала.

В результате у школьников не только формируется комплексное представление о духовной (религиозные представления, фольклор) и материальной культуре телеутов (ремёсла, национальная кухня, хозяйственные занятия, национальный костюм), но и позволяет выработать некоторые практические навыки. Так, изготовление куколок позволяет приобрести некоторые навыки кройки и шитья, которые также способствуют развитию мелкой моторики.

Широко на уроках, посвящённых телеутским традициям, используются как фондовые предметы, так и новоделы, иллюстрирующие информацию о ремёслах телеутов, их хозяйственном укладе и религиозных представлениях.

Познакомить школьников и студентов, которые часто посещают музей-заповедник «Томская Писаница» в составе организованных групп, с традициями и жизненным укладом шорского народа позволяет этнографическая экспозиция «Шорский улус Кезек». Она представляет собой реконструкцию усадьбы зажиточного шорца и включает в себя целый ряд подлинных объектов, среди которых жилой дом (по-шорски «эм»), летняя кухня («сенек»), амбар («анмар»), кузница, баня по-чёрному («мылча»), орехово-промысловый стан и скотный двор. Все они позволяют представить себе повседневную жизнь и хозяйственные занятия шорцев. Посетители могут сравнить быт рядового и зажиточного шорцев и увидеть, что повседневный обиход богатых слоёв шорского населения испытал более сильное русское влияние, нежели быт бедняков, который сохранил в себе множество архаичных элементов. Кроме того, хозяйственные постройки (амбары, скотный двор и прочее), где представлены разнообразные орудия труда, использовавшиеся шорцами,

позволяют посетителям понять, что шорцы вели комплексное хозяйство, сочетавшее земледелие, скотоводство, охоту и собирательство.

Шорцы верили в различных богов и духов, населяющих вселенную. Для воссоздания духовной культуры шорского народа на экспозиции представлены такие объекты как «Дом шамана» (подлинная постройка-сенек начала XX в., внутри которой размещены манекен, изображающий шамана, и макеты культовых предметов — шаманских бубна, посоха, веника, мужской и женской кукол), «Свадебный шалаш (одаг)» и реконструкция кладбища с макетами традиционных захоронений — воздушного, наземного и подземного. Знакомство с данными объектами формирует у посетителей представление о системе верований шорцев, а также свадебном и погребальном обрядах.

Рассматривая экскурсию по экспозиции «Шорский улус Кезек», необходимо упомянуть её кинестезический характер, когда посетители вынуждены перемещаться по довольно большому пространству, знакомясь с особенностями хозяйственного уклада и традициями шорцев. Подобная экскурсия позволяет соединить предметы и пространство в единый коммуникационный музейный ритуал — интересное музейное путешествие в поисках новых знаний, открытий и впечатлений [3, с. 63].

Новая образовательная ситуация, сложившаяся в России в начале XXI века, объективно меняет представление о задачах и методах музейной педагогики. Концепции монологического воздействия на аудиторию уступают место концепции коммуникационного подхода [9, с. 51]. Мероприятия, проводимые в рамках образовательной деятельности музея-заповедника «Томская Писаница», позволяют уравновесить позиции всех участников акта музейной коммуникации — посетителей, профессионалов, создателей и владельцев музейных предметов. Этому весьма способствует применение такой комплексной формы культурно-образовательной деятельности музея как праздники. Кроме того, музейные праздники позволяют представить те объекты культуры, которые существуют преимущественно в форме временной репрезентации (песня, танец, театр, фольклор и др.).

Важной формой презентации культурного наследия телеутов и шорцев является проводи-

мый ежегодно (с 2006 г.) фольклорный праздник Чыл-Пажи.

Чыл-Пажи или в другой транскрипции Чыл-Пазы представляет собой встречу Нового года у народов Саяно-Алтая (хакасов, шорцев, телеутов и др.), в буквальном переводе его название означает Голова года. Отмечается он 22 марта, в день весеннего равноденствия. Чыл-Пажи открывает новый жизненный цикл, в этот день изгоняется всякая вражда.

В этот день на территории «Томской Писаницы» проходят праздничные мероприятия с участием шорских, тывинских, алтайских и телеутских фольклорных коллективов. Посетители музея-заповедника получают возможность приобщиться к таким элементам нематериального культурного наследия коренных народов Сибири, как песни и танцы. Танцевальная и песенная культура — важнейшая и во многом сохранившаяся часть традиционной культуры коренных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Кульминационным элементом праздничного торжества Чыл-Пажи являются обряды очищения от бед и болезней, кормления духов и благопожелания, проводимые шаманкой. Благодаря участию в празднике Чыл-Пажи, жители такого высоко урбанизированного региона как Кемеровская область имеют возможность приобщиться к древним традициям коренных тюркоязычных народов Сибири.

Таким образом, в музейно-педагогической деятельности музея-заповедника «Томская Писаница» используются как элементарные (музейный урок и экскурсия), так и комплексные (музейные праздники) формы, которые способствуют формированию у учащихся комплексного представления о духовной и материальной культуре коренных малочисленных народов, проживающих на территории Кемеровской области — шорцев и телеутов. Все эти формы основаны на гармоничном сочетании наглядных, словесных и практических методов обучения и воспитания. Музейные педагоги представляют собой связующее звено между источниками первичной информации (музейными экспонатами) и посетителями музея и учащимися. Их деятельность направлена на дальнейшую передачу народных традиций, что способствует сохранению и актуализации нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов и межкультурному диалогу.

Источники и литература:

1. Ботякова, О. А. Музей этнографического профиля в контексте образования и культуры России: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. культурологии (24.00.03) / Ботякова Ольга Анатольевна. — СПб., 2007 [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.referun.com/n/muzey-etnograficheskogo-profilya-v-kontekste-obrazovaniya-i-kultury-rossii> (дата обращения 27.01.2016).
2. Галкина, Т. В. Музейная педагогика XXI века: социальные и образовательные проекты как новая форма работы с детской и молодёжной аудиторией / Т. В. Галкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. - 2009. - № 8. - С. 5-10 [Электронный ресурс]. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya>

- pedagogika-xxi-veka-sotsialnye-i-obrazovatelnye-proekty-kak-novaya-forma-raboty-s-detskoj-i-molodezhnoy-auditoriej (дата обращения 26.01.2016).
3. Галкина, Т. В. Музейная педагогика: коммуникативный феномен экскурсии как базовой музейно-педагогической формы / Т. В. Галкина // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 4. 2010. – С. 63-67 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-kommunikativnyy-fenomen-ekskursii-kak-bazovoy-muzejno-pedagogicheskoy-formy> (дата обращения 25.01.2016).
  4. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 19.01.2016).
  5. Кетова, Л. М. Музейная педагогика как инновационная педагогическая технология / Л. М. Кетова // Человек в мире культуры. № 4. 2012. – С. 76-81 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-kak-innovatsionnaya-pedagogicheskaya-tehnologiya> (дата обращения 25.01.2016).
  6. Конвенция «Об охране нематериального культурного наследия»; принята и провозглашена Генеральной конференцией ЮНЕСКО в Париже 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения 19.01.2016).
  7. Курьянова, Т. С. Музей и нематериальное культурное наследие / Т. С. Курьянова // Вестник Томского государственного университета. - 2012. - № 361 – С. 55-57.
  8. Налётова, Е. Л. Формирование воспитательного пространства средствами музейно-педагогической деятельности : автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Е. Л. Налётова. – М., 2010. – 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://new.ulspu.ru/images/stories/avtoreferat/NaletovaEL.pdf> (дата обращения 25.01.2016).
  9. Троянская, С. Л. Музейная педагогика и её образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности: Учебное пособие / С. Л. Троянская. – Ижевск: Ассоциация «Научная книга», 2007. – 140 с.
  10. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-rf130041999.htm> (дата обращения 22.01.2016).

References:

1. Botyakova, O. A. Muzey etnograficheskogo profilya v kontekste obrazovaniya i kul'tury Rossii: avtoref. dis. na soisk. uchen. step kand. kul'turologii (24.00.03), 2006. [Ethnographic Museum in the Context of Education and Culture of Russia: Thesis Abstract PhD in Cultural Studies]. Saint Petersburg, 2007. [Electronic Record]. Available at: <http://www.referun.com/n/muzey-etnograficheskogo-profilya-v-kontekste-obrazovaniya-i-kul'tury-rossii> (accessed 27.01.2016). (In Russ.).
2. Galkina, T. V. Muzeynaya pedagogika XXI veka: sotsial'nye i obrazovatel'nye proekty kak novaya forma raboty s detskoj i molodezhnoy auditoriej [Museum Pedagogy for the 21st Century: Social and Educational Projects as a New Form of Work with Children and Youth Audience]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. - 2009. - no 8. pp. 5-10. [Electronic Record]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-xxi-veka-sotsialnye-i-obrazovatelnye-proekty-kak-novaya-forma-raboty-s-detskoj-i-molodezhnoy-auditoriej> (accessed 26.01.2016). (In Russ.).
3. Galkina, T. V. Muzeynaya pedagogika: kommunikativnyy fenomen ekskursii kak bazovoy muzejno-pedagogicheskoy formy [Museum Pedagogy: Tour's Communicative Phenomenon as a Basic Museum and Educational Form]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2010. no 4. pp. 63-67. [Electronic Record]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-kommunikativnyy-fenomen-ekskursii-kak-bazovoy-muzejno-pedagogicheskoy-formy> (accessed 25.01.2016). (In Russ.).
4. Informatsionnye materialy ob okonchatel'nykh itogakh Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda [Information materials on the final results of the 2010 All-Russia Population Census]. [Electronic Record]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm (accessed 19.01.2016). (In Russ.).
5. Ketova, L. M. Muzeynaya pedagogika kak innovatsionnaya pedagogicheskaya tekhnologiya [Museum Education as an Innovative Pedagogical Technology]. Chelovek v mire kul'tury [Man in the World of Culture]. 2012. no 4. pp. 76-81. [Electronic Record]. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/muzeynaya-pedagogika-kak-innovatsionnaya-pedagogicheskaya-tehnologiya> (accessed 25.01.2016). (In Russ.).
6. Konventsiya "Ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya"; prinyata i provozglashena General'noy konferentsiyey YuNESKO v Parizhe 17 oktyabrya 2003 g. [Convention "On Protection of Intangible Cultural Heritage"; adopted and proclaimed by the General Conference of UNESCO in Paris October 17, 2003]. [Electronic Record]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (accessed 19.01.2016). (In Russ.).
7. Kur'yanova T. S. Muzey i nematerial'noe kul'turnoe nasledie [Museum and Intangible Cultural Heritage]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. 2012. no 361. pp. 55-57. (In Russ.).

8. Naletova, E. L. Formirovanie vospitatel'nogo prostranstva sredstvami muzeyno-pedagogicheskoy deyatel'nosti : Avtoref. dis.... kand. ped. nauk. [Formation of Educational Space through the Museum and Educational Activities: Thesis Abstract ...PhD in Education]. Moscow. 2010. 22 p. [Electronic Record]. Available at: <http://new.ulspu.ru/images/stories/avtoreferat/NaletovaEL.pdf> (accessed 25.01.2016). (In Russ.).
9. Troyanskaya, S. L. Muzeynaya pedagogika i ee obrazovatel'nye vozmozhnosti v razvitii obshchekul'turnoy kompetentnosti: Uchebnoe posobie. [Museum pedagogy and Its Educational Opportunities in the Development of Common Cultural Competence: Textbook]. Izhevsk: Assotsiatsiya "Nauchnaya kniga" Publ. - 2007. - 140 p. (In Russ.).
10. Federal'nyy zakon ot 30 aprelya 1999 g. № 82-FZ "O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii" [Federal Act no 82-FZ of April 30 1999, "On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation"]. Available at: <http://old.iea.ras.ru/topic/law/law/law-rf130041999.htm> (accessed 22.01.2016). (In Russ.).

УДК 069

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В МУЗЕЯХ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Шелепова Наталья Анатольевна,

заслуженный работник культуры РФ, директор, МАУ «Музей-заповедник «Красная Горка» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: redhill-kemerovo@mail.ru

Покровская Анна Федоровна,

кандидат культурологии, заместитель директора по науке, ГАУК КО Музей-заповедник «Томская Писаница», старший преподаватель, кафедра музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: aspaf@mail.ru

Жукова Анастасия Ильинична,

младший научный сотрудник, ГАУК КО Музей-заповедник «Томская Писаница», (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: nastyazhukova-94211@mail.ru

Статья посвящена проблеме благотворительности в музеях Кемеровской области. Авторы, рассмотрев различные точки зрения отечественных музеологов на функции музея, отмечают, что в настоящее время музей как социокультурный институт претерпевает глубокие изменения. Анализ деятельности российских и кузбасских музеев позволил сделать вывод о том, что благотворительность в настоящее время набирает обороты в культурной среде, и музеи не остаются в стороне — в музеях России ежегодно проводятся сотни благотворительных акций. В статье описаны основные виды музейной благотворительности и практический опыт организации благотворительных акций в музеях Кемеровской области на примере музеев-заповедников «Красная Горка» и «Томская Писаница».

Ключевые слова: Благотворительность в музее, благотворительная выставка в музее, «Томская Писаница», музей-заповедник «Красная Горка», акция «Добрая елка».

CHARITY IN THE MUSEUMS OF KEMEROVO REGION

Shelepova Natalia Anatolievna,

Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Director of the Museum Reserve "Krasnaya Gorka" (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: redhill-kemerovo@mail.ru

Pokrovskaja Anna Fedorovna,

Candidate of Culturology, deputy director for science of the Museum-preserve "Tomskaya Pisanitsa", a Senior Lecturer of Department of Museology, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aspaf@mail.ru

Zhukova Anastasia Ilinichna,

Junior Researcher of the Museum-preserve "Tomskaya Pisanitsa", (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nastyazhukova-94211@mail.ru

The article features charity issues in the museums of Kemerovo region. Having considered various points of view of Russian museologists on museum functions, the authors point out that the museum as a social and cultural institution is currently undergoing significant changes. The analysis of the activities conducted by Russian and Kuzbass museums allows one to conclude that charity is gathering momentum in cultural sphere, and hundreds of charity events take place in Russian museums every year. The article describes the main types of museum charity together with practical experience in organizing charity events in the museums of Kemerovo region with museum-reserves «Krasnaya Gorka» and «Tomskaya Pisanitsa» as examples.

Keywords: charity in museums, charity exhibitions in museums, «Tomskaya Pisanitsa», museum-reserve «Krasnaya Gorka», «Dobraya yolka (The Kind Christmas Tree)» event.

В настоящее время музей как социокультурный институт претерпевает глубокие изменения, трудности новой идентификации, обусловленные комплексом экономических, политических, культурных трансформаций современного общества.

Музей как социальный институт организует и координирует деятельность людей по сохранению прошлого, передаче знания о нем. В 60-е годы XX века А. М. Разгон выделил четыре основные функции музея: документирование исторического процесса, охранную, исследовательскую и образовательную. Многие исследователи дополняют эти функции рядом других, расширяя, таким образом, понимание социокультурных функций музея. Выделяется аксиологическая, эстетическая, информационная, социализация личности, рекреационная. Опираясь на базовую модель, предложенную А. М. Разгоном, Д. А. Равикович дополнила ее функцией организации свободного времени, видя в этом социальный заказ со стороны общества [7]. В докторской диссертации Акулича Е. М. «Музей как социокультурный институт» выделены и проанализированы следующие социальные функции музея:

1. храниТЕЛЬская — сохранение культурно-исторического наследия;
2. информационная — передача и получение, приращение новых знаний;
3. регуляТИвная — регулирует отношения в обществе;
4. интегративная — способствует социальной сплоченности, ответственности, социальной взаимозависимости;
5. коммуникативная — предполагает общение и личностное взаимодействие;
6. транслирующая — проявляется в приобретении человеком социального опыта;
7. воспроизводство социальных отношений — направлена на обеспечение устойчивости общества;
8. культурной идентификации личности;
9. организации досуга; социализирующая и культурно-образовательная [1].

Современный музей расширяет поле своей деятельности. Одним из активно развивающихся направлений стала благотворительность.

В Российской Федерации благотворительная деятельность регулируется соответствующими положениями Конституции (ст. 39) и Гражданского

кодекса. Кроме этого регулируется Федеральным законом № 135 от 11 августа 1995 г. «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Под термином «благотворительность» понимается свойство или качество благотворителя, которого, в свою очередь, можно определить как благодетеля, творящего добро другим [2].

В настоящее время благотворительность набирает обороты в культурной среде, и музеи не остаются в стороне. Ежегодно в музеях России проводятся сотни благотворительных акций и благотворительных выставок, также огромной популярностью пользуются благотворительные экскурсии, мастер-классы и благотворительные ярмарки. Цели данных мероприятий разные. В одном случае — помочь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, собрав на акциях определенную сумму денег или необходимые вещи, в других случаях — провести экскурсию, тем самым вызвать интерес к новым, незнакомым ранее экспозициям у людей с ограниченными возможностями здоровья.

Проанализировав благотворительную деятельность некоторых музеев, мы пришли к следующему выводу: музейная благотворительность наиболее развита в Центральном (483 музея), Северо-западном (502 музея), Приволжском (874 музея) и в Сибирском (453) округах Российской Федерации. Данный факт говорит о том, что музей в благотворительной сфере перешел от роли реципиента к роли донора.

На наш взгляд интересен опыт Государственного Русского музея, где особенно популярна арт-терапия, как комплекс благотворительных музейных акций.

Музейная арт-терапия — метод психолого-педагогической работы, использующий возможности изобразительного искусства и музейной среды для достижения положительных изменений в эмоциональном, интеллектуальном и личностном развитии человека. Метод разрабатывается и развивается сотрудниками Государственного Русского музея начиная с начала 90-х годов прошлого века. В настоящее время арт-терапевтическая деятельность осуществляется в рамках программы по организации в музее доступной культурно-просветительской среды для людей с ограниченными возможностями здоровья и направлена на разработку и осуществление специ-

альных содержательных проектов и программ, адресованных инвалидам разного возраста и состояния здоровья, а также детям, подросткам и молодым людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации и из групп риска.

Курс «Арт-терапия в художественном музее» разработан для музейных сотрудников; курс «Арт-терапия в образовании, психологическом консультировании и культуре» адресован специалистам, осуществляющим психологическую практику в консультативных центрах психологической помощи и поддержки, социальных и медицинских учреждениях, проводится с целью повышения квалификации. Курс «Школа волонтеров» проводится с целью подготовки специалистов для работы в качестве волонтеров в Русском музее по музейным арт-терапевтическим программам [6].

Еще одним популярным видом благотворительных мероприятий является проведение сотрудниками музеев мастер-классов и ярмарок для посетителей.

Например, в Международный день семьи, который традиционно отмечается 16 мая, в государственном Дарвиновском музее посетителям предлагается сделать для больных детей подарки своими руками, сотрудники музея проводят мастер-классы «Тряпичное чудо» и «Доброе животное», благотворительную ярмарку «Твори добро», а также лотерею «Стань важным в жизни ребенка» [4].

Очень важную роль в деятельности отечественных музеев играет сотрудничество с благотворительными фондами. В интерактивном музее Варезки в Санкт-Петербурге 1 ноября стартует ежегодная акция «Варежка. Подари тепло ребенку» благотворительного фонда помощи детям-сиротам «Время помогать». Акция проводится на набережной реки Мойки, в самом центре Санкт-Петербурга. Здесь волонтеры организуют основной пункт сбора помощи, и отсюда отправляются теплые вещи, носки и рукавицы в Ленинградскую область [2].

Анализ работы государственных и муниципальных музеев Кемеровской области в период с 2013 по 2015 г. показал, что во всех 43 музеях Кузбасса активно ведется благотворительная деятельность. Она проявляется в различных формах: благотворительная экскурсия, благотворительный мастер-класс, ярмарки, праздники.

Ежегодно музей-заповедник «Красная Горка» проводит сотни благотворительных экскурсий

для людей с ограниченными возможностями здоровья, детей-сирот, ветеранов и других групп лиц. Одним из известных мероприятий, проводимых на базе музея-заповедника, является благотворительная акция «Добрая Елка». Начиная с 2008 года, в акции принимают активное участие посетители музея, общественные деятели Кузбасса. Ее цель — не только подарить игрушки, книги и другие ценные вещи, но самое главное — положительные эмоции, внимание и заботу, и, возможно, таким образом, придать сил для борьбы с заболеванием и приблизить выздоровление! В 2015 году, с 17 декабря в течение двух недель гости «Красной Горки» оставляли под новогодней ёлкой музея подарки для детей, которые находятся на лечении в Кемеровском областном клиническом противотуберкулезном диспансере. «Мир болеющих детей — это своя страна, со своими правилами и законами, но даже здесь можно быть веселым и счастливым. Особенно тогда, когда в гости приезжают добрые люди и не с пустыми руками, а с подарками [3].

Музей-заповедник «Томская Писаница» ежегодно проводит несколько сотен благотворительных экскурсий для детей-сирот, людей с ограниченными возможностями и пенсионеров. Также на передвижных выставках каждый желающий может бесплатно познакомиться с представленными на них экспонатами. В декабре 2015 года на базе МБОУ СОШ № 98 музей-заповедник «Томская Писаница» в сотрудничестве с преподавательским составом, учащимися школы № 98 и благотворительным фондом «Детское сердце» организовал благотворительную выставку-аукцион. Цель акции — оказание помощи ребенку с заболеванием сердца. На открытии выставки под названием «Новый год шагает в школу» ученики провели для посетителей увлекательную экскурсию, на которой рассказали историю празднования Нового года, а после рассказа гостям было предложено приобрести рождественских ангелов, сделанных руками самих школьников. Все вырученные средства направлены на помощь четырехлетнему мальчику с заболеванием сердца.

Сегодня благотворительность вернула себе значимость как социально-культурное явление российской жизни и стала важной составляющей современного общества. Подводя итог, стоит заметить, что благотворительная деятельность музеев получила положительный отклик со стороны посетителей.

Литература:

1. Акулич, Е. М. Музей как социокультурный институт : автореф. дис. ... д-ра социологических наук: 22.00.04 / Е. М. Акулич. - Тюмень, 2004 - 54 с.
2. Акция «Варежка. Подари тепло ребенку» [Электронный ресурс] // Музей варезки: сайт. - Электрон. дан. - Санкт-Петербург, 2016. - Режим доступа: <http://m-museum.com/dobrye-dela.html>. - Загл. с экрана.

3. Акция «Добрая ёлка – 2015» [Электронный ресурс] // Музей-заповедник «Красная Горка»: официальный сайт. – Электрон. дан. – Кемерово, 2016. – Режим доступа: http://redhill-kemerovo.ru/Novosti_Aktsiya_Dobraya_elka_2015.htm. – Загл. с экрана.
4. Государственный Дарвиновский музей [Электронный ресурс]: официальный сайт / Департамент культуры города Москвы. – Электрон. дан. – Москва, 2016. – Режим доступа: <http://www.darwinmuseum.ru/projects/celebration>. – Загл. с экрана.
5. Музей в современном мире [Текст] // Труды ГИМ. – Вып. 104. – М., 1999. – С.10-35.
6. Музейная арт-терапия [Электронный ресурс] // Русский государственный музей: официальный сайт. – Электрон. дан. – Санкт-Петербург, 2015-2016. – Режим доступа: <http://rusmuseum.ru/education/art-therapy/>. – Загл. с экрана.
7. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]: федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ // Гарант: информационно-правовой портал. – Электрон. дан. – Москва, 1990-2016. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/104232/>. – Загл. с экрана.

References:

1. Akulich, E. M. Muzey kak sotsiokul'turnyy institut [The Museum as a sociocultural Institute]: avtoref. dis. ... d-ra sotsiologicheskikh nauk: 22.00.04 / E. M. Akulich. – Tyumen', 2004 – 54 s (In Russ.).
2. Aktsiya «Varezhka. Podari teplo rebenku» [Mitten. Give warmth to the child] // Muzey varezhki: sayt. – Elektron. dan. – Sankt-Peterburg, 2016. – Rezhim dostupa: <http://m-museum.com/dobrye-dela.html>. – Zagl. s ekrana (In Russ.).
3. Aktsiya «Dobraya elka – 2015» [Good tree-2015] // Muzey-zapovednik «Krasnaya Gorka»: ofitsial'nyy sayt. – Elektron. dan. – Kemerovo, 2016. – Rezhim dostupa: http://redhill-kemerovo.ru/Novosti_Aktsiya_Dobraya_elka_2015.htm. – Zagl. s ekrana (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy Darvinovskiy muzey [The state Darwin Museum]: ofitsial'nyy sayt / Departament kul'tury goroda Moskvy. – Elektron. dan. – Moskva, 2016. – Rezhim dostupa: <http://www.darwinmuseum.ru/projects/celebration>. – Zagl. s ekrana (In Russ.).
5. Muzey v sovremennom mire [Museum in a modern world] // Trudy GIM. – Vyp. 104. – M., 1999. – S.10-35 (In Russ.).
6. Muzeynaya art-terapiya [Museum of art-therapy] // Russkiy gosudarstvennyy muzey: ofitsial'nyy sayt. – Elektron. dan. – Sankt-Peterburg, 2015-2016. – Rezhim dostupa: <http://rusmuseum.ru/education/art-therapy/>. – Zagl. s ekrana (In Russ.).
7. O blagotvoritel'noy deyatel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiyakh (s izmeneniyami i dopolneniyami) [On charitable activities and charitable organizations]: federal'nyy zakon ot 11 avgusta 1995 g. № 135-FZ // Garant: informatsionno-pravovoy portal. – Elektron. dan. – Moskva, 1990-2016. – Rezhim dostupa: <http://base.garant.ru/104232/>. – Zagl. s ekrana (In Russ.).

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 930.26

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК МОГИЛЫ ЗНАТНОГО ВОИНА В ФОНДАХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Илюшин Андрей Михайлович,

д.и.н., профессор, кафедра истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: ilushin1963@mail.ru

В статье публикуются материалы археологических раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на курганной группе Солнечный-1, которые хранятся в фондах музея-заповедника «Томская Писаница». Эти вещественные источники позволяют раскрыть ранее неизвестные страницы региональной истории в период развитого средневековья. Целью статьи является публикация закрытого комплекса артефактов, выявленных при раскопках могилы 3 в кургане № 1 на курганной группе Солнечный-1, и его культурно-историческая характеристика. Для достижения этой цели используются такие методы исследования, как описание, типологическая классификация и сравнительно-исторический анализ. Опубликованные материалы были интерпретированы как захоронение знатного воина сокольничего начала или первой половины XIII в.

Ключевые слова: курган, могила, кочевники, знатный воин, сокольничий, развитое средневековье, Кузнецкая котловина, Центральная Азия

MATERIALS OF EXCAVATION OF THE GRAVE OF THE NOTABLE SOLDIER IN FUNDS OF THE MEMORIAL ESTATE «TOMSK PISANITSA»

Ilyushin Andrey Mikhailovich,

the doctor of historical sciences, professor of department of history, philosophy and social sciences of the Kuzbass state technical university of T.F. Gorbachev (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ilushin1963@mail.ru

Materials of archeological excavations of Kuznetsk complex archeologo-ethnographic expedition on kurganny group Solnechny-1 which are stored in funds of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa» are published in article. Earlier not known pages of regional history in the period of the developed Middle Ages allow to disclose these material sources. The purpose of article is the publication of the closed complex of the artifacts revealed at excavation of a grave 3 in a barrow No. 1 on kurganny group Solnechny-1 and its cultural and historical characteristic. For achievement of this purpose such methods of research as the description, typological classification and the comparative-historical analysis are used. The published materials were interpreted as burial of the notable soldier of the falconer of the beginning or the first half of XIII.

Keywords: barrow, grave, nomads, notable soldier, falconer, developed Middle Ages, Kuznetsk Depression, Central Asia

Настоящая статья продолжает публикации посвященные исследованию материалов археологических раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на курганной группе Солнечный-1, которые хранятся в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» [14, с. 39—49]. Эти вещественные источники

позволяют раскрыть ранее неизвестные страницы региональной истории в период развитого средневековья. Целью статьи является публикация всего комплекса артефактов, выявленного при раскопках могилы 3 в кургане № 1 на курганной группе Солнечный-1, и его культурно-историческая характеристика. Для достижения этой

цели используются такие методы исследования, как описание, типологическая классификация и сравнительно-исторический анализ.

В 2005 году при проведении аварийных раскопок на курганной группе Солнечный-1 в Ленинск-Кузнецком районе Кемеровской области был зафиксирован факт захоронения знатного воина в могиле 3 кургана № 1, которое предварительно было датировано в пределах XI—XIII веков [6, с. 27]. Отдельные предметы вооружения из этой могилы были исследованы ранее при анализе комплекса вооружения с этого памятника [22, с. 93—96]. Однако весь комплекс находок из могилы очень разнообразен и богат, что требует его индивидуального исследования в совокупности с выявленными особенностями погребального обряда и палеозоологическими материалами. Поэтому целью настоящей работы является публикация всего комплекса артефактов, выявленного при раскопках могилы 3 в кургане № 1 на курганной группе Солнечный-1, и его культурно-историческая характеристика.

Курган № 1 располагался в ССЗ части памятника. До начала раскопок он представлял собой округлую, сильно задернованную и оплывшую земляную насыпь диаметром 21,3 м и высотой 1,65 м от современной поверхности и 1,95 м от материка, которая находилась во внутреннем пространстве рва подчетырехугольной формы, длинной осью ориентированного по линии З-В. Восточная и юго-восточная часть рва была подвержена разрушению при строительстве железной дороги. В процессе раскопок под насыпью кургана были выявлены и обследованы четыре грунтовые могилы.

Исследуемая в настоящей работе могила 3 располагалась в центральной части на глубине 2,48—2,90 м от нулевого уровня (самой высокой точки кургана) и представляла собой сильно разрушенное грабителями и мелкими грызунами захоронение взрослого человека и двух коней в одной ступенчатой грунтовой яме. Могильная яма имела овальную форму размерами 2,95×1,24 м, длинной осью вытянута по линии ЗЮЗ — ВСВ, и углублена в материк ступенями на 0,53 м и 0,95 м (рис. 1). Могила была подвергнута ограблению. Ее заполнение представляло собой смешанный грунт из чернозема и светло-серой материковой глины. При выборке заполнения и просеивания грунта в неупорядоченном состоянии на разных глубинах были найдены многочисленные фрагменты и целые кости скелетов человека (череп, ребра, позвонки, тазовые кости) и двух коней (тазовые кости, ребра, позвонки), а также такие находки, как железные наконечники стрел, наконечник копья, фрагменты сабли и стремян (рис. 2, 1—7; 3, 1, 2).

После выборки заполнения грунтовой могильной ямы в северной части на глубине 2,16—2,55 м

были зафиксированы захоронения двух коней, которые, вероятно, первоначально лежали друг на друге на ступеньке и были ориентированы головами на ЗЮЗ. От скелетов коней в первоначальном положении сохранились лишь черепа и отдельные суставы ног. В челюстях черепа ниже лежащего коня на глубине 2,27 м были зафиксированы железные удила с кольчатыми и стержневыми псалиями, а рядом и под ним на глубине 2,48 м были найдены бронзовые с позолотой украшения конской узды (пряжка, бляхи, тройники и бронзовая налобная бляха сердцевидной формы) украшенные растительным орнаментом (рис. 1; 3, 3; 4, 1—10; цв. вкл. рис. 1, 1—9). Захоронение человека было сильно разрушено. В первоначальном положении на глубине 2,87 м в центральной части могилы была зафиксирована берцовая кость человека. В западной части могилы на глубине 2,90 м были найдены кости крупной птицы, а в восточной — фрагменты досок погребальной конструкции (рис. 1). По сохранившейся на дне берцовой кости и находкам костей скелета в заполнении могилы можно предполагать, что в могиле был погребен взрослый человек в вытянутом положении на спине, ориентированный головой на ВСВ.

После завершения раскопок могилы были обследованы норы животных-грызунов, которые были выявлены в ее стенах на разных глубинах. В одной из них, расположенной в восточной стенке у самого дна могильной ямы в процессе выборки заполнения и зачистки был обнаружен набор бронзовых поясных украшений — наконечник подвесного ремня, ременные крепления, обоймы и бляхи-наконечники, которые изначально крепились к кожаному поясу погребенного (рис. 5, 1—19; цв. вкл. рис. 2, 1—18).

Предметы вооружения в могиле представлены средствами для ведения дистанционного и ближнего боя (рис. 2, 1—7). При классификации этих изделий воспользуемся принципами классификации средневекового вооружения для Кузнецкой котловины и сопредельных территорий Центральной Азии [3; 8, с. 10—15; 9, с. 120—133; 12, с. 245—251; 23; 24; 25; 26; и др.].

Железные черешковые наконечники стрел относятся к двум группам по сечению пера и двум типам по его форме.

Группа трехлопастных наконечников стрел представлена типом удлинненно-треугольной формы (рис. 2, 6). На территории Кузнецкой котловины этот тип наконечников стрел известен по материалам раскопок курганов № 4 и № 5 могильника Сапогово, датированным второй половиной VIII — первой половиной IX вв. [9, с. 121; 16, с. 20, рис. 25, 1; 26, 3], но могли бытовать и в более позднее время. На территории Горного и Лесостепного Алтая они известны в материалах конца I — начала II тыс. н.э. [3, с. 29, рис. 38].

Группа трехгранно-трехлопастных наконечников стрел представлена типом удлинненно-пятиугольной формы (рис. 2, 7). На территории Кузнецкой котловины этот тип наконечников стрел известен по материалам раскопок кургана № 9 на могильнике Ишаново, датированным началом XIII в. [11, с. 42, 75, рис. 73, 11].

Наконечник копья, найденный в могиле 3 (рис. 2, 5), по материалу изготовления относится к классу железных, а по способу насада — к отделу втульчатых. По сечению и форме боевого пера его можно отнести к группе однолопастных (линзовидных) и типу удлинненно-треугольных. На территории Кузнецкой котловины такой наконечник копья найден впервые [8, с. 10—15]. Нет аналогий этой находки и на территории Алтая [3, с. 46—56]. Ближайшие аналогии известны в монгольских материалах развитого средневековья на территории Забайкалья и Монголии [25, с. 134, рис. 74, 2, 9; 26, с. 131]. Специалисты отмечают, что монгольское оружие имело широкое распространение и заимствование в XIII—XIV вв. в кочевом мире евразийских степей после их перехода под власть Чингизидов [25, с. 154]. Необходимо отметить, что копья редко встречаются в могилах воинов-кочевников Кузнецкой котловины и Алтая, что косвенно указывает на высокий социальный и профессиональный статус погребенного воина с этим видом вооружения [3, с. 56; 8, с. 13].

Оружие ближнего боя представлено фрагментами железной сабли (рис. 2, 1—4). Сабля была поломана. Это произошло либо когда ее клали в могилу, либо во время ее ограбления. Точную форму и размеры сабли установить не представляется возможным, но перекрестье у основания рукояти, сохранившее свою форму, позволяет классифицировать ее по этому признаку. Она относится к типу сабель с брусковидным перекрестьем, в разном исполнении. Этот тип сабель наиболее часто встречается в могилах кочевников на территории Кузнецкой котловины в развитом средневековье [12, рис. 1, 6, 7, 9—11, 13, 14]. При этом, как правило, они были найдены в богатых на находки воинских захоронениях. Это позволяет предполагать, что сабли как вид оружия использовались лишь военной аристократией, а сами изделия были достаточно ценными в местной среде [12, с. 248].

Предметы конского снаряжения представлены железными стременами и удилами с псалиями, а также бронзовыми с позолотой и украшенными растительным орнаментом пряжкой, тройниками, бляшками и массивной сердцевидной бляхой, крепившимися на кожаные ремни экипировки узды (рис. 3, 1—3; 4, 1—10; цв. вкл. рис. 1, 1—9).

Железные удила относятся к типу двукольчатых, звенья которых имеют два неподвижных кольца, расположенных перпендикулярно друг к другу на внешних концах звеньев (рис. 3, 3).

Железные псалии относятся к типу комбинированных стержневых с «башмаками» и «головками», со скобами, вставленными во внутренние кольца звеньев, и маленькими кольчатými, закрепленными во внешних кольцах звеньев (рис. 3, 3). На территории Кузнецкой котловины такой же тип удил, с аналогичным и близким комбинированным набором псалий, был зафиксирован на погребальных памятниках Конево и Ишаново, датированных рубежом XII—XIII вв. и началом XIII в. [10, с. 28—29, 70, рис. 21, 2; 11, с. 46, 80, рис. 50, 5].

Железные стремена из могилы 3 (рис. 3, 1, 2) по системе крепления относятся к типу с отверстием в прямоугольном выступе на верхней дужке, в разном исполнении. В Кузнецкой котловине стремена этого типа зафиксированы на погребальных памятниках кочевников развитого средневековья Беково и Шанда (XI—XII вв. н.э.), Мусохраново-1 (XII—XIII вв.), Конево (рубеж XII—XIII вв.) и Ишаново (XIII в.) [5, с. 25, рис. 32, 1, 2; 10, с. 39, 70, рис. 12, 2; 35, 5; 11, с. 46, 80, рис. 84, 8; 91, 3, 4; 13, с. 39, рис. 6, 8; 13, 3, 4; 15, с. 184, рис. 2, 1; 7, 1; и др.].

Набор предметов торевтики, украшавший узду из могилы 3 (рис. 4, 1—10; цв. вкл. рис. 1, 1—9), представляет собой яркий образец средневекового искусства, где растительный орнамент используется в качестве мотива для украшения изделий. В целом стиль этих изделий напоминает тот, который сложился в Центральной Азии в XI—XIII вв. в виде сочетания геометрических и стилизованных растительных элементов, и популярного в монгольский период истории, усложненного и пышно цветущего растительного орнамента [18, с. 11—12]. При внимательном изучении украшений узды можно сделать вывод о том, что она состоит из двух или трех комплектов изделий. В первый комплект изделий входят тройники и бляшки (не исключено, что пряжка и большая сердцевидная бляха) (рис. 3, 1—4, 6, 8, 10; 4, 1—6), во второй — бляхи (не исключено, что пряжка) (рис. 3, 4, 5, 7, 9; 4, 6—9), а в третий комплект могут входить пряжка и (или) большая сердцевидная бляха (рис. 3, 4, 10; 4, 1, 6). Первый комплект изделий характеризуется наличием четырехугольной цветочной розетки в центре растительной композиции, а во втором комплекте изделий эту функцию выполняет розетка геометрических очертаний [19, с. 108—111]. В третий комплект могут входить пряжка, украшенная пальметой с завитками, и массивная бляха сердцевидной формы, украшенная резной линией по контуру изделия. Этот факт объясняется тем, что узда изготавливалась и украшалась в ремесленных центрах Среднего Востока комплектом из предметов торевтики, как правило, выполненных из одного материала, по одной технологии и в одном стиле. Однако в процессе использования узды кочевники зачастую подвергали ее ремонту или дополнительно

украшали бляхами, произведенными в других местах. Все изделия выполнены по технологии литья и штамповки с рельефным орнаментом, с последующим горячим золочением. Каждый из комплектов узды уникален, так как был изготовлен в ремесленных мастерских в единичных экземплярах, но штампы с оригиналов изделий могли использоваться в других мастерских. У кочевников Центральной Азии существовала общая мода на эти изделия. Этот факт подтверждает наблюдение Джованни дель Плано Карпини, который путешествуя в ставку Великого монгольского хана, писал, что украшения конского снаряжения у монгольских князей изготовлялись из золота и представляли собой значительную материальную ценность [17, с. 311–312]. Эти сведения указывают, что предметы торевтики высоко котировались в средневековом обществе, подчеркивали социальный статус их владельцев и пользовались спросом в кочевой среде, что позволяет найти отдельные аналогии. Так, в Алтайской лесостепи массивные бронзовые бляхи сердцевидной формы использовались в качестве налобных украшений узды со второй половины VIII в. до XI в. [4, с. 56, рис. 25, 3–16]. Сердцевидные налобники известны в северо-западных предгорьях Алтая и на Верхнем Иртыше, где они выявлены в погребениях знатных кимаков середины X — первой половины XI вв. и характеризуются как их этнографическая особенность [20, с. 90, рис. 210, 3, 4, 6, 8; 218, 5]. На территории Кузнецкой котловины бронзовые налобники сердцевидной формы были найдены на курганных могильниках Сапогово и Ваганово, датированных второй половиной VIII — первой половиной IX вв. и второй половиной IX в. [16, с. 24, 41, рис. 35, 17; 42, 13; 49, 13; 49, 14; 51, 32; 2, с. 48, 141, рис. 31, 36, 37, 40, 42; 37, 5; 52, 1–5, 31–38], но по выше приведенным аналогиям могли существовать и в начале II тыс. н.э. Бляхи, украшавшие узду из второго комплекта (рис. 3, 5, 7, 9; 4, 7–9), имеют аналогии из богатой могилы кимацкого воина IX–XI вв. в кургане 145 на Зевакинском могильнике в Верхнем Прииртышье [18, табл. 17, 3]. При этом они были изготовлены по такой же технологии, но из серебра, с последующим горячим золочением [1, с. 28–37, фото. 21].

Позолоченные бронзовые бляхи, обоймы, подвески и наконечники ремня из поясного набора погребенного (рис. 5, 1–19; цв. вкл. рис. 2, 1–18) выглядят несколько архаично. Бронзовые с по-

золотой обоймы имеют аналогии на территории Кузнецкой котловины в кургане № 4 на курганной группе Мусохраново-1 XII–XIII вв. [15, рис. 6, 8; 9, 13, 14]. Отдельные украшения из этого набора имеют аналогии в материалах раскопок курганов кочевников IX–XI вв. на северо-западных предгорьях Алтая [20, с. 99–100, рис. 160, 4, 8–12].

В погребальном обряде обращает на себя внимание наличие двух лошадей в могиле, одна из которых была взнуздана (рис. 1). Два этих признака указывают на характерные обычаи монголов. Джованни дель Плано Карпини повествовал, что знатных особ хоронят с несколькими лошадьми [17, с. 249–251]. Общеизвестен и тот факт, что монголы в походах использовали несколько лошадей, одна из которых была взнуздана и везла всадника, а другая налегке двигалась на привязи за ними. Очень редким является факт наличия в могилах средневековых кочевников костей птицы. Зафиксированные в исследуемой могиле кости крупной птицы позволяют предполагать, что погребенного в иной мир сопровождали не только его лошади, но и ловчая птица. В эпоху средневековья у тюрко- и монголоязычных кочевников Центральной Азии охота с ловчими птицами, беркутами или соколами, на лисиц, зайцев, волков и сайгаков была очень распространена, а люди, занимавшиеся выращиванием этих птиц, пользовались особым почетом и, как правило, относились к элите общества. Этот вид охоты сохранился до сих пор у многих тюркоязычных народов Центральной Азии [21, с. 30–48; и др.]

С учетом датировки курганного могильника Новокамышенка XII–началом XIII вв. [7, с. 160–184], составной частью которого является курганная группа Солнечный-1 [14, с. 42], и приведенных аналогий для артефактов из могилы 3 кургана № 1 исследуемое захоронение знатного воина можно датировать началом или первой половиной XIII в. Этот объект можно отнести к шандинской археологической культуре тюркоязычных кочевников развитого средневековья в Кузнецкой котловине. По своему культурно-историческому содержанию эта уникальная могила представляет собой погребение сокольничего в период становления монгольской государственности и сложения империи Чингиз-хана, когда население Кузнецкой котловины входило в этнокультурную и этнополитическую общность племен Восточный Дешт-и-Кипчак.

Литература

1. Арсланова, Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья / Ф. Х. Арсланова. — Астана, 2013. — 405 с.
2. Бобров, В. В., Васютин, А. С., Онищенко, С. С. Вагановский курганный некрополь IX в. н.э. в Присалаирье / В. В. Бобров, А. С. Васютин, С. С. Онищенко. — Кемерово: ИНТ, 2010. — 276 с.
3. Горбунов, В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Наступательное вооружение (оружие) / В. В. Горбунов. — Барнаул, 2006. — Часть II. — 232 с.

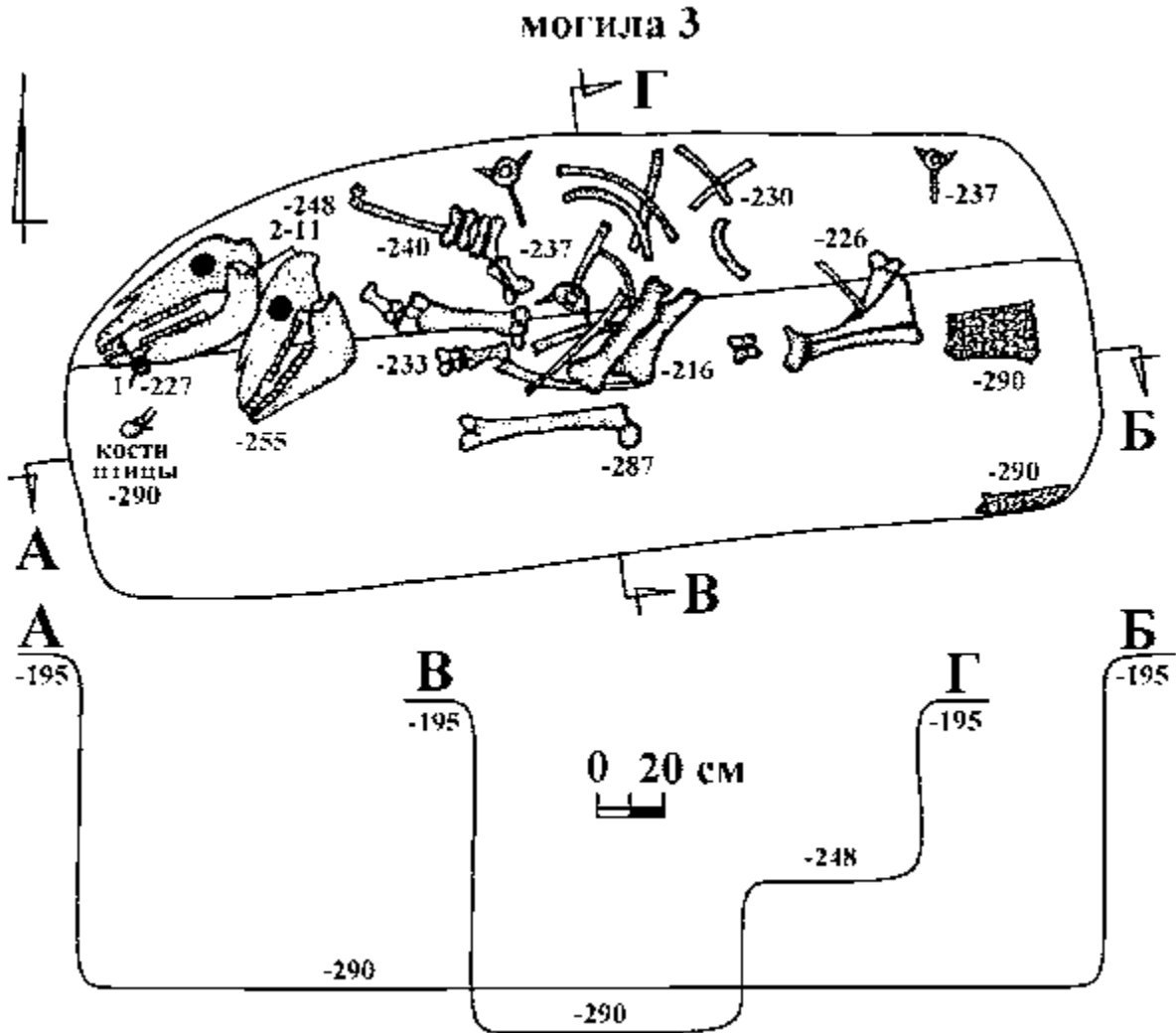
4. Горбунова, Т. Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты / Т. Г. Горбунова. — Барнаул: Азбука, 2010. — 136 с.
5. Илюшин, А. М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат / А. М. Илюшин. — Кемерово: Кузбасвуиздат, 1993. — 116 с.
6. Илюшин, А. М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2005 году / А. М. Илюшин. — Кемерово, 2006. — 268 с.
7. Илюшин, А. М. Курганные могильники Камысла и Новокамьшенка (по материалам раскопок А. Т. Кузнецовой в 1927 году) / А. М. Илюшин // Археология Степной Евразии. — Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2008. — С. 160—184.
8. Илюшин, А. М. Средневековые копья в Кузнецкой котловине (к вопросу об истории оружия на северной периферии Саяно-Алтая) / А. М. Илюшин // Вестник Челябинского государственного университета. 2009 — № 38 (176). История. Вып. 37. — С. 10—15.
9. Илюшин, А. М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины / А. М. Илюшин // Известия Алтайского государственного университета. — 2010. — № 4/1. — С. 120—133.
10. Илюшин, А. М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура / А. М. Илюшин. — Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. — 188 с.
11. Илюшин, А. М. Курганы кыштымов в долине Ура / А. М. Илюшин. — Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2014. — 216 с.
12. Илюшин, А. М. Сабли в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины / А. М. Илюшин // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов, посвященный юбилею В. И. Соенова. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. — № 7 (19). — С. 245—251.
13. Илюшин, А. М. Курган № 10 на могильнике Ишаново / А. М. Илюшин // Теория и практика археологических исследований. — 2014. — № 1. — С. 27—41.
14. Илюшин, А. М. Археологические материалы из раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в фондах музея-заповедника «Томская Писаница» / А. М. Илюшин // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». — 2015. — Вып. 2. — С. 39—49.
15. Илюшин, А. М., Бутьян, В. А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 / А. М. Илюшин, В. А. Бутьян // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2010. — № 4. — С. 175—184.
16. Илюшин, А. М., Сулейменов, М. Г., Гузь, В. Б., Стародубцев, А. Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине / А. М. Илюшин, М. Г. Сулейменов, В. Б. Гузь, А. Г. Стародубцев. — Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. — 128 с.
17. История монголов. — М.: Изд-во Хранитель, 2008. — 476 с.
18. Король, Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки / Г. Г. Король. — М. — Кемерово: Кузбасвуиздат, 2008. — 332 с.
19. Кызласов, Л. Р., Король, Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник / Л. Р. Кызласов, Г. Г. Король. — М.: Наука, 1990. — 216 с.
20. Могильников, В. А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX—XI веках / В. А. Могильников. — М.: Наука, 2002. — 362 с.
21. Симаков, Т. Н. Охота с ловчими птицами у народов Средней Азии и Казахстана / Т. Н. Симаков // Сборник музея археологии и этнографии. 1989. Т. 43. — С. 30—48.
22. Сулейменов, М. Г. Средневековый комплекс вооружения кочевников Кузнецкой котловины (по материалам курганной группы Солнечный-1) / М. Г. Сулейменов // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. — Барнаул: Азбука, 2008. — С. 93—96.
23. Худяков, Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI—XII вв. / Ю. С. Худяков. — Новосибирск: Наука, 1980. — 176 с.
24. Худяков, Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии / Ю. С. Худяков. — Новосибирск: Наука, 1986. — 268 с.
25. Худяков, Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья / Ю. С. Худяков. — Новосибирск: Наука, 1991. — 190 с.
26. Худяков, Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья / Ю. С. Худяков. — Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1997. — 160 с.

References

1. Arslanova, F. Kh. Ocherki srednevekovoi arkhologii Verkhnego Priirtysh'ia [Sketches of medieval archeology of the Top Priirtyshje]. — Astana, 2013. — 405 p. (In Russ.).
2. Bobrov, V. V., Vasiutin, A. S., Onishchenko, S. S. Vaganovskii kurgannyi nekropol' IX v. n.e. v Prislalair'e [Vaganovsky kurganny necropolis of IX v. AD in Prislalairy]. — Kemerovo: INT, 2010. — 276 p. (In Russ.).
3. Gorbunov, V. V. Voennoe delo naseleniya Altaya v III—XIV vv. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie) [Military population of Altai during the III—XIV centuries. Offensive weapons (weapons)]. — Barnaul: Publishing house of ASU, 2006. — Part II. — 232 p. (In Russ.).

4. Gorbunova, T. G. Rekonstruktsiia konskogo snariazheniia srednevekovykh kochevnikov Altaia: metodika i nekotorye rezul'taty [Reconstruction of horse equipment of medieval nomads of Altai: technique and some results]. — Barnaul: Azbuka, 2010. — 136 p. (In Russ.).
5. Ilyushin, A. M. Kurgany srednevekovykh kochevnikov doliny reki Bachat [Tumulus of medieval nomads of the valley of the river Bachat]. — Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1993. — 116 p. (In Russ.).
6. Ilyushin, A. M. Otchet ob avariynykh arkhelogicheskikh raskopkakh Kuznetskoy kompleksnoy arkhologoetnograficheskoy ekspeditsii v 2005 godu. [Report on emergency archaeological excavations of the Kuznetsk complex archaeological-ethnographic expedition in 2005]. — Kemerovo, 2006. — 268 p. (In Russ.).
7. Ilyushin, A. M. Kurganye mogil'niki Kamysla i Novokamysheika (po materialam raskopok A. T. Kuznetsovoy v 1927 godu) [Burial mounds of Camila and Novokamenka (on materials of excavations A. T. Kuznetsova in 1927)] Arkheologiya Stepnoy Evrazii [Archeology of Steppe Eurasia]. — Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2008. — p. 160–184. (In Russ.).
8. Ilyushin, A. M. Srednevekovye kop'ia v Kuznetskoi kotlovine (k voprosu ob istorii oruzhiia na severnoi periferii Saiano-Altaia) [Iron tips of arrows from medieval barrows of Kuznetsk Depression] Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 8 (176). Istoriia. Vyp. 37. [Bulletin of the Chelyabinsk state university. 2009. — No. 38 (176). — History. Vyp. 37]. — p. 10–15. (In Russ.).
9. Ilyushin, A. M. Zheleznye nakonechniki strel iz srednevekovykh kurganov Kuznetskoi kotloviny [Iron tips of arrows from medieval barrows of Kuznetsk Depression] Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta [News of the Altai state university]. — 2010. — № 4/1. — p. 120–133. (In Russ.).
10. Ilyushin, A. M. Kurgany pozdnikh kochevnikov bliz ust'ya Ura [The mounds of the later nomads near the mouth Hurray]. — Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2012. — 188 p. (In Russ.).
11. Ilyushin, A. M. Kurgany kyshtymov v doline Ura. [Kyshtymov mounds in the valley of Ur]. — Kemerovo: Izd-vo KuzGTU, 2014. — 216 p. (In Russ.).
12. Ilyushin, A. M. Sabli v kul'ture srednevekovogo naseleniia Kuznetskoi kotloviny [Sabers in culture of the medieval population of Kuznetsk Depression] Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii. Sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi iubileiu V. I. Soenova [Antiquity of Siberia and Central Asia. The collection of scientific works devoted to V. I. Soyenov's anniversary]. — Gorno-Altai: GAGU, 2014. — № 7 (19). — p. 245–251. (In Russ.).
13. Ilyushin, A. M. Kurgan № 10 na mogil'nike Ishanovo [Barrow No. 10 on Ishanovo's burial ground] // Teoriia i praktika arkhelogicheskikh issledovaniy [Theory and practice of archaeological researches]. — 2014. — № 1. — p. 27–41. (In Russ.).
14. Ilyushin, A. M. Arkheologicheskie materialy iz raskopok Kuznetskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii v fondakh muzeia-zapovednika «Tomskaiia Pisanitsa» [Archaeological materials from excavation of Kuznetsk complex arkhologo-ethnographic expedition in funds of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa» Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaiia Pisanitsa» [Scientific notes of the memorial estate «Tomsk Pisanitsa»]. — 2015. — Vyp. 2. — p. 39–49. (In Russ.).
15. Ilyushin, A. M., But'ian, V. A. Raskopki Kuznetskoi kompleksnoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii 2009 goda na kurgannoi gruppe Musokhranovo-1 [Excavation of Kuznetsk complex arkhologo-ethnographic expedition of 2009 on kurganny group Musokhranovo-1] // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Kuzbass state technical university]. — 2010. — № 4. — p. 175–184. (In Russ.).
16. Ilyushin, A. M., Suleimenov, M. G., Guz', V. B., Starodubtsev, A. G. Mogil'nik Sapogovo — pamiatnik drevnetiurkskoi epokhi v Kuznetskoi kotlovine [Mogilnik Sapogovo — a monument of a drevnetiurksky era in Kuznetsk Depression]. — Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1992. — 128 p. (In Russ.).
17. Istoriia mongolov [History of Mongols]. — M.: Izd-vo Khranitel', 2008. — 476 p.
18. Korol', G. G. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [Art of medieval nomads of Eurasia. Sketches]. — M. — Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. — 332 p. (In Russ.).
19. Kyzlasov, L. R., Korol', G. G. Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskii istochnik [Decorative art of medieval Khakas as historical source]. — M.: Nauka, 1990. — 216 p. (In Russ.).
20. Mogil'nikov, V. A. Kochevniki severo-zapadnykh predgoriy Altaya v IX–XI vekakh [Nomads of the North-Western foothills of the Altai mountains in IX–XI centuries]. — M.: Nauka, 2002. — 362 p. (In Russ.).
21. Simakov, T. N. Okhota s lovchimi ptitsami u narodov Srednei Azii i Kazakhstana [Hunting with hunting birds at the people of Central Asia and Kazakhstan] Sbornik muzeia arkhologii i etnografii [Collection of the museum of archeology and ethnography]. — 1989. T. 43 — p. 30–48. (In Russ.).
22. Suleimenov, M. G. Srednevekovi kompleks vooruzheniia kochevnikov Kuznetskoi kotloviny (po materialam kurgannoi gruppy Solnechnyi-1) [A medieval complex of arms of nomads of Kuznetsk Depression (on materials of kurganny group Solnechnyi-1)] Drevnie i srednevekove kochevniki Tsentral'noi Azii [Ancient and medieval nomads of Central Asia]. — Barnaul: Azbuka, 2008. — S. 93–96. (In Russ.).
23. Khudiakov, Iu. S. Vooruzhenie eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vv. [Vooruzheniye of the Yenisei Kyrgyz of the VI–XII centuries]. — Novosibirsk.: Nauka, 1980. — 176 p. (In Russ.).
24. Khudiakov, Iu. S. Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii [Vooruzheniye of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. — Novosibirsk.: Nauka, 1986. — 268 p. (In Russ.).

25. Khudiakov, Iu. S. Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu razvitogo srednevekov'ia [Vooruzheniye of Central Asian nomads during an era of the developed Middle Ages]. — Novosibirsk.: Nauka, 1991. — 190 p. (In Russ.).
26. Khudiakov, Iu. S. Vooruzhenie kochevnikov Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v epokhu razvitogo srednevekov'ia [Vooruzheniye of nomads of Southern Siberia and Central Asia during an era of the developed Middle Ages]. — Novosibirsk, 1997. — 160 p. (In Russ.).

Находки: 1 – удила с кольчатыми и стержневыми псалями, 2–11 – украшения узды

Рис. 1. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1.

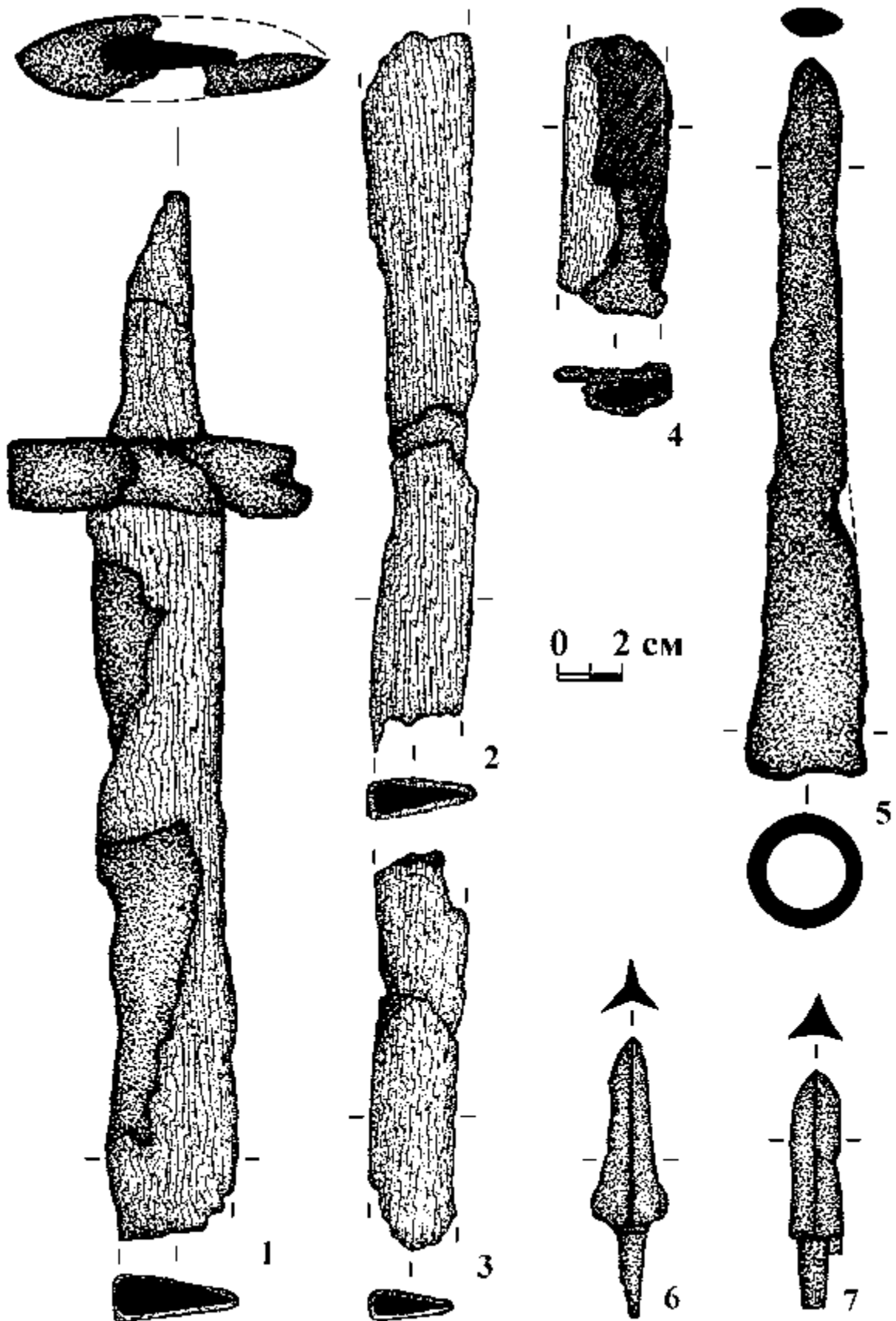

Рис. 2. Курганная группа Солнечный-1.
 Курган № 1. Находки из могилы 3: 1-4 – фрагменты сабли, 5 – наконечник копья, 6, 7 – наконечники стрел; 1 – железо, дерево; 5-7 – железо

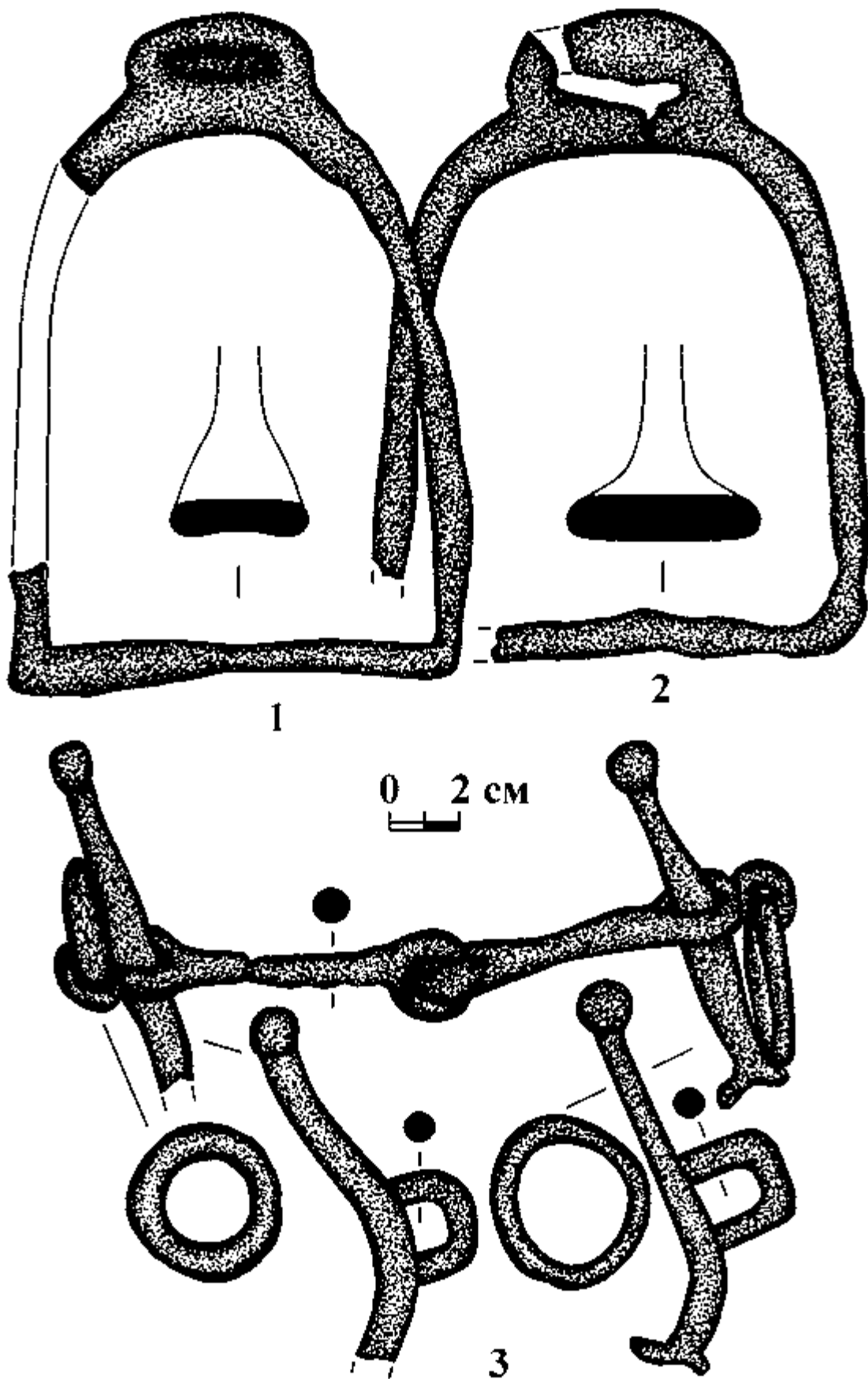

Рис. 3. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1. Находки из могилы 3:
1, 2 – фрагменты стремян, 3 – удила с кольчатыми и стержневыми псалиями; 1–3 – железо

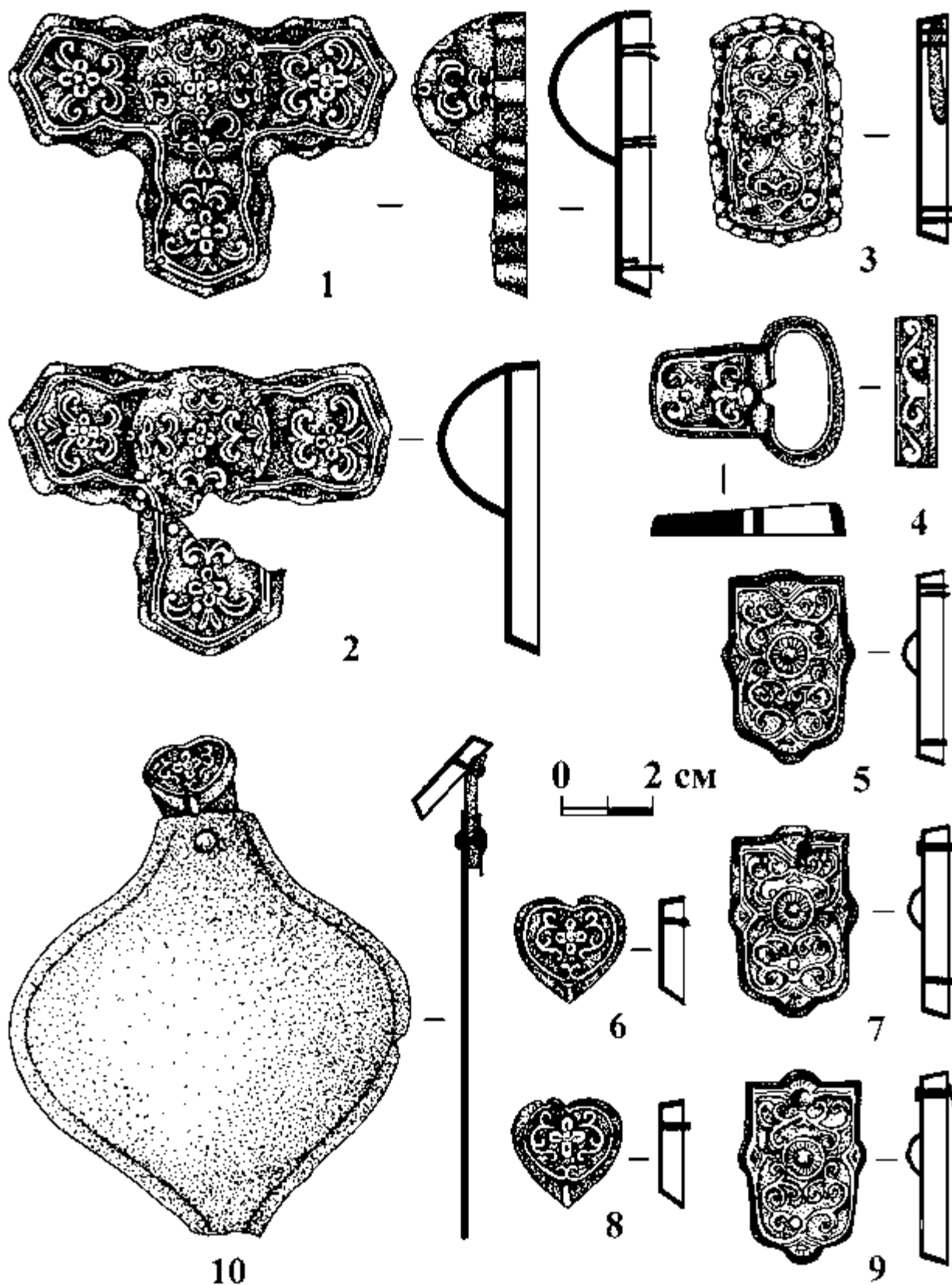

Рис. 4. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1. Находки из могилы 3:
 1–10 – предметы украшения конской упряжи; 1, 2, 4–9 – бронза с позолотой,
 3, 10 – бронза с позолотой и кожа

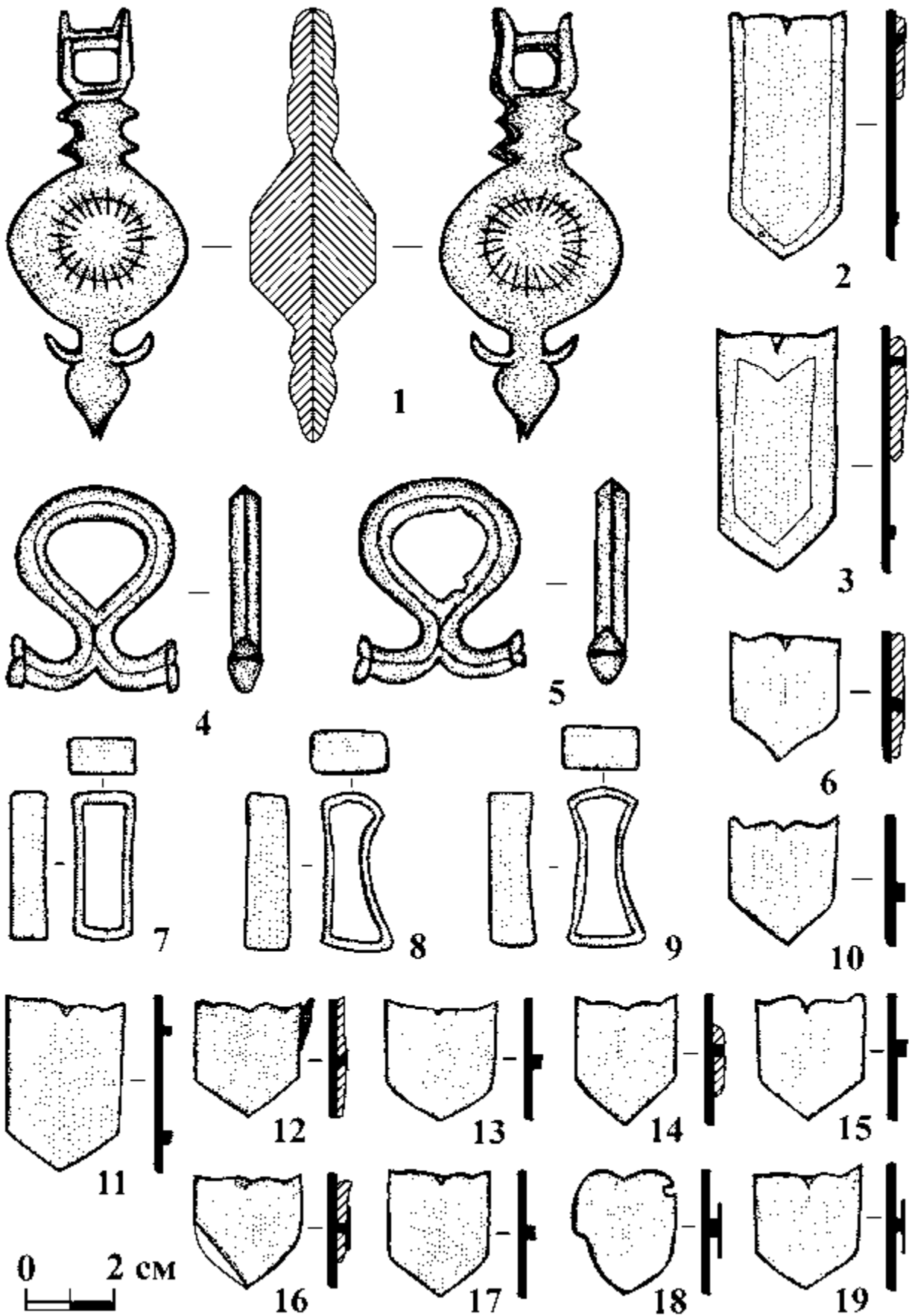

Рис. 5. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1. Находки из могилы 3:
 1-19 – предметы крепления и украшения пояса; 1, 4, 5, 7-11, 13-15, 17-19
 – бронза с позолотой, 2, 3, 6, 12, 16 – бронза с позолотой и кожа

УДК 902/904

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» В 2015 Г.

Миклашевич Елена Александровна,

ведущий научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Мухарева Анна Николаевна,

к.и.н., старший научный сотрудник, Музей-заповедник «Томская Писаница» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: mukhareva@mail.ru

Бове Леонид Леонидович,

магистрант, кафедра археологии, Кемеровский государственный университет (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: L_bove@mail.ru

В статье характеризуются основные результаты работы петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница», осуществлявшейся в 2015 г. на памятниках наскального искусства Кемеровской области (Томская писаница, Висячий Камень), юга Красноярского края (Улазы, Городовая Стена, Маяк, Туран, Суханиха, Майдашинская писаница), Республики Хакасия (Оглахты) и Республики Тыва (Малый Баянкол). В задачи экспедиции входило: продолжение документирования памятников и комплексов, исследование которых было начато ранее; обследование неизученных объектов; оценка состояния сохранности памятников, в том числе с использованием архивных материалов для сравнения; изучение изображений на курганных камнях; сбор материалов для фондов и экспозиций музея-заповедника. Приводится большое количество полученных материалов в виде фотографий, схем и прорисовок.

Ключевые слова: наскальное искусство, изображения на плитах курганов, шаманы, Хакасия, Тува, Минусинская котловина, Притомье.

INVESTIGATIONS BY THE PETROGLYPHIC EXPEDITION OF THE «TOMSKAYA PISANITSA» MUSEUM-RESERVE IN 2015

Miklashevich Elena Alekseyevna,

Research associate, «Tomskaya Pisanitsa» Museum-reserve (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

Mukhareva Anna Nikolaevna,

Candidate of History, Research associate, «Tomskaya Pisanitsa» Museum-reserve (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: mukhareva@mail.ru

Bove Leonid Leonidovich,

Undergraduate of Archaeology Department, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: L_bove@mail.ru

The paper characterizes main results which were obtained by the Petroglyphic Expedition, organized by the «Tomskaya Pisanitsa» Museum-reserve in 2015. The work was implemented at the rock art sites situated on the territory of Kemerovo region (Tomskaya Pisanitsa, Visyachy Kamen'), at the south of the Krasnoyarsk region (Ulazy, Gorodovaya Stena, Mayak, Turan, Sukhanikha, Maidashinskaya Pisanitsa), in the Republic of Khakassia (Oglakhty) and in the Republic of Tuva (Maly Bayankol). The objectives of the expedition were: to continue documenting the sites and complexes, the study of which was initiated earlier; to investigate unknown objects; to assess the state of preservation of sites under destruction, including the comparison with archival photos; to record the decorated kurgan slabs and to collect materials for the collections and expositions of the Museum-reserve. The paper is well illustrated with photos, tracings and schemes and presents new and rare materials.

Keywords: rock art, decorated kurgan slabs, shamans, Khakasia, Tuva, Minusinsk basin, Tom'basin.

В 2015 г. исследования петроглифической экспедиции Музея-заповедника «Томская Писаница» проводились на территории Кемеровской области, Красноярского края, Республик Хакасия и Тува (рис. 1). Перед нами стояли следующие задачи: 1) продолжение полного документирования памятников и комплексов, исследование которых было начато ранее [12]; 2) обследование «новых» (для нас) объектов; 3) оценка состояния сохранности памятников, в том числе с использованием для сравнения архивных материалов; 4) изучение изображений на курганных камнях; 5) сбор материалов для фондов и экспозиций музея-заповедника.¹

Работы на памятниках р. Томь были связаны, в первую очередь, с отработкой методики и подбором материалов для изготовления факсимильных копий. Точные объёмные копии наскальных изображений из прочных материалов изготавливаются уже довольно давно, экспонируются в музеях многих стран; такой опыт накоплен и отечественными специалистами. Несмотря на трудоёмкость процесса и дороговизну материалов, значение получаемых копий высоко, а спектр их применения широк: отливки из прочного материала становятся «резервными копиями» на случай повреждения или утраты оригинала; абсолютное соответствие копии оригиналу помогает в документировании объектов, в проведении мониторинга состояния их сохранности, представляет основу для проведения реставрационных работ на оригинале в случае утраты фрагментов; копия-отливка может служить «полигоном» для разнообразных реконструкций (визуализация изображений, восстановление утраченных фрагментов и т.д.); экспозиционные качества данного вида копий трудно переоценить (полная идентичность оригиналу, возможность сделать изображения более различимыми для посетителей, возможность тактильно познакомиться с наскальным искусством для слепых и слабовидящих, возможность близко рассмотреть то, что может быть расположено на недостижимой высоте и т.д. и т.п.; кроме того, с однажды сделанной матрицы можно получать практически неограниченное количество копий для использования в презентационных, обучающих, коммерческих и др. целях.

Учитывая все эти аспекты, руководство Музея-заповедника уже давно поставило целью начать

создание фонда резервных копий петроглифов Томи. С 2014 г. началось обучение группы энтузиастов, в том числе их стажировка у опытных специалистов Научно-реставрационной лаборатории «Остров Крым» (Алматы, Казахстан). В 2015 г. музеем-заповедником были закуплены материалы для изготовления матриц, которые тестировались на опытных образцах (петроглифы-новоделы на аутентичных плитках). После полного овладения методикой и подбора необходимых материалов, были изготовлены первые пробные копии нескольких небольших плоскостей памятников Томская писаница и Висячий Камень (цв. вкл. I — 1). Позже в полученных матрицах были отлиты из полиэфирной смолы с наполнителями копии, которые после небольшой художественной «доработки» (цв. вкл. I — 2) экспонировались на выставке «Древнее искусство Сибири» в Кемеровской областной научной библиотеке и пользовались большим успехом. Навыками изготовления факсимильных копий овладели И. В. Аболонкова, К. В. Конончук, А. С. Тяхтеревы и авторы данной статьи. Работы по копированию этим способом памятников наскального искусства Притомья будут продолжены.

Параллельно с копированием, которое предполагает значительные технологические перерывы, проводился и осмотр скал, расположенных рядом. Несмотря на то, что эти участки уже были неоднократно и очень тщательно осмотрены многими исследователями, включая и нас самих, удалось обнаружить новые плоскости. На памятнике *Висячий Камень*, немного выше основного скопления петроглифов, была выявлена неизвестная ранее большая плоскость с многочисленными фрагментами вырезанных, выбитых и шлифованных изображений. К сожалению, плоскость находится в состоянии очень сильной степени деструкции, фрагменты изображений лишь угадываются (это в основном зооморфные фигуры), и ещё предстоит большая работа по их идентификации. На памятнике *Томская писаница*, в первой группе плоскостей, у самого устья р. Писаной, на расположенных непосредственно под часовой отвесных скальных выходах обнаружены 4 новые плоскости с выбитыми изображениями лосей, антропоморфных фигур и, предположительно, лодки. Все они расположены высоко на недоступных скальных поверхностях (цв. вкл. I — 3), большинство из них — лишь остатки некогда интересных композиций, тем не менее, есть и целые фигуры, как, например, лось с длинной мордой и квадратным туловищем, выполненный в не совсем характерной для Притомья манере (цв. вкл. I — 4). Изображения были обнаружены при осмотре скал с помощью бинокля и сфотографированы с берега с использованием полнокадровой камеры и длиннофокусного

1. Работа экспедиции осуществлялась в сотрудничестве с другими организациями и при участии других исследователей. Мы выражаем благодарность Государственному природному заповеднику «Хакасский», Кемеровскому государственному университету, Тувинской экспедиции ИИМК РАН и лично М. Е. Килуновской, И. В. Аболонковой, К. В. Конончуку, А. С. Тяхтереву.

объектива. Однако, для наилучшего выявления деталей, планируется их фотофиксация с более близкого расстояния с помощью скалолазного оборудования.

В Новосёловском р-не Красноярского края исследования проводились на нескольких объектах. В комплексе памятников наскального искусства Улазы, расположенном на правом берегу Енисея, напротив с Новосёлово, документировались уже известные и вновь выявленные изображения на вертикальных скальных плоскостях пункта Улазы V. Однако основные работы были связаны с продолжением расчистки от лишайника уникальной серии изображений, нанесённых на горизонтальные поверхности скальных выходов, расположенных по вершинам горного массива (цв. вкл. II — 1). Как известно, в Минусинской котловине абсолютное большинство петроглифов нанесено на вертикальные или слегка наклонные плоскости скальных выходов. Случаи нанесения изображений на горизонтальные плоскости также известны, но они чрезвычайно редки. Поэтому обнаружение целой серии естественных «плит» с изображениями на Улазах в 2012 г. [13] стало настоящим открытием. К сожалению, все они покрыты толстым слоем лишайников, из-за чего выявление и документирование петроглифов на них связано со значительными трудностями. К настоящему времени в разных пунктах этого скального массива выявлено более трёх десятков подобных объектов. Половину из них уже удалось расчистить от биообрастателей. На расчищенных плитах представлены как одиночные изображения, так и многофигурные композиции: среди них образы животных, антропоморфные персонажи — конные и пешие, своеобразные древовидные фигуры, а также извилистые линии, ямочные углубления и др. Петроглифы различаются по стилю и технике исполнения, есть случаи палимпсестов, но плохая сохранность изображений лишь в редких случаях позволяет проследить последовательность перекрытия. Хронологическая атрибуция выявленных стилистических групп (отличающихся от того, что ранее было известно на памятнике, и часто не имеющих аналогии среди датированных изображений региона) пока остается неясной. Из скальных поверхностей, расчищенных в 2015 г., наибольший интерес представляют две большие «плиты» с многофигурными многослойными композициями (рис. 2; цв. вкл. II — 2).

Проведено обследование наскальных изображений и известной рунической надписи на памятнике *Городовая Стена*, расположенной ниже по течению от комплекса Улазы, тоже на правом берегу. Начато документирование петроглифов на памятнике наскального искусства *Маяк* (гора Яновская), расположенной на левом берегу Енисея, к северу от с. Новосёлово. Изображения на двух плоскостях этого памятника были зафиксированы

в 1983 г. Н. В. Леонтьевым и Н. А. Боковенко [2, л. 5, 6, 28]. В ходе полевых работ, предварительные результаты которых были опубликованы ранее [14], удалось зафиксировать восемь плоскостей с выбитыми и гравированными изображениями. Все они расположены на крутых восточном и юго-восточном склонах горы. Большая их часть, представленная многофигурными композициями, очевидно, была создана в середине I тыс. н. э.; к более позднему времени, вероятно, относятся тамги и миниатюрные изображения стреляющего из лука всадника и животных.

В Боградском р-не Республики Хакасия продолжалось обследование большой территории горного массива *Оглахты*, расположенного на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища). Здесь известно более десятка местонахождений петроглифов, как на береговых скалах (большей частью ныне затопленных), так и на склонах и в логах многочисленных гор и горок. Все вместе они образуют самый крупный в Хакасско-Минусинской котловине комплекс памятников наскального искусства. Наибольшим богатством по числу изображений отличается юго-западный склон горы, известной под названием «Сорок Зубьев» (или «Оглахта»). До затопления водохранилища, видимо, не менее многочисленными были рисунки на скалах вдоль берега Енисея. Изучение оглахтинских петроглифов началось в XIX в. и осуществлялось многими исследователями в XX-м. Опубликованы отдельные изображения и композиции из многих местонахождений; наиболее полно введены в научный оборот Оглахты I, II, III [21] и рисунки на отдельных плитках, собранных у подножия горы Оглахта [7]. В фондах целого ряда музеев, включая и Музей-заповедник «Томская Писаница», хранятся коллекции плит с изображениями и копий наскальных рисунков из комплекса Оглахты. Тем не менее, задача полного обследования и документирования этих памятников остаётся актуальной [8]. Систематическое исследование петроглифов хребта Оглахты возобновлено с 2014 г., и в 2015 г. оно было продолжено. В этот сезон удалось осуществить полностью и на современном уровне документирование петроглифов и красочных изображений в пункте Оглахты VII (Бугаев Лог на береговой линии); предварительно частично обследовать пункт Оглахты VIII (большой внутренний лог, отходящий от береговой линии между Оглахты I и II), где были найдены неизвестные ранее петроглифы карасукской и тагарской культур. Кроме того, в результате разведок на карту комплекса Оглахты к девяти известным нам местонахождениям [8, рис. 1] удалось добавить ещё три. Все они найдены при обследовании внутренних логов горного массива.

Одно из них находится в логу под названием Абрашкин, изгибами протянувшимся почти

на 5 км с северо-запада (от северной оконечности горы «Сорок Зубьев») на юго-восток (до береговой линии). Северный борт лога представляет собой череду горок, склоны каждой из которых состоят из нескольких ярусов скальных выходов. Петроглифы в северо-западной части лога были обнаружены в 1973 г. Л. Р. Кызласовым, отметившим, что здесь «имеется огромное множество наскальных рисунков, которые нужно изучать внимательно и стационарно» [6, л. 40]. В результате обследования этой и прилегающих частей лога в 2015 г. выявлено более 20 плоскостей с изображениями (рис. 3—1, 2). Среди них есть несколько интересных сцен тагарского времени, а также композиции и отдельные фигуры более поздних эпох: лучники, антропоморфные фигуры, верблюды, олени, козлы, лошади, хищники и т.д. Зафиксировано довольно большое количество тамг. Пока удалось обследовать не более трети от общей протяженности лога; разведки и документирование этого местонахождения планируется продолжить.

Другое местонахождение обнаружено в Моховском логу (расположен к северу от Абрашкина, тянется на 1,5 км в широтном направлении). Выходы песчаника также находятся на северном скалистом борту лога. Наибольший интерес среди обнаруженных здесь изображений представляют личины. Три из них расположены на одном фризе, выполнены в технике выбивки, все неоконтурные, но различаются в деталях оформления глаз: у одной они обведены окружностями, у другой — фигурами каплевидных очертаний, у третьей — несомкнутыми окружностями. К сожалению, сохранились они фрагментарно и к тому же перекрыты более поздними антропоморфными изображениями [9, рис. 1: 2]. Ещё одна личина найдена на другом ярусе. Она выполнена краской красноватого оттенка, сохранилась тоже фрагментарно (из-за отслоения скальной корки) и частично скрыта кальцитовыми натёками. Различается контур головы, две точки глаз, основания рогов/лучей (?) и горизонтальная линия, разделяющая верхнюю и нижнюю части «лица». Возможно, это была более сложная антропоморфная фигура, так как ниже сохранились фрагменты скальной корки, на которых тоже прослеживаются неясные линии краски. Другие найденные в Моховском логу петроглифы относятся к более поздним периодам, хотя датировка их не совсем ясна. Это схематические изображения людей, верблюдов, других животных.

Третье местонахождение находится в логу под названием Большой. Он располагается севернее Моховского и тянется на несколько километров с северо-запада на юго-восток. Северо-восточный борт лога имеет сложную структуру и состоит из цепочки отдельных возвышенностей, на каждой из которых несколькими ярусами расположены

скальные выходы. Выборочное обследование нескольких таких возвышенностей показало, что отдельные петроглифы встречаются на всем протяжении Большого лога. На одном из участков выявлена большая компактно расположенная группа плоскостей. Изображения занимают несколько десятков граней, переходя с одной на другую. Они выполнены в технике выбивки, иногда с последующей шлифовкой или в сочетании с глубокой резьбой; есть также гравировки и шлифовки. Изображены всадники, человеческие фигуры с луками, с растопыренными пальцами, перевёрнутые вниз головой и т.д.; встречаются и зооморфные фигуры, но существенно реже, чем антропоморфные. Есть непонятные изображения, состоящие из переплетающихся извилистых линий, более всего похожие на «тесинские лабиринты» [17]. Особенностью местонахождения является необычно большое количество изображений колец, концентрических кругов, спиралей, колец с точкой, чертой или перекрестием внутри, двоянных колец и других подобных знаков (рис. 3—3). Разнообразны и многочисленны также изображения тамг и тамговидных знаков. Предположительно, основная часть петроглифов этого участка относится ко времени тесинской культуры; некоторые могут быть отнесены к эпохе средневековья и новому времени. Ранее это скопление, под названием Апкашево, было скопировано Н. В. Леонтьевым методом протирки на кальку. Коллекция его эстампов хранится в Музее-заповеднике «Томская Писаница» (Основной фонд, №№ 7354—7360, 7401—7404, 8480—8482). Полное обследование Большого лога и документирование обнаруженных петроглифов будут продолжены.

Осуществлялся также осмотр оглаختинских скал вдоль береговой линии, с лодки и с помощью бинокля, однако ничего нового в этом сезоне обнаружить не удалось. Но опыт поиска на затопленных памятниках изображений, локализованных высоко на отвесных скалах, (к которым не было доступа у исследователей, работавших до сооружения Красноярской ГЭС) удалось с успехом применить на другом памятнике — *Усть-Туба*. Такое название было дано Я. А. Шером [19, с. 150—153] местонахождениям наскальных рисунков на юго-восточных склонах горного массива Тепсей, расположенного напротив Оглахты, на правом берегу водохранилища, в Краснотуранском р-не Красноярского края.

Усть-Туба I—VI — это группы изображений на скалах и во внутренних логах вдоль береговой линии р. Тубы в месте её впадения в Енисей. Большая их часть была скопирована до затопления и опубликована [20]. Сравнение этих материалов с результатами осмотра памятника показало, что от водохранилища пострадало, в основном, только местонахождение Усть-Туба III (правда, оно было и самым крупным среди всех). Из известных плоскостей Усть-Тубы III многие уже

утрачены (затоплены, разрушены, погребены под осыпями), но всё же многие пока сохранились и при падении уровня воды могут быть осмотрены и сфотографированы (цв. вкл. III — 2), хотя с каждым годом их остается всё меньше. При этом довольно большая группа плоскостей располагается на отвесных скалах выше уровня затопления. Часть из них была известна раньше, а некоторые даже удавалось скопировать [20, Pl. 61]. Сейчас их стало возможно документировать методом фотосъёмки с длиннофокусным объективом, с воды, находясь в лодке (цв. вкл. III — 3). Кроме того, с помощью бинокля было обнаружено немало незафиксированных ранее композиций и одиночных изображений, располагающихся на неприступных высоко расположенных отвесных скалах (цв. вкл. III — 1; рис. 4). Все они относятся к пласту древнейших изображений Минусинской котловины [10] и представляют образы вымерших и изменивших ареал животных: диких быков, диких лошадей, кабанов, лосей, архаров и т.д. На местонахождениях Усть-Туба I, IV, V также были обнаружены неизвестные ранее изображения, относящиеся как к древнейшему пласту, так и более поздним эпохам.

В Минусинском р-не Красноярского края проведено документирование петроглифов *Майдашинской писаницы*. Она находится также правом берегу Енисея под Минусинском. Некогда это был большой памятник, который в 1904 г. методом эстампажа скопировал А. В. Адрианов [1, л. 58—69]. Работали на нём и другие исследователи. Петроглифы находились на скальных выходах у самого берега, но пострадали они не от затопления (это место — выше зоны водохранилища), а от выломки камня крестьянами дер. Быстрая. Из тех плоскостей, которые копировал А. В. Адрианов, до наших дней не сохранилось ничего. Однако есть другие². Сохранившиеся плоскости расположены двумя группами в нескольких метрах друг от друга, на самом нижнем ярусе скальных выходов, близко от уреза воды, так что во время паводка они иногда скрываются под водой и бывают частично скрыты отложениями.

Первая группа состоит из 6-ти плоскостей, расположенных на одном скальном выходе в виде фриза. Все рисунки относятся к древнейшему пласту: фигуры животных выполнены в «минусинском стиле», их сопровождают изображения более десятка лодок с «пассажирами». Антропоморфные фигуры в одних лодках изображены типично, в виде схематичных столбиков (рис. 5: 1, 2), в других же показаны необычным образом: в виде «кеглеобразных» фигур с большими круглыми головами [10, рис. 4: 1]. И те и другие

лодки показаны не только «плывущими» горизонтально, но и в разных других направлениях. Кстати сказать, фигуры животных тоже показаны как в обычном горизонтальном положении, так и ориентированными по диагонали и вертикально. Одна из «схематичных» лодок перекрывает вертикально ориентированную фигуру быка (рис. 5: 2), а диагонально ориентированные изображения копытных неизвестного вида перекрывают антропоморфных фигур с круглыми головами [там же]. Этот интереснейший фриз был расчищен от биообрастателей и отложений и полностью документирован. Микалентные копии всех плоскостей переданы в фонды Музея-заповедника.

Вторая группа состоит из двух рядом расположенных плоскостей. Одна из них была скопирована ещё в 1929 г. С. В. Киселёвым [5, рис. 7], который, так же, как и А. В. Адрианов применял метод бумажного эстампажа. Современная прорисовка этой композиции, которую можно отнести к тагарской культуре, представлена на рис. 5: 3. Рядом с нею несколько лет назад Н. В. и С. Н. Леонтьевыми была расчищена из-под речных отложений фигура быка, выполненного в стиле древнейшего пласта, очень хорошей сохранности (фото см.: [10, рис. 5—2]). В 2015 г. при продолжении расчистки удалось выявить ещё несколько граней этой плоскости с другими фигурами, также относящимися к древнейшим. Интересно, что на этой же плоскости, немного выше, на том же уровне, что изображения плоскости с тагарскими хищниками, были выбиты схематичные антропоморфные фигуры, почти неразличимые, так как каменный субстрат на этом уровне сильно выветрен. Видимо, древнейшие изображения смогли хорошо сохраниться благодаря тому, что находились под отложениями, а более поздние рисунки были нанесены выше них и пострадали от паводков. Вполне возможно, что речными наносами здесь могут быть скрыты и другие плоскости.

В Минусинском р-не Красноярского края было продолжено документирование ещё одного комплексного памятника — петроглифов на горе *Суханиха*. В связи со сбором материалов для будущих тематических экспозиций Музея на скального искусства в составе Музея-заповедника «Томская Писаница», особое внимание было уделено документированию композиций с изображениями шаманов в пунктах Суханиха II (рис. 6) и Суханиха IV (рис. 7). Обе композиции содержат, кроме шаманов, изображения антропоморфных фигур с «палками» (жезлами?) в руках, в характерных позах, а также фигуры, показанные «вниз головой». Подобных сцен и «человечков», выполненных в подобном стиле и иконографии известно очень много — и на скалах Минусинской котловины, и особенно на курганных камнях (рис. 9). Традиционно они именуются «тагарские человечки». Однако фигуры с явными шаманскими атрибу-

2. Эти плоскости Майдашинской писаницы нам показал Н. В. Леонтьев, за что выражаем ему искреннюю признательность.

тами (бубен и колотушка) представлены в таких сценах не всегда. Поэтому очень важно установить, одновременны ли изображения «шаманов» изображениям «тагарских человечков». Плоскость с местонахождения Суханиха II уже была частично опубликована как тагарская [18, рис. 34]. При этом правая её часть, которая содержит, по меньшей мере, восемь изображений шаманов с бубнами, в опубликованную прорисовку не была включена. Однако другие зафиксированные на Суханихе композиции (а также на других памятниках наскального искусства и курганных камнях) говорят в пользу высказанного предположения. По всей вероятности, шаманские фигуры следует всё же соотносить со сценами, где показаны столь характерные для Минусинской котловины «человечки» с оружием и не всегда понятными атрибутами, с султанами на головах, некоторые в положении «вниз головой», некоторые с руками, показанными в форме птичьих крыльев и т.д. Однако отнесение таких «человечков» к тагарской культуре вызывает большие сомнения. В этих сценах редко присутствуют фигуры животных, но когда они показаны, они никогда не изображены в «скифском» стиле. Наличие таких изображений в огромном количестве на плитах оград тагарских курганов заставляет думать, что они относятся к более поздней эпохе: очевидно, что это какой-то период хунно-сяньбийского времени, но с какими именно погребальными археологическими памятниками можно их связать, пока не ясно. Эта проблема очень актуальна, в том числе в связи с проблемой появления шаманства в Южной Сибири.

Для детальной культурно-хронологической атрибуции наскального искусства скифского и хунно-сяньбийского времени ключевое значение имеют изображения на плитах курганов этих эпох, при этом наиболее важны данные, относящиеся к раскопанным курганам. Изучение изображений на курганных плитах — одно из приоритетных направлений работы нашей экспедиции.

Гора *Туран* в Краснотуранском р-не Красноярского края и территория вокруг неё — место расположения большого количества могильников с многочисленными изображениями на плитах курганов. Работы по их копированию были начаты Д. Г. Савиновым в 1963, 1964 гг. [16], в конце 1970-х — нач. 1980-х гг. продолжены Б. Н. Пяткиным и Т. В. Николаевой [15]. Могильники, расположенные у северного подножья горы, раскапывал в 1963, 1964 гг. А. Д. Грач как подлежащие затоплению Красноярским водохранилищем. В 1980-х гг. три кургана огромного могильника, расположенного во внутренней долине Турана, раскопал Б. Н. Пяткин, из них два содержали плиты с изображениями. В 2015 г. проводилось исследование курганов этого могильника, выборочная фотофиксация некоторых плит с изображениями (современные методы документирования позво-

лили существенно уточнить детали изображений, особенно гравированных), сопоставление данных о раскопках с объектами на месте.

Работы проводились в мае, когда уровень воды в водохранилище ещё довольно низок. В связи с этим обстоятельством на том месте, где до затопления проводил раскопки А. Д. Грач, обнажилось дно, что позволило выявить остатки многочисленных курганов и локализовать расположение могильников у северного подножья горы Туран. Состояние этих объектов, конечно, неудовлетворительное. Постоянные колебания уровня воды и долгое пребывание под водой привели к тому, что каменные конструкции курганов сильно разрушены, угловые плиты повалены и часто разбиты, многие занесены песком. Нам не удалось найти ни одной плиты с изображениями, скопированными в 1960-х гг. Д. Г. Савиновым. Однако были обнаружены другие (рис. 8: 3—6). По всей вероятности, в то время они были покрыты лишайниками и поэтому остались незамеченными. Характерное состояние поверхностной «съеденности» выбивки это подтверждает. На обнаруженных плитах есть изображения козчиков в «скифском» стиле, аналогичных тем, чтобы были зафиксированы Д. Г. Савиновым [16, рис. 2: 5, 5: 1], а также другие зооморфные изображения, типичные «тесинские» антропоморфные фигуры, тамги и т.д. К сожалению, полного документирования этих плит осуществить не удалось в связи с начавшимся подъёмом воды. К югу от могильного поля, также на обнажившейся отмели, отмечены многочисленные свидетельства размытого поселения на очень большой площади — фрагменты керамики разных периодов, обломки зернотёрок и т.д. Одна из зернотёрок даже имела лежащий на ней курант (рис. 8: 1, 2); этот комплект был передан в фонды Музея-заповедника «Томская Писаница».

Продолжено документирование изображений на обнаруженном в 2014 г. «длинном» кургане, расположенном на высокой террасе у самого подножья северных отрогов Турана. Этот объект представляет большой интерес в связи с тем, что изображениями покрыты 10 граней пяти его плит из сохранившихся тринадцати. Практически все они были скрыты под слоем лишайника и выявлены в результате трудоёмкой его расчистки (рис. 9). Несколько из них представляют сложные многофигурные композиции, в которых ещё предстоит разобраться.

Работы по поиску и фотофиксации рисунков на курганных плитах проводились также в Новосёловском р-не. В частности, документированы изображения на одной из плит большого тагарского кургана, расположенного около бывшего аэропорта с. *Новосёлово*, по правой стороне от дороги, ведущей к нему. В этой местности находятся несколько больших курганов тагар-

ской культуры, но изображения известны только на плите ограды одного из них [2, л. 6, 29; 3, с. 17, рис. 2). Это северный угловой камень ограды, выделяющийся своими размерами (высотой до 2-х м). На его северной грани была выбита многофигурная композиция, от которой из-за обширного отслоения скальной корки сохранились лишь остатки изображений в нижней и правой части. Это выполненные в тагарское время изображения животных — копытных и хищников — в позе «внезапной остановки», с контурными туловищами, оформленными спиральями и завитками. Схематичные фигуры козлов, выбитые в верхней части камня, вероятно, относятся к более позднему времени. Камень, частично покрытый лишайником, был расчищен, сфотографирован и скопирован на микалентную бумагу (рис. 10—1). Сравнение с материалами Н. А. Боковенко [там же] показало, что отслоение скальной корки продолжается, с 1983 г. к настоящему времени утрачен ещё один фрагмент с изображениями (рис. 10—2), добавились и повреждения антропогенного характера.

В Республике Тыва проводилось исследование состояния известного памятника наскального искусства *Малый Баянкол*, находящегося на правом берегу Енисея, в окрестностях Кызыла. Памятник этот имеет примечательную историю изучения: пожалуй, ни один из известных исследователей древностей Тувы не обошёл своим вниманием его яркие петроглифы. Зарисовки, копии и фотографии 19-го — начала 20-го вв. свидетельствуют

о том, что к нашему времени утрачено несколько из зафиксированных тогда интереснейших композиций. Было высказано предположение, что это произошло в середине 20-го века в результате разработки камня для строительства [4, с. 14], но проведённый осмотр памятника и характер разрушений говорят о том, что это случилось скорее в результате землетрясения: фрагменты разрушенных скальных блоков остались лежать на том же склоне (цв. вкл. IV). Среди них есть несколько с остатками изображений. Изучение фотографий памятника, сделанных в 1915 г. А. В. Адриановым [СПФА РАН, ф. 148, оп. 1., д. 8., л. 76, 78, 83—85] показывает, что на данном участке было ещё по меньшей мере три больших многофигурных плоскости — одна за другой. От всех них сохранились небольшие фрагменты на видимых гранях камней в развале, что заставляет надеяться, что если удастся осуществить разборку этого развала, можно будет найти и другие части разрушенных плоскостей. А пока реконструкцию утраченных композиций хуннского времени можно осуществить по архивным фотографиям. Четыре плоскости на этом участке сохранились *in situ*. Все они, как и выявленные фрагменты, были документированы, коллекция микалентных копий (рис. 11) передана в фонды Музея-заповедника. На других участках памятника было также проведено исследование состояния их сохранности путём сравнения с фотографиями, сделанными А. В. Адриановым сто лет тому назад.

Источники и литература

1. Адрианов, А. В. Писаницы Енисейской губернии. Отчет об исследовании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. / А. В. Адрианов — Томск, 1906. / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского Государственного университета. Д. № 55.
2. Боковенко, Н. А. Отчет об обследовании петроглифов в Новосёловском, Краснотуранском районах Красноярского края и в Хакасской АО в 1983 году Н. А. Боковенко. — Ленинград, 1984 / Н. А. Боковенко // Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1, № 10103.
3. Боковенко, Н. А. Новые памятники наскального искусства скифской эпохи на Енисее / Н. А. Боковенко // Мирозрение. Археология. Ритуал. Культура. Сб. статей к 60-летию М. Л. Подольского. — СПб., 2000. — С. 11—19.
4. Дэвлет, М. А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения) / М. А. Дэвлет. — Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. — 68 с.
5. Киселёв, С. В. Значение техники и приёмов изображения некоторых енисейских писаниц / С. В. Киселёв // Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. — М., 1930. — Т. V. — С. 91—100.
6. Кызласов, Л. Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1973 г. / Л. Р. Кызласов. — Москва, 1974. / Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1, № 5096.
7. Кызласов, Л. Р., Леонтьев, Н. В. Народные рисунки хакасов / Л. Р. Кызласов, Н. В. Леонтьев. — М.: Наука, 1980. — 176 с.
8. Миклашевич, Е. А. Комплекс памятников наскального искусства Оглахты: информационный потенциал и перспективы исследования / Е. А. Миклашевич // Научное обозрение Саяно-Алтая. Археология. — № 1 (9). — 2015. — С. 54—77.
9. Миклашевич, Е. А. Новые местонахождения наскального искусства в горном массиве Оглахты (Хакасия) / Е. А. Миклашевич // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXI. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. — С. 303—307.

10. Миклашевич, Е. А. Древнейшие наскальные изображения Минусинской котловины: проблемы и перспективы исследования / Е. А. Миклашевич // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 2. — Кемерово, 2015. — С. 66—78.
11. Миклашевич, Е. А., Бове Л. Л. Исследование древнейших наскальных изображений Минусинской котловины в 2014—2015 годах. / Е. А. Миклашевич, Л. Л. Бове // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015. — Т. XXI. — С. 308—312.
12. Миклашевич, Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л. Исследования Петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2012—2014 гг. / Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухарева, Л. Л. Бове // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». — Кемерово, 2015. — Вып. 1. — С. 29—52.
13. Мухарева, А. Н. Изображения на каменных «плитах» севера Минусинской котловины / А. Н. Мухарева // Труды IV (XX) Всероссийского Археологического съезда в Казани. Т. IV. — Казань: Отечество, 2014. — С. 83—84.
14. Мухарева, А. Н. Гравированные изображения середины I тыс. н.э. на севере Минусинской котловины / А. Н. Мухарева // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». — Кемерово, 2015. — Вып. 2. — С. 78—84.
15. Николаева, Т. В. Изображения на плитах оград курганов тагарской культуры (методика и хронология) / Т. В. Николаева. — Кемерово, 1983. Рукопись канд. дис. / Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, № 837.
16. Савинов, Д. Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) / Д. Г. Савинов // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. — Кемерово: КемГУ, 1976. — С. 57—72.
17. Савинов, Д. Г. Тесинские «лабиринты» (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. — Кемерово: КемГУ, 1995. — С. 22—32.
18. Советова, О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы) / О. С. Советова. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. — 140 с.
19. Шер, Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии / Я. А. Шер. — М.: Наука, 1980. — 328 с.
20. Blednova, N., Francfort, H.-P., Legtchilo, N., Martin, L., Sacchi, D., Sher, J., Smirnov, D., Soleilhavoup, F., Vidal, P. Tepsej I—III, Ust' — Tuba I—VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2. — Paris: Diffusion de Boccard, 1995. — 246 p.
21. Sher, J. A., Blednova, N., Legchilo, N., Smirnov, D. Oglakhty I—III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Sibérie du Sud 1. — Paris: Diffusion de Boccard, 1994. — 156 p.

References

1. Adrianov, A. V. Pisanicy Enisejskoj gubernii. Otchet ob issledovanii pisanic v Minusinskom krae letom 1904 g. [Rock art sites in the Yenisey province. Report on its investigation in 1904]. — Tomsk, 1906. / The Archive of the Museum of archaeology and ethnography of Siberia in the Tomsk State University. № 55. (in Rus.).
2. Bokovenko, N. A. Otchet ob obsledovanii petroglifov v Novoselovskom, Krasnoturanskom rayonah Krasnoyarskogo kraja i v Hakasskoj AO v 1983 godu [The report on the survey of petroglyphs in Novoselovo and Krasnoturansk districts of the Krasnoyarsk region and Khakassia in 1983]. Leningrad, 1984 / Archive of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, P-1, № 10103. (In Rus.).
3. Bokovenko, N. A. Novye pamjatniki naskal'nogo iskusstva skifskoj jepohi na Enisee [New rock art sites from the Scythian period at the Yenisei]. Mirovozzrenie. Arheologija. Ritual. Kul'tura [World-view. Archaeology. Ritual. Culture]. — Sankt-Petersburg, 2000. — P. 11—19. (in Rus.).
4. Devlet, M. A. Aleksandr Vasil'evich Adrianov (k 150-letiju so dnja rozhdenija) [Alexander V. Adrianov (to the 150th anniversary)]. — Kemerovo, 2004. — 68 p. (in Rus.).
5. Kiselyov, S. V. Znachenie tehnik i prijomov izobrazhenija nekotoryh enisejskih pisanic [Importance of the technique and depiction methods concerning some rock art objects from the Yenisei]. Trudy sekcii arheologii Rossijskoj Assoциации nauchno-issledovatel'skih institutov obshhestvennyh nauk [Occasional publications of the Archaeological Session of the Russian Association for Humanities]. Vol. V. Moscow, 1930. — P. 91—100. (in Rus.).
6. Kyzlasov, L. R. Otchet o rabote Hakasskoj arheologicheskoj jekspedicii MGU v 1973 g. [The report of the Khakas Archaeological expedition of the Moscow State University in 1973]. Moscow, 1974 / Archive of the Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, P-1, № 5096. (in Rus.).
7. Kyzlasov, L. R., Leont'ev N. V. Narodnye risunki hakasov [Folk images of the Khakass]. Moscow, 1980. — 176 p. (in Rus.).
8. Miklashevich, E. A. The Oglakhty rock art complex: informational potential and research perspectives. Sayan-Altay Scientific Review. Archaeology. № 1 (9). 2015. — P. 54—77. (in Rus.).
9. Miklashevich, E. A. New rock art sites in the mountainous massif of Oglakhty (Khakassia). Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and neighboring territories. Vol. XXI. — Novosibirsk, 2015. — P. 303—307. (in Rus.).

10. Miklashevich, E. A. The earliest rock art imagery of the Minusinsk Basin: research problems and perspectives. Uchjonye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica» [Scholarly Notes of the «Tomskaya Pisanitsa» museum-reserve]. — Issue 2. Kemerovo, 2015. — P. 66—78. (in Rus.).
11. Miklashevich E. A., Bove L. L. Investigation of the earliest rock art imagery in the Minusinsk Basin in 2014—2015. Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and neighboring territories. Vol. XXI. Novosibirsk, 2015. — P. 308—312. (in Rus.).
12. Miklashevich, E. A., Mukhareva A. N., Bove, L. L. Issledovanija Petroglificheskoi ekspedicii muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica» v 2012—2014 gg [Investigations of the «Tomskaya Pisanitsa» museum-reserve expedition for rock art in 2012—2014.]. Uchjonye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica» [Scholarly Notes of the «Tomskaya Pisanitsa» museum-reserve]. — Issue 1. Кемерово, 2015. — P. 29—52. (in Rus.).
13. Mukhareva A. N. Izobrazhenija na kamennyh «plitah» severa Minusinskoj kotloviny [Images on the stone slabs at the North of the Minusinsk basin]. Trudy IV (XX) Vserossijskogo Arheologicheskogo s'ezda v Kazani [Proceedings of the IV (XX) Meeting of Archaeologists of Russia]. — T. IV. Kazan', 2014. — P. 83—84. (in Rus.).
14. Mukhareva, A. N. Engraved depiction of the middle of 1st millennium AD the North Minusinsk basin. Uchjonye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica» [Scholarly Notes of the «Tomskaya Pisanitsa» museum-reserve]. Issue 2. Kemerovo, 2015. — P. 78—84. (in Rus.).
15. Nikolaeva, T. V. Izobrazhenija na plitah ograd kurganov tagarskoj kul'tury (metodika i hronologija) [The images on the Tagar culture kurgan slabs (methods and chronology)]. Thesis. Kemerovo, 1983. / The Archive of the Kemerovo State university museum «Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia». № 837. (in Rus.).
16. Savinov, D. G. K voprosu o hronologii i semantike izobrazhenij na plitah ograd tagarskih kurganov (po materialam mogil'nikov u gory Turan) [Concerning the chronology and semantics of the images on the Tagar kurgan slabs]. Juzhnaja Sibir' v skifo-sarmatskuju epohu [South Siberia at the Scythian-Sarmatian period]. — Kemerovo, 1976. — P. 57—72. (in Rus.).
17. Savinov, D. G. Tesinskie «labirinty» (po materialam mogil'nika Esino III) [Labyrinths of the Tes' culture (according to the materials from Esino III cemetery). Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify [Ancient Art of Asia. Petroglyphs]. — Kemerovo, 1995. — P. 22—32 (in Rus.).
18. Sovetova, O. S. Petroglify tagarskoj epohi na Enisee (sjuzhety i obrazy) [Petroglyphs of the Tagar period at the Yenisei (subjects and images)]. — Novosibirsk, 2005. — 140 p. (in Rus.).
19. Sher, J. A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. — Moscow, 1980. — 328 p. (in Rus.).
20. Blednova, N., Francfort, H.-P., Legtchilo, N., Martin, L., Sacchi, D., Sher, J., Smirnov D., Soleilhavoup, F., Vidal, P. Tepsej I—III, Ust' — Tuba I—VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2. — Paris: Diffusion de Boccard, 1995. — 246 p. (In French).
21. Sher, J. A., Blednova, N., Legchilo, N., Smirnov, D. Oglakhty I—III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Sibérie du Sud 1. — Paris: Diffusion de Boccard, 1994. — 156 p. (In French).

Список сокращений

ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук

ИАЭт СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук

КемГУ — Кемеровский государственный университет

СПФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

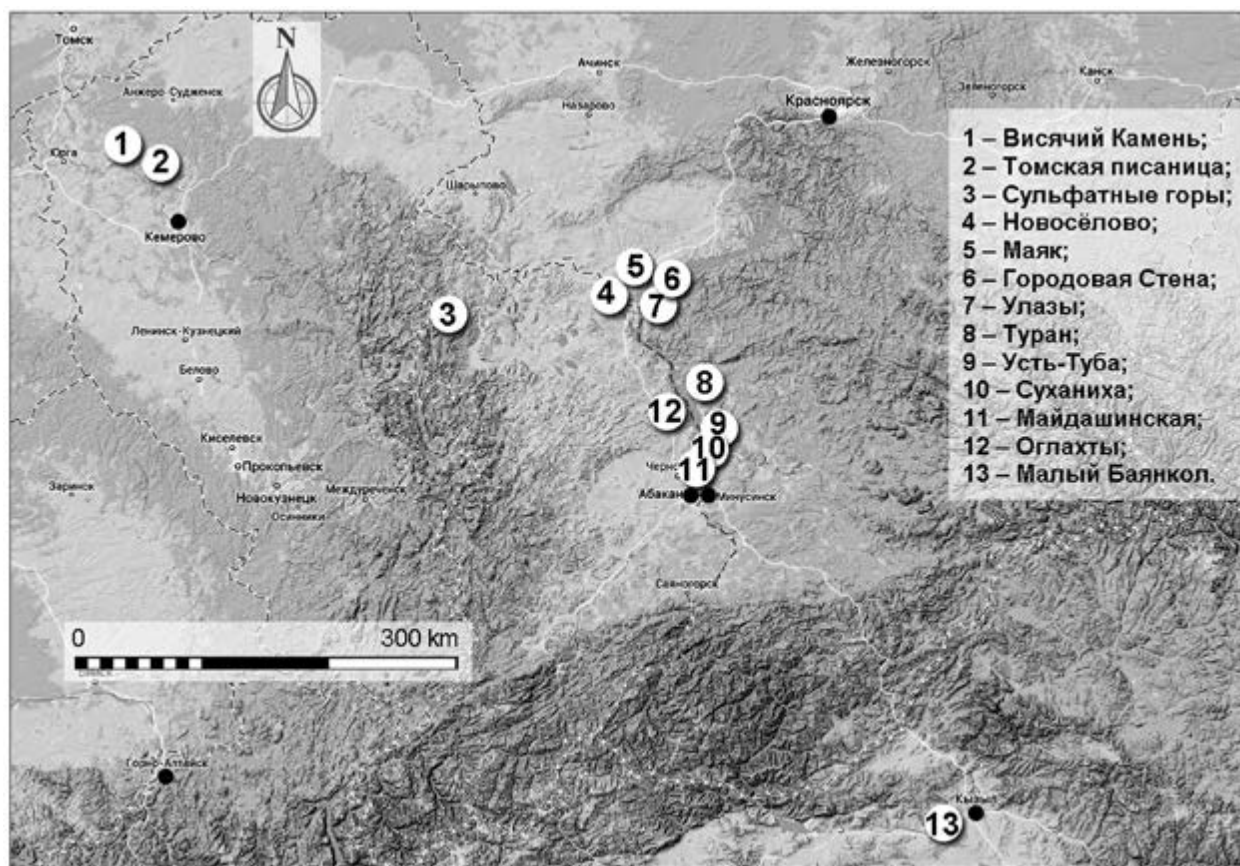

Рис. 1. Карта с указанием памятников наскального искусства, исследованных петроглифической экспедицией музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 г.

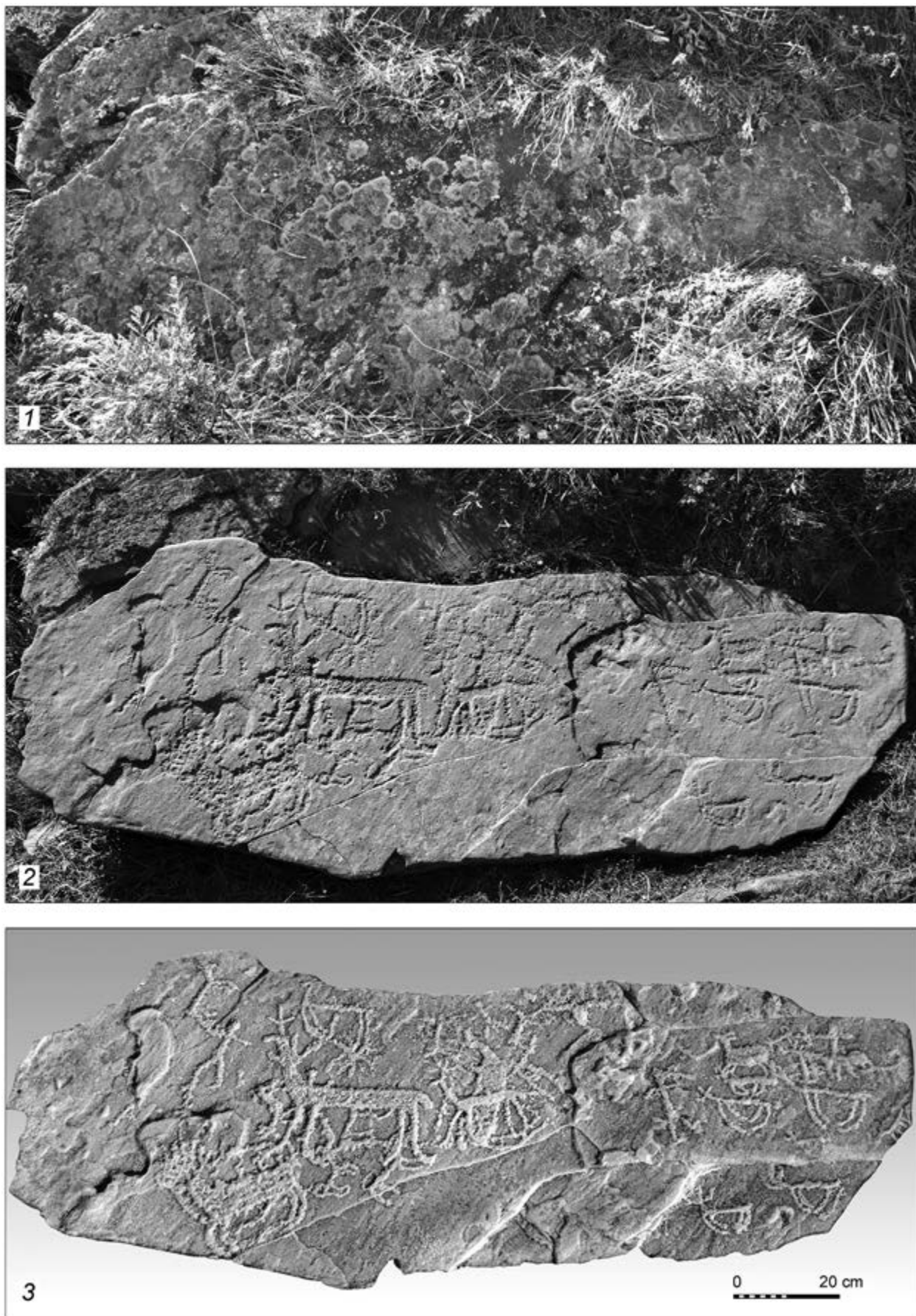

Рис. 2. Енисей, Улазы. Фрагмент одной из горизонтальных «плит»: 1 — до расчистки от лишайника и отложений; 2 — после расчистки; 3 — микалентная копия изображений.

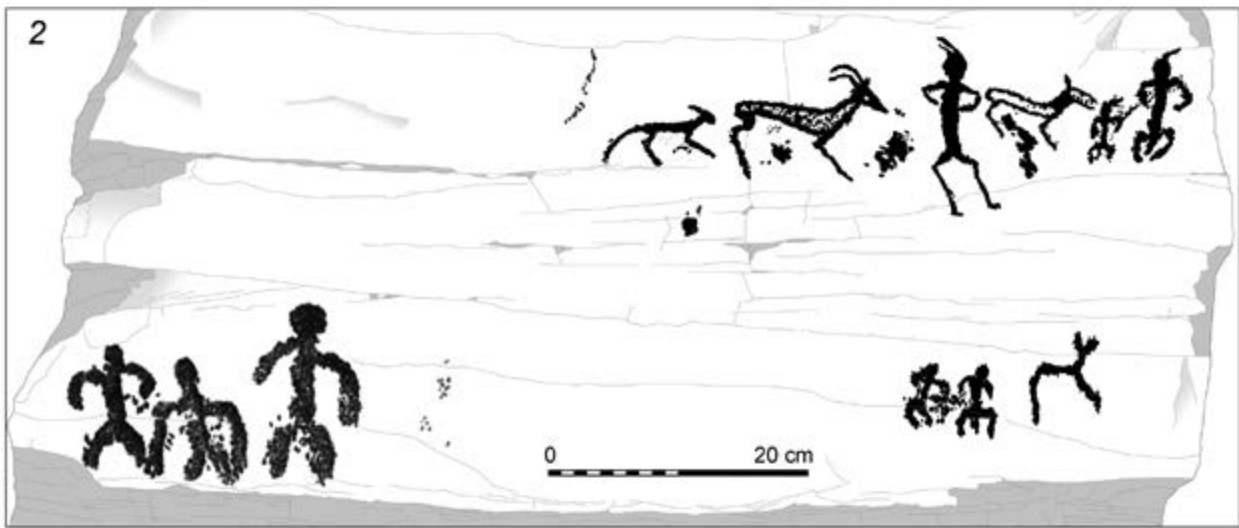

Рис. 3. Енисей, Оглахты: 1, 2 — прорисовки изображений Абрашкина лога;
3 — фрагмент одной из плоскостей Большого лога.

Рис. 4. Енисей/Туба, Усть-Туба III: изображения, выявленные на верхних ярусах.

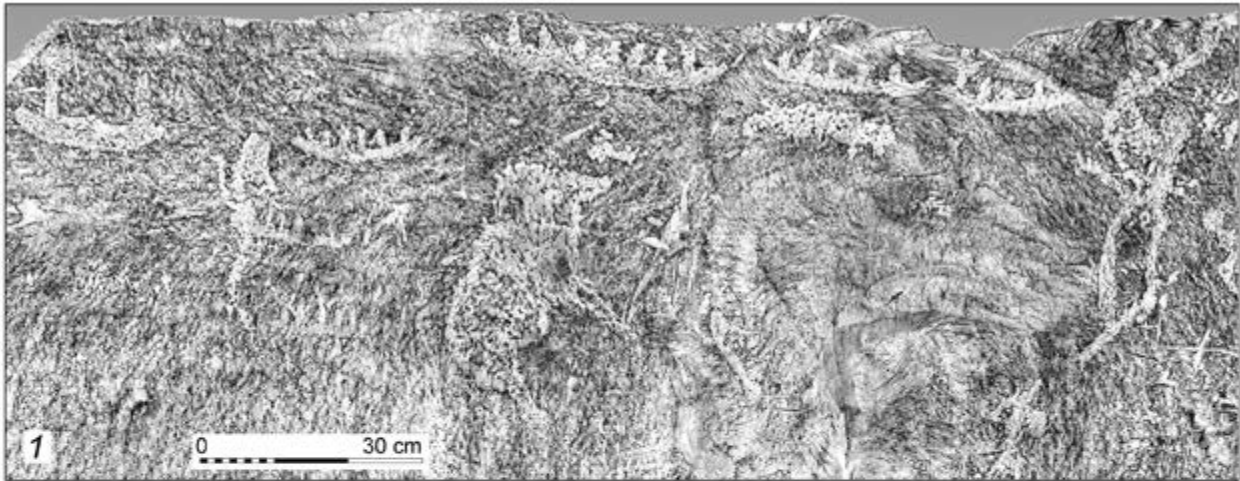

Рис. 4. Енисей/Туба, Усть-Туба III: изображения, выявленные на верхних ярусах.

Рис. 6. Енисей, Суханиха II: фрагменты многофигурной композиции с изображениями шаманов.

Рис. 7. Енисей, Суханиха IV. Композиция с изображениями антропоморфных фигур, шамана с бубном и колотушкой, знаков: 1 — общий вид плоскости, 2 — прорисовка; 3 — фрагмент с шаманом.

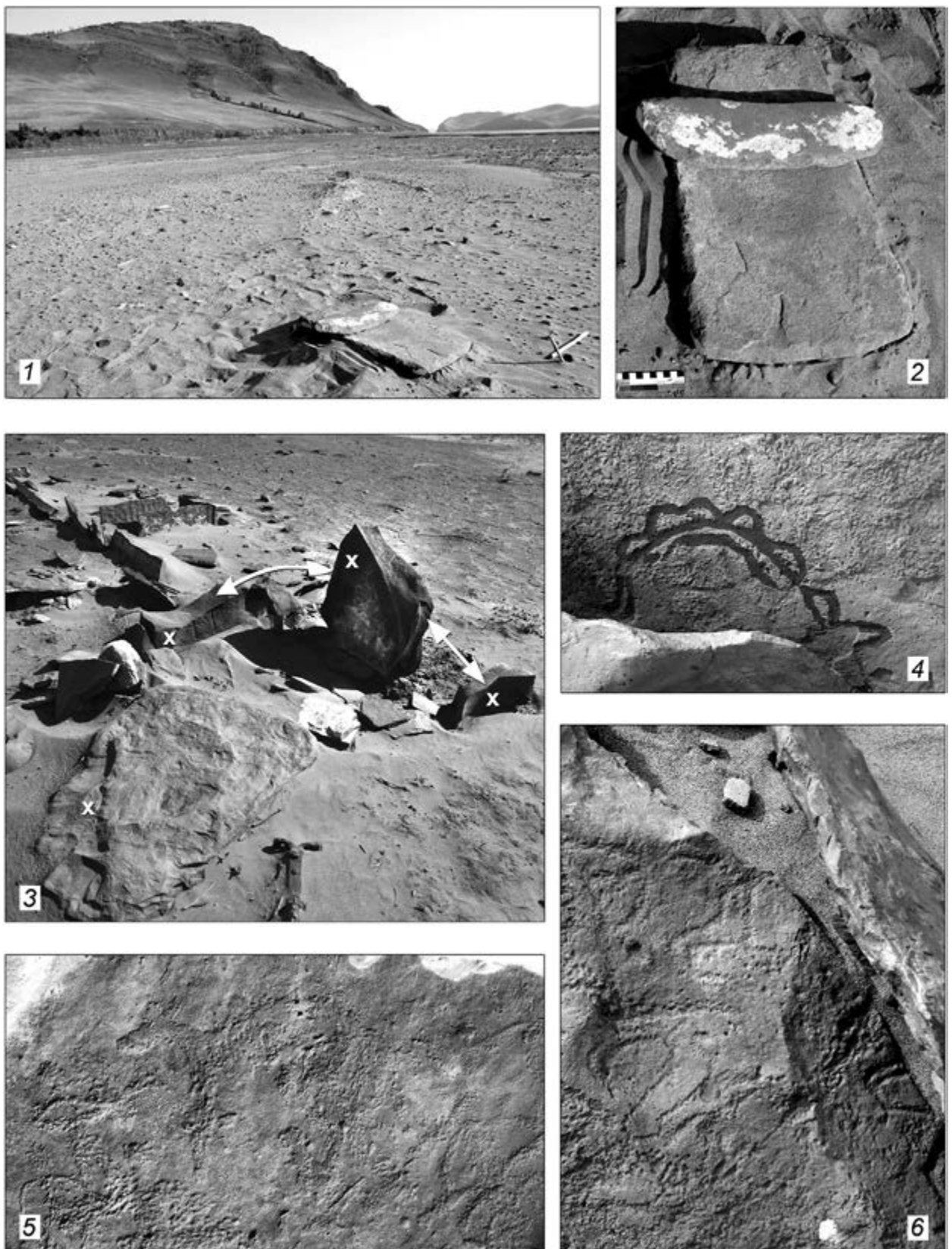

Рис. 8. Енисей, Туран. 1 — Северное подножье горы Туран, вид обнажившегося дна водохранилища в том месте, где найдены остатки размытого поселения; на переднем плане — зернотёрка с курантом. 2 — Зернотёрка и курант. 3 — Курганные конструкции на обнажившемся дне водохранилища; угловой камень, расколовшийся на 3 части; крестиками обозначены плоскости с изображениями. 4—6 — Фрагменты плит с изображениями из разрушенных курганов.

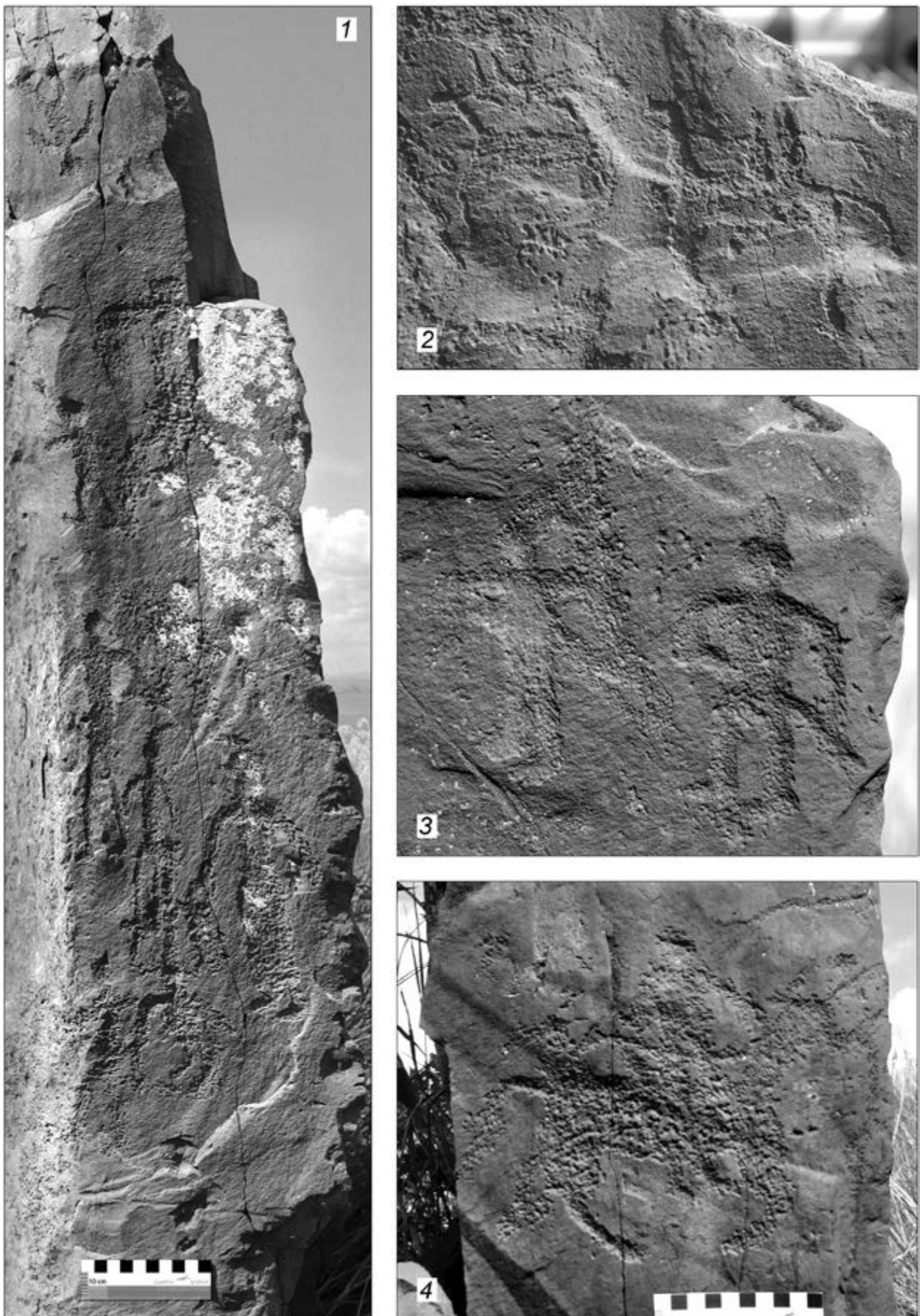

Рис. 9. Енисей, Туран. Изображения на плитах ограды кургана, фрагменты.

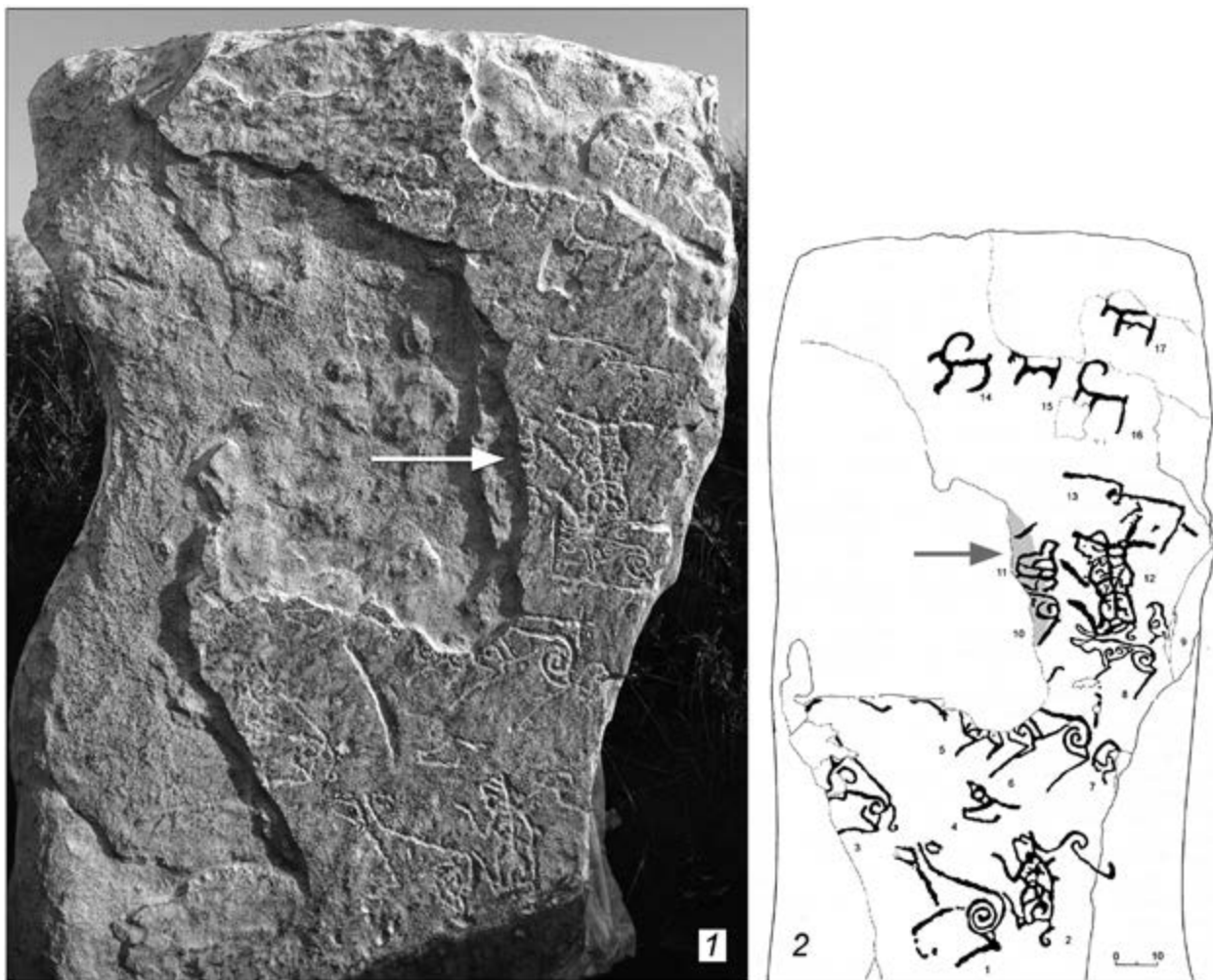

Рис. 10. Енисей, изображения на камне тагарского кургана у с. Новосёлово: 1 — микалентная копия 2015 г.; 2 — прорисовка изображений 1983 г. (по: Боковенко, 2000), заливкой серого цвета показан утраченный фрагмент.

Рис. 11. Тува, Малый Баянкол: микалентные копии двух плоскостей с изображениями хуннского времени.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39

**НАУЧНЫЙ ОТЧЕТ ЭКСПЕДИЦИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» ЗА 1992 ГОД****Скрябина Людмила Анатольевна,**

к.и.н., ведущий научный сотрудник, музей-заповедник «Томская Писаница» (Москва, Российская Федерация). E-mail: smila@rambler.ru

Мархель Анастасия Сергеевна,

младший научный сотрудник, музей-заповедник «Томская Писаница» (Кемерово, Российская Федерация). E-mail: marhel_anastas@mail.ru

В статье представлены результаты этнографического обследования русского населения Нижнего Притомья на основе научных отчетов и дневников экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница». Целью экспедиции являлось выявление памятников народной архитектуры, сбор информации по материальной и духовной культуре, приобретение экспонатов в фонды музея-заповедника.

Ключевые слова: музей-заповедник «Томская Писаница», этнографические экспедиции, дневник экспедиции.

**SCIENTIFIC REPORT ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT'S EXPEDITION
OF THE MUSEUM-PRESERVE «TOMSKAYA PISANITSA» 1992****Skryabina Lyudmila Anatolievna,**

Candidate of History Science. The leading science member of the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa» (Moskov, Russian Federation). E-mail: smila@rambler.ru

Markhel Anastasiya Sergeevna,

Junior research of the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa». (Kemerovo, Russia Federation). E-mail: marhel_anastas@mail.ru

This article includes the results of ethnographic research of Russian people who lived in Lower Pritomie based on the scientific reports and diaries of open-air museum's expedition. The aim of the expedition was to identify the examples of folk architecture, to collect the information of the material and spiritual culture, the acquisition of the exhibits in the museum-preserve. It is shown that the field studies are the important part of the scientific activities of the museum.

Keywords: open-air museum «Tomskaya Pisanitsa», ethnographic research, the diary of expedition.

Время проведения экспедиции: 30 июня — 10 июля 1992 г.

Состав экспедиции: Скрябина Л. А. — начальник экспедиции, зам. директора по науке; Соловьева Е. Ю. — м.н.с. отдела фондов; Шумков К. М., Мельник В. З. — лаборанты, студенты III курса исторического факультета КемГУ, Уютова Е. А., Макарова С. Н. — практикантки, студентки II курса исторического факультета КемГУ.

Цель экспедиции: этнографическое обследование русского населения Нижнего Притомья: выявление памятников народной архитектуры, сбор информации по материальной и духовной культуре, приобретение экспонатов в фонды музея — заповедника «Томская Писаница».

Маршрут: населенные пункты Юргинского района Кемеровской области — с. Зелееево, с. Варюхино, д. Алаево, д. Мальцево, с. Проскоково.

Отчет составлен по материалам дневниковых записей, архивных и библиографических исследований. За время экспедиции обследовано 5

населенных пунктов, опрошено 37 информаторов (список прилагается).

I. Общие сведения о формировании русского населения и поселений на территории обследованного региона

Все обследованные поселения возникли во второй половине XVII-начале XVIII вв. из земледельческих заимок томских служилых и посадских людей.

По-видимому, еще в конце XVII в. близ этих селений пролегли старейшие сухопутные пути (верховые тропы) из Тобольска в Томск и из Томска в Кузнецк. В середине XVIII в. через деревни Варюхино и Алаево был проложен участок Московско-Сибирского тракта от Уртамского острога до Томска, а также почтовый тракт из Томска в Кузнецк, который после деревни Варюхино следовал через Зелеево и Мальцево. Тогда же в Варюхино и Зелеево были обустроены почтовые станции.

В первой четверти XIX в. в результате изменения направления томского участка тракта статус притрактовой получила деревня Проскоково. С того времени на территории современного Юргинского района Кемеровской области Московско-Сибирский тракт проходил через с. Проскоково — д. Мальцево — с. Зелеево — д. Варюхино и д. Алаево. В Проскоково также была устроена почтовая станция, а в Зелеево, напротив, станец был ликвидирован.

Сибирский тракт, как известно, был еще и «кандальной дорогой», по которой шли на каторгу осужденные преступники. Для ночлега каторжан на тракте были обустроены этапы и полуэтапы — деревянные казармы, обнесенные тыном. Полуэтапы предназначались только для ночевки арестантских партий, на этапах полагалась и дневка (день и 2 ночи). Этапы располагались на расстоянии 50—60 км друг от друга. Между ними, на расстоянии примерно в 25—30 км, находились полуэтапы. На участке тракта от Проскоково до Алаево этап располагался в селе Проскоково, а полуэтап в Варюхино.

Долгое время тракт являлся главной улицей притрактовых поселений, а в Алаево и Мальцево — единственной. Крестьянские дворы плотно прилегали друг к другу и располагались по обеим сторонам дороги.

Вплоть до начала XX в. подавляющее большинство населения притрактовых селений составляли сибиряки-старожилы — потомки поселенцев XVII—XVIII вв. Первый незначительный приток русского населения из губерний европейской части России фиксируется здесь только в 80—90-х гг. XIX в. Согласно данным переписи 1894 г., в с. Проскоково проживало всего 5 семей переселенцев из 106, в с. Зелеево — 6 из 81,

в д. Алаево — 6 из 46, в д. Мальцево — 4 из 59, в д. Варюхино — 18 из 118 семей [12, 12].

Вторая, наиболее массовая, волна переселенцев из центральных, южных и западных регионов России хлынула сюда с началом столыпинской реформы (1906 г.). Третья волна переселений пришла на 20-е — начало 30-х гг. XX в.

Переселенцы начала века селились обособленно от старожилов, в результате деревни и села стали делиться на «края», сибирский и переселенческий, которые в каждом селении имели свое название.

Сибиряки-старожилы повсеместно называли переселенцев «россейскими» или «хохлами». Переселенцы из одной губернии, селившиеся обособленно, получали прозвище по наименованию места выхода. Так, например, в Варюхино выделялся «казанский край» или «казаны», где жили выходцы из Казанской губернии [1, лл. 18 об 29 об., 30]. В Проскоково отдельно от других «россейских» выделялись «тамбачи», переехавшие в село еще в конце XIX века [1, лл. 62, 65 об, 74 об.].

Переселенцы называли сибиряков «чалдонами», а часть деревни, где те проживали, соответственно, «чалдонским краем».

Наши информаторы — потомки переселенцев и сибиряков, родившиеся в первой четверти XX в., до сих пор продолжают четко олицетворять себя либо с «сибиряками-чалдонами», либо с «россейскими». По их словам, взаимоотношения между сибиряками-старожилами и переселенцами складывались по-разному, нередко случались бытовые конфликты.

Характерно, что в среде старожилов и переселенцев во всех обследованных селениях складывались сходные оценочные критерии и определения в отношении друг друга. Переселенцы считали сибиряков лентяями, неприспособленными к земледельческому труду и к прозвищу чалдон часто прибавляли эпитет ««желторотый» [1, л. 69 об.].

Для сибиряков, известных своей чистоплотностью, главным критерием в оценке переселенцев стала их неряшливость в быту. На вербальном уровне это выражалось в бытовании таких эпитетов в адрес переселенцев как «грязнули» «неряхи-неумывахи», «лапотаны» [1, лл. 12 об., 32 об., 63].

По словам уроженки с. Зелеево Полины Ефимовны Мирсановой (1912 г.р.), «поначалу старожилы и переселенцы друг с другом не смешивались, это уже в советские времена всех помирил клуб и колхоз» [1, л. 6 об — 8 об].

II. Историко-архитектурная характеристика населенных пунктов

Село Зелееево

Село Зелееево расположено на левом берегу реки Томи. Возникло из заимки служилого казака Томского разряда Ильи Зелееева в 1659 г. [9, с. 35]. Согласно Чертежной книге С. У. Ремезова, в 1701 году Зелееево было уже селом с церковью [15]. В «Реестре деревням от Кузнецка вниз по Томи до Томска...» С. П. Крашенинникова, составленном в 1734 г., записано следующее: «Зелееево село, на той же стороне, от Чюбуру речки в 2 верстах. В нем церковь деревянная во имя Фрола и Лавра» [11, с. 45]. В списке деревень, приведенном Г. Ф. Миллером в «Описании Томского уезда...», указано: «Зелееева или Фроловское село, на западном берегу Томи, напротив предыдущей деревни» [14, с. 90]. Очевидно, что второе название села — Фроловское — связано с местной церковью Святых мучеников Фрола и Лавра.

Согласно Дозорной книге Томского уезда за 1703 г., в селе Зелееево проживал поп Давыд Перфильев и семьи конных казаков Осипа Немирова, Дмитрия и Семена Турнаевых, Петра Таскаева, Бориса Коломнина, Нестера Мирсанова, Василия Таскаева, Федора Алпатова, Дмитрия Кудрявцева, Ивана Казакова, Филиппа и Ивана Тарабукиных, Прокофия и Спиридона Дорофеевых [7, лл. 47—54].

Через 100 лет, в начале XIX в., в списке крестьян села Зелееево значились крестьяне Мирсановы, Таскаевы и Турнаевы, а также Бояновы, Маметевы, Дуреевы и Кузнецовы [3, л. 46 об.]. Потомки Мирсановых, Бояновых и Дуреевых проживают здесь по настоящее время.

Изначально село имело приречную планировку. Об этом свидетельствует прежнее место расположения церкви и кладбища — близ берега р. Томи [1, лл. 10, 17, 26 об.]. В 40—60 годах XVIII в. через село пролег Московско-Сибирский тракт. Начиная с этого времени меняется и планировка селения. Главной улицей становится тракт.

При устройстве тракта в селе была организована почтовая станция, которая просуществовала до начала XIX века. В документах Томского областного архива сохранились также документы, свидетельствующие о содержании крестьянами села вольной гоньбы [2, л. 1; 4, л. 403].

Первая деревянная церковь свв. мчч. Фрола и Лавра, очевидно, была построена еще до 1701 года и находилась на береговой террасе. В 1817 году на том же месте было возведено новое церковное здание [20, с. 126]. А в начале XX века храм построили уже на новом месте, в центре села, на площади у Трактной улицы. По свидетельству

наших информаторов, новый храм строился в начале 1900-х гг. на деньги местных купцов.

Престольным праздником в селе был Фролов день, который праздновался 31 августа (18 по ст. стилю) [1, лл. 17, 18 об.]. В 1914 г. в приход Зелееевской церкви входили село Зелееево, деревни Варюхино, Черная, Кожевниково, Томилово, Асаново, Елгино, Мальцево, Лунино, Макурино, Ново-Макурино [21].

Вплоть до начала XX века Зелееево оставалось старожильческим селом. Согласно Списку населенных мест Томской губернии за 1859 г., здесь числилось 65 дворов и 270 жителей [17].

В 1894 г. в селе проживало 395 человек, насчитывался 81 двор, 40 изб, 18 пятистенков, 11 домов-связей и 5 крестовиков [12, с. 394—407]. Здесь имелись: деревянная церковь, церковно-приходская школа (открыта в 1889 г.), хлебозапасный магазин, частное питейное заведение и две торговые лавки [18].

В период Столыпинской реформы (1906—1913 гг.) в Зелееево переехало большое количество крестьянских семей из Оренбургской и Пензенской губерний. Они расселялись вдоль тракта, со стороны деревни Мальцево. Сибиряки-старожилы называли этот край села «лапототный» или «россейский». За той частью села, где проживали старожилы, закрепилось название «сибирский» или «чалдонский» [1, лл. 7, 10, 12—12 об, 17 об.]. К 1911 г. село разрослось до 114 дворов [19], а по данным переписи 1926 г. здесь насчитывалось уже 219 дворов и 1157 жителей [16].

На момент нашего исследования бывшая Трактная улица (теперь Центральная) остается главной в общем плане населенного пункта, а также самой протяженной. В центре села в утраченном виде сохранилась деревянная церковь во имя свв. мчч. Фрола и Лавра. В здании отсутствуют колокольня и крыша. Фундамент и сруб в удовлетворительном состоянии. По свидетельству старожиллов села, церковь была закрыта в 1937 или в 1938 году [1, л. 7, 17, 18 об.].

Среди деревянных жилых домов в Зелееево преобладают пятистенки и крестовики, построенные в советское время. Зафиксировано несколько домов конца XIX — нач. XX вв. и столбы от старых усадебных ворот.

Самой старой постройкой является крестовый дом с резным подзором по адресу ул. Центральная, 79, принадлежащий ныне Клавдии Михайловне Бояновой. В усадьбе дома сохранились старинные двухчастные ворота под крышей и часть заплота, украшенного резными накладками (фото 1, 2).

Фото 1

Фото 2

Из полевого дневника экспедиции

Мирсанова Полина Ефимовна, 1912 г.р., уроженка с. Зелеево: «В старину в селе было всего две улицы. Одна у реки, а другая — Тракт. Когда россияне сюда приехали, они на Тракте селились, в сторону деревни Мальцевой. Переселенцы в основном были из Оренбургской и Пензенской губерний. Сибиряки называли их «лапотанями», потому что они в лаптях ходили, а ту часть села — «лапотанским краем». Родительский дом в «сибирском» крае стоял. Поначалу старожилы и переселенцы друг с другом не смешивались. Между молодежью сибирской и лапотанской часто случались конфликты. Дрались и парни, и девки [1, л. 6 об — 8 об].

Церковь Фрола и Лавра была очень красивой. На ней было семь крестов позолоченных и семь колоколов. На колокольню вели шесть лестничных пролетов. Три из них сейчас в здании конторы. За храмом ухаживали: крышу красили в зеленый цвет, а наличники в белый. Вокруг был сад и огорода. Там, где сейчас памятник, было церковное кладбище. Долгое время настоятелем был пожилой батюшка, после его смерти молодой приехал.

К приходу церкви относились еще деревни Мальцево, Макурино, Алаево, Варюхино. Престольными праздниками у нас были день Св. Флора и

Лавра — 31 августа и Крещение — 19 января. В Варюхино — Николин день (21 мая) и осенью — Катеринин день. В Мальцево — Петров день и Михайлов день. В Ёлгино — Троица и Рождество. В престольные праздники в деревни съезжалось много народу, гуляли и молодежь, и старики.

Церковь закрыли в 1936 или 1937 году. Перед тем, как этому случиться, вдруг все кресты на ней почернели. Народ все удивлялся, что же стало с крестами? Помню, когда церковь закрывали, за батюшкой приехали два милиционера, но бабы деревенские окружили их и не пустили в храм. Тогда милиция поехала за подмогой в Юргу. Жители установили охрану. Привязали к колоколу длинную веревку, спустили вниз и тот, кто остался у церкви, должен был в колокол бить, если снова за батюшкой придут. К вечеру из Юрги прибыло еще два уполномоченных. Старушка одна зазвонила в колокол, женщины снова собрались, но батюшка сам к милиции вышел, его забрали и увезли в Юргу. Потом, когда церковь разоряли, один мальцевский мужик выкидывал из окна иконы. Ему тогда люди пожелали: «чтоб ты остался без рук, без ног». Так он потом и сидел без рук, без ног да умер» [1, л. 7 об — 8 об].

Маркова Анисья Семеновна (в дев. Дуреева), 1913 г.р., уроженка с. Зелеево: «В Зелеево жили сначала чалдоны. Церковь раньше стояла у реки, там было и кладбище. Берег-то постепенно обваливался, и деревня перемещалась дальше. Потом уже главной улицей стал Тракт.

Переселенцы из Оренбурга и Пензы в Зелеево стали приезжать в годах 1908—1910. Селились в «лапотанском» крае. Сибиряки почему-то звали их хохлами, хотя они не украинцы были.

В селе были лавки. Одну держал Маметев Василий Семёнович, другую Секлетин. На реке Конок была мельница [1, л. 10—10 об].

Престольный праздник справляли 31 августа, в День Св. Фрола и Лавра. В этот день был торжественный молебен, а еще люди приносили в церковь приклад — обещанные дары. Кто коня приводил, кто гусей или курей приносил, кто полотенце и прочее. Церковный совет потом все это продавал, а деньги шли на нужды церкви. Приклад в церковь и по другим случаям приносили. У сестры моей как-то потерялся ребенок 4-х лет, так она «обещала» отдать все дорогое и принесла к иконе Богородицы все свои ценные вещи. Вскоре мальчик нашлся» [1, л. 11—11 об].

Мирсанова Прасковья Николаевна (в дев. Торопчина), 1915 г.р., уроженка с. Зелеево: «Родители мои из переселенцев были. По причине голода отец Николай Иванович Торопчин и мама Александра Васильевна (в девичестве Красных) выехали из Оренбургской губернии. По дороге останавливались в Челябине, сюда в Зелеево прибыли в 1912 г. Переселенцы приезжали в Сибирь либо по письму, либо посылали ходоков, двух-трех

мужиков. Когда эти ходки в Сибири устраивались, вызывали свои семьи и соседей.

В Зелеево переселенцы расселялись отдельно от сибиряков, в росейском крае. Ту часть села, где жили старожилы, называли сибирский край. Переселенцы обзывали старожиллов «чалдоны желторотые», а сибиряки звали переселенцев «лапотниками» [1, л. 12—12 об]. Поначалу переселенцы и старожилы в брак друг с другом не вступали. Зимой на реке вырубали прорубь, в которой в первую очередь полоскали белье чалдонки, а потом только росейские бабы.

Церковь строилась на деньги какого-то местного купца. Храм очень богатый был, иконостас под золото. На престольные праздники — Крещение (19 января), День Св. Фрола и Лавра (31 августа) — в Зелеево съезжался весь приход: Томилово, Читовка, Мальцева, Лобучинка, Метленкина, Конок, Чубур, Полуденное, Александровка, Кожевникова, Макурина, Асанова, Варюхина. По праздникам обязательно звонили в колокола. Последними звонарями были Прокопий Кусков и Лачканов (имя не помню).

Разорили храм в 40-х годах. Когда колокола сбрасывали, самый большой колокол на полметра в землю ушел. Крест подрубили, а скинуть сразу же не смогли, привязали верёвку и свалили с помощью «полуторки». Бабушки, помнится, громко рыдали.

Старый священник, отец Алексей Шувалов, наверное, предчувствовал такое надругательство над храмом. Он умер за несколько лет до этого, но завещал похоронить его не в церковной ограде, а на общем кладбище» [1, л. 14 об — 15 об].

Дьякова Мария Федоровна (в дев. Воднёва), 1904 г. р., уроженка д. Томилово: «Старая церковь в Зелеево стояла на берегу. Новую строили на деньги купцов. Колоколов было пять, каждый имел свое название: пожарный, заутренний, обеденный. Вокруг церкви имелась невысокая железная ограда. Рядом, там, где сейчас памятник, кладбище было церковное. Храм закрыли в 1937—1939 г., батюшку люди из НКВД забрали.

Переселенцев называли «росейские», а старожил — «сибирские». В детстве мы боялись сибирских детей, так как те обзывали нас хохлушками и не играли. Но потом жили вместе дружно [1, л. 17—17 об].

Шканова Татьяна Григорьевна (в дев. Богданова), 1916 г. р., уроженка с. Зелеево: «Родители мои, Богданов Григорий Прокофьевич и Надежда Петровна, в Зелеево приехали в 1908 году из Оренбургской губернии. Шкановы были из Пензы, Новиковы — из Подмосковья. Все переселенцы селились рядом, в росейском крае. Но когда они только приехали сюда, тут был лес. Все сами корчевали, расчищали и строили.

Сибиряков называли еще чалдонами. Дома у них были побольше, чем у росейских. Но все

чалдоны были лодырями. Приедут на пашню, все чаек попивают, а росейские работают. Еще ворова-тые чалдоны были — поедет кто на базар, они поймают и оберут [1, л. 24, 25].

Церковь здесь была красивая. Крыша крыта железом, внутри стены и пол — гладкие, все покрашено. Огорожена была железной оградой. Через дорогу, где сейчас памятник, было кладбище. Рядом, у входа в церковь, сторожка. Звонарем был Дьяков Прокофий. Были также церковный староста, псаломщики, певчие. Престольных праздников два праздновали — Крещение и Фролов день. В эти дни со всего прихода привозили приклад (всякую живность). Церковь потом этот скот продавала, а деньги шли на церковные нужды. Закрыли храм в 30-х годах, а верх, колокольню и купола убрали лишь в 50-х годах. Когда милиция за священником приехала, женщины зелеевские не дали им его забрать. Но те потом с подмогой вернулись и все равно увезли батюшку» [1, л. 25—25 об].

Личканов Александр Савельевич, 1916 г. р., уроженец с. Зелеево: «Родители мои местные, мы в сибирском крае жили. Отец говорил, что первым жителем здесь был Зелеев, вот и назвали его именем деревню. Первоначально деревня располагалась вдоль реки, там же была церковь. Земли общинные аж до Метленкина простирались, а секнокосные луга были даже на другом берегу Томи, туда переплавливались лодками, а коней вплавь пускали. Мельницы были на реках Конок и Чубур в деревнях Томилово, Безменово, Алаево» [1, л. 26 об — 27].

Село Варюхино

Деревня Варюхино было основана в 1682 году конным казаком Данилой Бабарыкиным, получившим право пользоваться землей в 45 верстах от Томска, вверх по Томи, и первоначально называлась Бабарыкина [9, с. 35]. На карте С. У. Ремезова 1701 года указана под названием Варюхина [15]. В «Описании Томского уезда...» за 1734 год Г. Ф. Миллер приводит двойное название данного селения: «Варюхина или Бабарыкина, на западной стороне Томи, в 7 1/2 версте от Зелеева» [14, с. 90]. В Реестре С. П. Крашенинникова записано только одно наименование — «Варюхина деревня» [11, с. 45]. С какого времени окончательно закрепилось последнее название, неизвестно, но несомненно, что и оно произошло от фамилии. Так, в Переписной книге Томского города за 1703 год указан оброчный крестьянин Григорий Варюхин, который возможно имел заимку близ деревни Бабарыкиной [8, с. 28].

Согласно Дозорной книге Томского уезда 1703 г. в д. Бабарыкиной на р. Томи жили со своими семьями десятник конных казаков Данила Бабарыкин, его братья Иван и Андрей Бабарыкины, казаки Иван Вершинин, Евдоким Березовский, Матвей

Паломошный, Игнатий Томилов, братья Алексей и Тимофей Свиридовы [7, лл. 54—58].

По документам I Ревизии (1720 г.) в деревне Варюхиной насчитывалось 38 дворов, из них 28 владели конные и пешие казаки. Среди них — Григорий Ёлгин, Петр Бабарыкин, Иван Вершинин, Андрей Кинозеров, 3 брата Серебрянниковых, 7 семей Березовских, 5 дворов — оброчных людей и 5 посадских [6].

Потомки казаков Бабарыкиных, Вершининых, Березовских, Серебрянниковых и Кинозеровых проживают в Варюхино и сегодня.

С середины XVIII века через деревню пролегал Московско-Сибирский тракт, здесь была организована почтовая станция. В XIX в. расстояние между станциями в деревне Варюхиной и почтовым станом в деревне Проскоковской равнялось 28,5 верстам. На протяжении этого участка имелось 28 верстовых, 1 почтовый, 11 мостовых и 2 столба при селениях [4, л. 403].

В Варюхино располагался каторжный этап, который, по словам старожилов, находился на пересечении современной ул. Зеленой и пер. Слободского [1, л. 30 об.]. Этап представлял собой загороженную прямоугольную в плане территорию с казематом — барак для арестантов и избой для конвоя. В этап партия каторжан прибывала вечером, находилась там в течение следующего дня, а утром третьего дня отправлялась далее.

В течение нескольких десятилетий с некоторыми перерывами в Варюхино находилось волостное правление. Впервые Варюхинская волость была образована в 1798 г. и просуществовала до 1822 года. Затем в нач. XX в. Варюхино вновь стала центром волости.

Деревня относилась к православному приходу Зеледеевской церкви, но имела свою часовню во имя Св. муч. Екатерины. По словам информаторов, в ней велись ежедневные службы, имелся свой священник. В 30-х годах часовня была закрыта, а затем и разобрана на стройматериалы.

Вплоть до начала XX в. Варюхино оставалась старожильской деревней. Согласно Списку населенных мест Томской губернии за 1859 г., здесь числилось 128 дворов и 520 жителей [17]. По данным переписи 1894 г. здесь проживало 84 семьи сибиряков-старожилов, 18 семей переселенцев, 16 дворов принадлежало томским купцам, горожанам и волостным служащим. В деревне было 7 двухэтажных домов, 13 связей, 6 крестовиков, 41 пятистенки, 48 изб. Практически все усадьбы были крытого типа [12, с. 392—407]. Здесь имелась часовня, располагались церковно-приходская школа, земская станция, хлебозапасный магазин, частное питейное заведение и три торговые лавки [18]. В начале XX в. между д. Варюхино и с. Ярским существовал паром на конной тяге через Томь [1, л. 41 об.].

С 1906 г. начинается массовое переселение крестьян из губерний европейской части России.

К 1911 г. в Варюхино в 140 дворах проживало уже 769 человек [19]. Большинство переселенцев были выходцами из Черниговской, Могилевской, Витебской губерний. Они селились вдоль тракта, со стороны Зеледеево, до моста через речку Черную. Сибиряки называли всех новых жителей хохлами, а ту часть деревни, где они обосновались, «россейским краем» [1, лл. 18 об., 29, 30 об.].

В 1911—1912 гг. в Варюхино переехала большая группа крестьян из Казанской губернии, которых местные прозвали «казанцами». Они расселились также по тракту, но уже с другой стороны. Эту часть деревни стали называть «казанским краем». В центре, в старой части деревни, был «чалдонский край» [1, лл. 18 об. 29 об., 30]. В 1926 г. в Варюхино насчитывалось более 260 дворов и 1325 жителей [16].

В настоящее время историческая планировка селения частично сохранилась, хотя расположение ул. Центральной не везде совпадает с бывшей ул. Трактовой. Среди жилых домов преобладают пятистенки и крестовики советского времени, но сохранилось довольно много домов, построенных в конце XIX — нач. XX вв. (фото 3, 4).

Фото 3

Фото 4

Из полевого дневника экспедиции

Боянова Клавдия Михайловна (в дев. Бабарыкина), 1912 г. р., уроженка с. Варюхино: «Отец, Бабарыкин Михаил Георгиевич, родился в Варюхино,

здесь же жили дед и бабушка. Мама, Анна Михайловна, была родом с Яра. Помимо Бабарькиных коренными сибиряками в Варюхино считаются Серебрянниковы, Вершинины и Березовские.

В мое детство деревня делилась на чалдонский, росейский и казанский края. Сибиряки-чалдоны жили в центре, на тракте и вдоль реки. На юге жили росейские, с другой стороны — казанские. Переселенцы приезжали семьями, с собой имели пару лошадей и незначительные пожитки. Земли свободной тогда было много.

Часовня стояла там, где сейчас Дом культуры. У часовни было 2 купола и 6 колоколов. На Пасху звонили всю неделю. В 30-х годах ее закрыли и разломали [1, л. 18 об. — 19].

Соболева Александра Ильинична (в дев. Павлова), 1917 г. р., уроженка с. Варюхино: «Родители приехали из Казани. Поженились уже здесь, в 1913 г. у них первый ребенок родился. Семья отца и матери, приехав сюда, поселились в «казанах» или «казанском крае». Когда родители приехали, сибиряков здесь мало было. С другого конца деревни «росейский край» был, а в центре — «чалдонский».

Было здесь Волостное правление. Располагалось в здании старой школы. Там сейчас памятная доска про это есть. А часовню разрушили еще до войны. Мужик один все ломал да жег иконы, но скоро и сам умер [1, л. 29—29 об].

Березовский Михаил Емельянович, 1922 г. р., уроженец с. Варюхино: «Говорят, был человек по фамилии Варюхин, проезжал здесь, останавливался, место для деревни выбрал и наказал на горе, с подветренной стороны, деревню строить. Старинные сибирские семьи здесь — Серебрянниковы, Березовские, Вершинины, Бабарькины.

Раньше-то названий у улиц не было, деревня делилась на края: чалдонский, росейский и казанский. Сибиряки жили от моста по тракту. За мостом, через речку Грязнуху, в сторону Зелеево, был «росейский край», там хохлы жили. Так их в народе звали, но, наверное, там и белорусы были, и русские. А с другого конца селились «казаны» или казанские. Между переселенцами и сибиряками в Варюхино была вражда. Драки часто затевались. Но росейские чалдонов боялись.

Самая старая улица в деревне — Трактовая (ныне Центральная). Тракт далее шёл на Калтан, а на берегу Томи была конная паромная переправа до Ярского. Еще одна старая улица — Зеленая. Она начиналась от моста направо, там еще спуск и лужайка была. На этой улице когда-то каземат стоял — барак, огороженный забором. В нем каторжники ночевали. Здесь и кандалы находили раньше.

Часовня была в пять или шесть колоколов. Её разобрали перед войной. Действовала до 30-х годов. Батюшка был местный, отец Алексей. При часовне был церковный староста — Березовский

Фатей Данилович. Была в деревне и приходская школа (4 класса). В Зелеевскую церковь ездили обычно на Христову заутреню в Пасху да на Фролов день в августе.

Еще была здесь волость. Волостное правление располагалось в доме, где сейчас старая школа. Отец мой, Емельян Гаврилович, был там писарем, две зимы в приходской школе отучился.

Магазин в деревне держала Кинёва Авдотья Андреевна. За товаром ездила в Томск. У нее был двухэтажный дом. Такой же большой двухэтажный дом был у Андрея Дмитриевича Бабарькина, в его доме обычно останавливались путники. Во времена коллективизации из одного его дома сделали три. Там, где столовая сейчас, рядом дом заочинный, Василия Степановича Веснина, тоже старинный. По бывшей Трактовой улице сохранились три дома дореволюционной постройки — Лузина, Бабарькина Ивана Афиногеновича и Березовского Павла Алексеевича. Сейчас в этих домах живут другие люди. Раньше деревня была богатая, у многих дома с резными наличниками и подзорами были. Сейчас мало что осталось» [1, л. 30 об — 32].

Березовская Мария Федоровна (в дев. Литвиненко), 1912 г. р. уроженка с. Варюхино: «Родители мои из Черниговской губернии, но по-украински не говорили, знали лишь несколько слов. Жили мы в росейском крае. С другой стороны — казанцы жили. Тятя сказывал, что сибиряков здесь тогда было мало. Из Россеи вначале сюда ходоков послали. Потом приехал отец и три его брата. Сначала землянку построили, а в 20-х гг. все крестовые дома отстроили. Родители жили хорошо, середняками были. Довольны были, что в Сибирь приехали. Земли здесь было много, брали, сколько хотели, под усадьбу. Отец был мастеровой, дом сам построил, мебель делал, сапоги шил. Из России уехали, потому что надоело на панов работать.

Часовня в деревне была. Престольные праздники были Николин и Екатеринин день. Ее закрыли еще до войны. Алаевский мужик всё тут громил. Иконы в амбар скидал, брать никому не разрешал, а там скотина была, она их и потоптала. Но мужик тот вскоре помер, Бог наказал» [1, лл. 33—35].

Березовский Алексей Егорович, 1914 г. р., уроженец с. Варюхино: «В Варюхино было три улицы. Деревня на края делилась. Здесь, недалеко, стоял верстовой столб, а другой через километр примерно, так после него жили хохлы. А на другом краю деревни жили казанцы. Очень часто молодежь дралась, ходили «край на край». У нас тут волость была, сидели урядники и писари. А при советской власти в правлении волостной школа была.

У некоторых были двухэтажные дома — у Кинёвых, Бабарькиных Ивана Андреевича и Степана Андреевича, Деймона Михаила (этот самый богатый был, еще дом в Томске имел) [1, л. 36 об — 37].

Вершинина Евдокия Алексеевна (в дев. Кинозёрова), 1925 г. р., уроженка с. Варюхино: «Деревня, наверное, по фамилии названа, жили здесь когда-то Варюхины. Хотя слышала и другую историю: якобы Варюхино — это от слова «варвары — грабители». Жили здесь лихие люди, грабили проезжающих, особенно купцов.

Многие семьи имели свои прозвища. Серебрянниковых называли «акилы», Бабарькиных — киселёвские. Уж не знаю, почему так, кисель любили?

Была церковь небольшая, деревянная, в честь Николы Угодника и Екатерины. Николин день был престольным праздником деревни. На другие праздники многие ездили в Зелеево, в приходскую церковь. Там давали обет, «клали на приклады» — кто скотину, кто сукно или что другое [1, л. 38об — л. 39 об.].

Березовская Татьяна Емельяновна, 1914 г. р., уроженка с. Варюхино: «Старые люди говорили, что по имени первой поселенки Варвары деревню стали называть. Раньше-то здесь тайга была, до сих пор многие в огородах корни деревьев выкорчёвывают. Сначала только сибиряки жили, потом переселенцы приехали. Очень много было из Витебской губернии, а еще из Казани.

До революции в Варюхино было три улицы: по тракту, по берегу и нижняя. Еще края были: чалдонский, хохлы, да казаны. Обычно дрались край на край. Напьются, надо же что-то делать! Переселенцы привозили с собой коров, плуг, борону, монатки (домашний скарб). Хозяйство переселенцы и старожилы вели одинаково.

Некоторые сибиряки жили в двухэтажных домах. Самыми богатыми в деревне были Кинёвы и Дейман. У Деймана в Томске было два дома, но старожилом он не был. Дейман и Кинёв нанимали работников, как из переселенцев, так и из сибиряков. В работники шли те, у кого не хватало хлеба. Частные кабаки и лавки были у Матрены Фёдоровны Малининой и Авдотьи Андреевны Кинёвой.

На берегу находилась казарма, в которой заключённые ночевали одну ночь. Через Томь до Яра ходил паром на конской силе (4 лошади). За перевозку брали деньги.

Была в Варюхино маленькая часовня. Справляли два престольных праздника — Екатерины Святой Мученицы (7 декабря) и Батюшки Николы (22 мая). Священники часто менялись. Последним был отец Алексей. Когда разорили часовню, он переехал служить в Зелеево. Часовня была деревянной, все поразбили. Мужик один, что разорял часовню, сразу ослеп, так и жил, маялся, пока не издох. Был при часовне сторож, Березовский Викентий Викторович. Жил в мелянкой сторожке рядом с часовней. В часовне было много икон, но главными были иконы Екатерины Святой Мученицы и Николы Чудотворца. На Пасху звонили целую неделю [1, л. 40—42].

Деревня Алаево

Деревня Алаево основана в 1693 году посадским человеком Семеном Алаевым [9, с. 36]. На карте С. У. Ремезова обозначена как деревня Лаева [15]. В записках Г. Ф. Миллера и С. П. Крашенинникова 1734 г. значится деревня Алаева на левом берегу близ деревни Варюхиной [14, с. 91; 10, с. 45].

В середине XVIII в. через деревню пролег Московско-Сибирский тракт, и она стала развиваться как притрактовая. Здесь не было ни почтовой станции, ни этапа, но имелось множество постоялых дворов.

Жители деревни Алаево состояли в приходе церкви во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы села Ярского [21].

Согласно Списку населенных мест Томской губернии за 1859 г., здесь числилось 30 дворов и 136 жителей [17]. В 1894 г. в Алаево проживало 44 семьи сибиряков-старожилов, 6 семей переселенцев и 2 семьи разночинцев. В деревне имелся один двухэтажный дом, 5 домов-связей, 4 крестовых, 20 пятистенных, 23 избы и 1 землянка [12, с. 392—407]. Здесь имелась церковная школа грамоты, частное питейное заведение и торговая лавка [18].

Согласно переписи 1911 года, за счет приема переселенцев из российских губерний, количество дворов в Алаево увеличилось до 67, а к 1926 г. деревня разрослась до 128 дворов, численность ее жителей превысила 500 человек [19, 16].

На момент исследования в д. Алаево осталось всего 16 дворов, в которых проживают в основном дачники. Здесь сохранилась историческая притрактовая планировка поселения и несколько пятистенных и крестовых домов постройки XIX — нач. XX вв. с традиционными двухчастными усадебными воротами и заплотом (фото 5, 6).

Фото 5

Из полевого дневника экспедиции.

Андреев Михаил Михайлович, 1905 г. р., уроженец д. Алаево: «Через Алаево тракт шел. В деревне было пять или шесть заезжих дворов. В них пут-

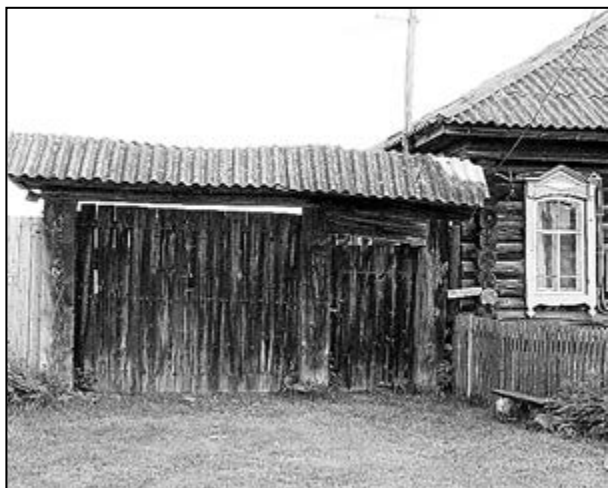

Фото 6

ники и возницы останавливались. За все услуги хозяева заезжего двора брали деньги. Самыми зажиточными здесь были Пупковы, Варёнкины, Варасаевы и Гурьяновы. Они батраков держали. За деревней был маслобойный заводик, который принадлежал купцу Михайлову. Четыре торговых лавки торговали разным товаром из Томска.

В церковь в Ярское ездили через Томь. При церкви была и приходская школа, многие алаевские там учились [1, л. 45 об. — 46].

Пиунова Екатерина Федосеевна, 1918 г.р., уроженка д. Алаево: «В Алаево одна улица была — Московский тракт. Вдоль нее все дворы стояли. Деревня была богатой, много постоянных дворов и лавок здесь было. Один купец имел мельницу, скотобойню и сыроваренный завод. Церкви в Алаево не было, молиться ездили в Варюхино или за реку, в Яр. [1, л. 47 об.]».

Деревня Мальцево

Деревня Мальцево основана в 1704 году казначьим сыном Григорием Мальцевым [9, с. 37]. По сведениям Г. Ф. Миллера, в 1734 г. это селение относилось к дистрикту Сосновского острога. Миллер указал также, что «три деревни (Мальцево, Черная и Алабугина — Л. С.) находятся недалеко друг от друга, на р. Чубур, которая немного выше р. Канок впадает в то же озеро» [14, с. 91].

В середине XVIII в. через деревню Мальцево пролегал Московско-Сибирский тракт. Здесь переселились сразу два его участка — Томско-Кузнецкий и Омско-Томский.

Согласно Списку населенных мест Томской губернии за 1859 г., в деревне насчитывался 41 двор и 219 душ обоего пола [17]. В 1894 г. в Мальцево проживало 52 семьи сибиряков-старожилов, 4 семьи переселенцев и 3 семьи разночинцев. В селении было 13 домов-связей, 4 крестовых, 11 пятистенков, 34 избы, 45 крытых дворов [13, с. 130—145]. В 1899 г. здесь имелась церковная

школа грамоты, питейное заведение и водяная мельница [18]. Жители деревни Мальцево состояли в приходе церкви во имя Свв. мчч. Фрола и Лавра села Зелеево [21].

Начиная с 1906 г., как и повсеместно, в Мальцево началось активное переселение крестьян из европейской части страны. Деревня стала делиться на два края: сибирский и хохляцкий. К 1911 году за счет переселенцев количество жителей в Мальцево увеличилось до 427 человек [19]. В 1926 г. она разрослась до 148 дворов, численность жителей составила 698 человек [16].

На момент данного исследования Мальцево представляет собой селение с разбросанной уличной планировкой. Главной и самой протяженной улицей остается бывшая Тракторная улица (теперь ул. им. Г. Давыденко), на которой сохранилось несколько крестовиков, пятистенков и изб начала XX в.

Из полевого дневника экспедиции

Алабугин Николай Семёнович, 1926 г.р., уроженец д. Мальцево: «Первым жителем деревни был некто Мальцев, по его имени и названо селение. Вроде бы дом его стоял недалеко от моста. Своих детей у этого человека не было, с ним жила жена и мать. Около 10 лет жил у них работник, ему доверяли, как родному. Ботев Александр, тогда мальчик лет трех, увидел, как этот работник точит топор и спросил его об этом. Работник ответил, что хочет всех зарубить. Ему не поверили. Наутро четверых нашли зарубленными. Говорят, что, вероятно, у Мальцева золото было, а работник взял его и сбежал. Несколько лет искали, так и не нашли. А Ботев Александр, когда вырос, свою лавку здесь в Мальцево держал.

Деревня делилась на два края — сибирский и хохляцкий. Нередко дрались «край на край». Была школа на четыре зимы. В церковь ездили в Зелеево. Через речку Чубур был мост, за ним были закреплены дорожные мастера [1, л. 50 об. — 51 об.]».

Село Проскоково

По данным Н. Ф. Емельянова, деревня была основана в 1691 году между двумя реками — Кандереп и Лебяжья — пешим казаком Василием Кузиным (Лузиным) и конным казаком Игнатием Томиловым и называлась изначально Кандерепская (по реке) [9, с. 37]. Однако на карте С. У. Ремезова 1701 г. селение не отмечено.

У Г. Ф. Миллера в списке деревень Томского уезда указана как «Тамилова, на рч. Киндереп», т. е. по фамилии одного из основателей селения [14, с. 91].

Топоним «Проскокова деревня» в архивных документах впервые зафиксирован в материалах

III ревизии (1763 г). Очевидно, что это название также происходит от фамилии местного жителя. Согласно Дозорной книге Томского уезда за 1703 г., в деревне Томиловой своим двором проживал «Иван Иванович сын Проскоков, пахавший землю своего тестя Алексея Свиридова» [8, с. 28]. А в Поименном списке крестьян д. Проскоковой за 1822 г. из 16 проживающих здесь семей 6 носили фамилию Проскоковых, 6 — Лузиных, 2 — Свиридовых, 1 — Тарсковы и 1 — Томиловы [3].

В начале XIX в. через Проскоково пролег Московско-Сибирский тракт, и была организована почтовая станция. Согласно документу 1822 года, на Проскоковской станции содержалось 7 обывательских лошадей, а ямскую повинность там несли крестьяне деревень Стреляная, Хорошебродская, Таловская, Большеямная, Малоямная, Писаная, Колбиха, Грамотуха, Копылова, Пача, Колмыкова и 7 душ из д. Власково [5, л. 197].

В XIX в. в Проскоково располагался полуэтап — загороженная территория с баракком. Он находился в стороне от тракта, там, где сейчас проходит улица Лесная. В полуэтапе партия каторжан останавливалась только на ночевку и утром следовала далее.

С Московско-Сибирским трактом связана местная легенда о происхождении названия села: «Раньше здесь была деревня Бродяжья, в которой проживали «разбойные люди», грабившие на тракте купцов и других путников. Все проезжающие старались побыстрее проскочить эту деревню — отсюда и пошло название Проскоково» [1, л. 52 об.].

В списке населенных мест Томской губернии за 1859 г. Проскоково именуется уже селом с церковью [17]. Известно, что последнее здание храма Живоначальной Троицы было построено в 1863 году [20]. В начале XX в. в состав прихода входили также деревни Филоново, Безменово, Троицкая, Турнаево, Чахлово, Шелковниково, Шитиково, Асаново, Годуново, поселки Кандерпский, Борзинский, Северный [21].

Проскоковская церковь прославилась тем, что 15 июля 1868 года здесь состоялся молебен по случаю именин Великого Князя Владимира Александровича, на котором августейшая особа присутствовала лично. Вот как описано это событие в газете «Томские ведомости»: «Князь помещен в доме почтовой станции, свита в других домах обывателей. В 9 часов утра Князь прибыл в церковь, выслушал обедню, которую совершали Преосвященный Алексей, Архимандрит Моисей, прибывший из Томска протоирей и местный священник. В 3 часа у его Величества был обед. Обеденный стол был приготовлен во дворе соседнего со станцией дома, под навесом, устроенным для складки сена. Зал был очень удобен, пол устлан свежескошенным сеном, стены обставлены березами и черемухой. В 10 вечера двинулись далее» [10].

В 1859 г. в селе Проскоково насчитывался 41 двор и 219 душ обоего пола [17]. В 1894 г. здесь проживало 98 семей сибиряков-старожилов, 5 семей переселенцев и 3 разночинцев. В деревне было 7 двухэтажных домов, 12 домов-связей, 6 крестовых, 37 пятистенков, 64 избы [12, с. 392—407]. В селе располагались сельское училище, больница, хлебозапасный магазин, питейное заведение, 4 лавки, земская станция, камера (этап) и квартира Мирового Судьи, квартиры Земского заседателя, участкового врача, двух фельдшеров, повивальной бабки [18].

Первые переселенцы из Тамбовской губернии — «тамбачи» — приехали в Проскоково еще в 80—90-х гг. XIX в. Но основной переселенческий поток хлынул сюда в начале XX в., тогда же село стало делиться на «хохлацкий» и «чалдонский» края. [1, лл. 62, 65 об, 68 об. — 69, 74 об.]. В 1911 г. в Проскоково насчитывался уже 131 двор и 594 жителя, а к 1926 г. село разрослась до 220 дворов, численность жителей составила 1005 человек [19, 16].

По свидетельству информаторов, в начале XX века в селе было две улицы — Московский тракт и Береговая. Сейчас бывший тракт является улицей Центральной.

Храм был закрыт в 1936 году, затем его перестроили под сельский клуб. В 1962 году здание разрушили окончательно и на его месте построили кирпичное строение (хозяйственный магазин на ул. Совхозной) [1, лл. 53, 61 об.].

В настоящее время село имеет разбросанную уличную планировку. Жилые дома представлены пятистенками и крестовиками, большинство из которых построены в советское время.

Самой старой постройкой села старожилы называют дом по адресу ул. Центральная, 98. Сейчас это пятистенок под двускатной крышей с дощатой пристройкой — сенями. Но изначально была срубленная из лиственницы изба-одноstopка на высокой подклети. В пятистенок дом был перестроен в 50-х гг. Старая часть дома выделяется диаметром бревен сруба в 40—45 см. и состоит из 10 венцов. Новая часть срублена из сосны диаметром до 25 см. На доме сохранился двойной резной подзор и резные наличники (фото 7).

На Центральной улице, недалеко от моста, возле продовольственного магазина, сохранилось три амбара. По словам всех опрошенных информаторов, они принадлежали когда-то купцу Ярову. Два амбара соединены в ряд. Третий стоит напротив, через дорогу.

Из полевого дневника экспедиции

Демина Мария Павловна (в дев. Лузина), 1924 г.р., уроженка с. Проскоково: «Раньше в селе была одна улица — Тракт и один переулочек (сейчас ул. Набережная). Когда-то каторжные там ночева-

Фото 7

ли в этапе. Еще почтовая станция располагалась в Проскоково.

Самым богатым человеком в селе был Константин Яров. Его двухэтажный дом стоял на центральной Трактовой улице. Яровы имели маслобойню, шерстобитку и несколько магазинов, в которых продавались завозные товары. Молоко закупал по округе, масло потом продавал в Томске.

В селе было две кузницы и три мельницы: одна на р. Лебяжьей, другая — около мостика через Кандереп, третья — между Чахлово и Проскоково. Все мельницы водяные. Одну из мельниц держал Добрычев Иван Карпович.

Церковь стояла там, где сейчас хозяйственный магазин. Когда строили этот магазин, под фундаментом нашли могилу, открыли гроб, а в нем батюшка как живой сохранился. Священник был не местный, но его все очень уважали.

Престольным праздником считалась Святая Троица. Праздновали также Николу Зимнего (11 декабря), и Николу Вешнего (22 мая). Церковь была построена давно, в ней еще моего тятю крестили. В приход входили деревни Михайлово, Безменово, Чахлово, Читовка, Кожевниково, Милютино, Митяново, Шитиково, Лебяжье Асаново, Карасёво, Будуново, Болотная, Александровка. Внешне церковь походила на Зеледеевскую, но была больше размером, в три купола, выкрашена в светло-голубой цвет. Вокруг стояла железная ограда на каменном фундаменте. Внутри ограды были похоронены священники и некоторые певчие. В 1930-х местные коммунисты Николай и Михаил Свиридовы, Никита Кузнецов сняли колокола на переплавку. Один колокол был самый старый, на Валдае сделан. Долгое время в бывшем храме клуб был. Окончательно здание церкви сломали году в 1956—1957» [1, л. 53—54 об.].

Асанова Матрёна Яковлевна (в дев. Боянова), 1906 г.р., уроженка с. Проскоково: «Там, где сейчас магазин и аптека, была церковь. Церковь закрыли до войны. Сначала в ней сделали клуб,

потом склад. Рядом с церковью стоял поповский дом. Старого батюшку звали Алексей, он еще до разорения храма умер. Последний поп был молодой, как его звали, не помню [1, л. 61 об.]. Кладбище старое находилось сразу за мостом, на горе (сейчас там дома). Вся деревня была огорожена поскотиной, около ворот сидел привратник. Он следил за тем, чтобы ворота были закрыты, а если кто проезжал, то открывал их. Ему общество за эту работу платило. Были в селе лавки. Самую большую держал Яров, там, где сейчас магазин у моста. Амбары, которые рядом с магазином, из его усадьбы.

Тятя мой, Боянов Яков Павлович, в 1907 году был старостой. Тогда же росейские стали приезжать. Некоторые богато зажили здесь. С сибиряками-чалдонами не дрались, жили дружно. Земли полно было. Хлеб и сено продавали в Юргу и Томск» [1, лл. 61 об. — 62].

Князева Агрипина Степановна (в дев. Кунгурова), 1915 г.р., уроженка с. Проскоково: «Сначала жили здесь одни чалдоны, потом приехали из Россеи хохлы (хохлишки). Селились на краю, так и называли тот край «хохлацкий». Поначалу приехали их мужики, статные, здоровые, с бородами. Сделали сходку, общество вырядило им землю. За это старожилы местные затребовали с переселенцев ведро самогонки. А потом все мужики, и чалдоны, и хохлы собрались у Никиты Макарыча (у речки жил дед) и вместе выпивали.

После уже хохлы семьи свои привезли. Чалдоны встретили их хорошо. Дома помогали ладить, помочи делали. Хохлы некоторые зажиточней многих чалдонов жить стали. Были такие Голешевы, Григорьевы. Работать на пашне любили и умели. А чалдоны в этом какие-то бестолковые были.

Церковь располагалась, где сейчас хозяйственный магазин. В войну там склад был, потом разобрали по бревнам, два дома построили. Церковь обшита была, под железной крышей и с железной оградой. Ворота (стояки) из кирпича были сложены. Батюшка — отец Сергей. На престольный праздник, Крещение, три дня гуляли» [1, л. 65 об. — 66].

Асанова Екатерина Тимофеевна (в дев. Ефтеева), 1901 г.р., уроженка с. Проскоково: «В Проскоково была улица — Московский тракт и еще Береговая. По тракту стояли верстовые столбы. Здесь еще водили каторжников. Острог (каталажка) ближе к лесу располагался. Территория огорожена была, а внутри барак. Одна бабушка здешняя каторжников жалела, все пекла им калачи. Так и прозвали ее Калачёвой.

Лузин Дмитрий Андреевич держал «возок». Жил за мостом, слева, пятый дом-связь. Там же была почта, а Лузины жили во второй половине дома. Сразу за мостом была изба — одностопка, там жил старик Лазарь. У него вечерки собирали.

Еще было раньше в Проскоково Кредитное товарищество. Богатей Яров Георгий Андреевич лавку держал. Сейчас остались его амбары (у сельмага стоят). Напротив лавки Ярового располагался кабак (винная лавка). Там продавали чекушки, полубутылки, бутылки. Рядом с кабаком еще одну лавку держали сестры Наталья Ивановна и Ольга Ивановна Визьмитины.

Церковь находилась там, где сейчас кирпичный хозяйственный магазин. Батюшка был сначала отец Николай, потом отец Алексей Дроздов. Приход большой — деревни Филоново, Мальцево, Безменово, Шелковниково (Карасёво), Митяново (Троицкое). На Фрола и Лавра с прикладом в Зеледеево ездили — это конский праздник. В 1921 году я сына крестила уже на дому, церковь под запретом была.

Первые переселенцы, семей 12—13, были из Тамбовской губернии — Бочаровы, Пересыпкины, Красновы. Как только приехали, землю вольную дали, а потом был передел, давали на мужиков. У отца было 57 десятин, а до передела еще больше. Лишнюю землю в аренду отдавали. Всех переселенцев местные «хохлами» звали (еще «хохлушка», «тамбачка», «лапотница»). Среди переселенцев

были и настоящие украинцы, с фамилиями Нагорняк, Пулигуль.

Приезжие сибиряков называли «чалдоны желторотые» — это значит, недоразвитые, чтобы землю хорошо пахать. Они лишь мало-мало землю ковыряли — 3 загона, а хохлы по 25 десятин. Среди сибиряков хлеборобов мало было, самые работающие Ефим Захарович Лузин да Иван Трифонович Асанов. А большинство покупали муку. Работать на пашне не любили. Всю ночь в карты проиграют, да в кабаке просидят» [1, л. 68 об — 69].

Лузин Александр Яковлевич, 1913 г. р., уроженец с. Проскоково: «Мы Лузины — чалдоны, уже лет 300 здесь живем. Как переселенцы понаехали, село стало делиться на две части: до церкви «хохлацкая», от церкви — «чалдонская». В Проскоково было 3 мельницы, 7 лавок, маслобойка, кузница. Кузнецами были Курпатов Михаил Иванович, Свиридов Иван Борисович и Кузнецов Михаил Андреевич. Лавки держали Вязмитин и Яров. Товар закупали в Томске. Состоятельными были также Кунгуровы, Разуваевы, Якимовские, Ефтеев. Местные богатеи собирались на свои деньги построить железную дорогу из Новониколаевска через Проскоково на Юргу, но рассорились между собой и ничего не сделали» [1, л. 74 об.].

Традиционная культура и быт русского населения обследованных населенных пунктов

Основные занятия и промыслы.

Основным занятием населения исследованных притрактовых селений было земледелие. Вплоть до конца XIX в. здесь существовала захватно-залежная система землепользования. Земельный передел стал применяться лишь с начала XX в. Общинную землю делили на доли по 10—15 десятин. Доли давались только на мужчин и детей мужского пола, распределялись жребием. Местные крестьяне называли земельные доли «полосками» или «пластами» [1, лл., 11, 13, 35 об]. По словам информаторов, в доли входили и пашни, и сенокосные угодья. У одной семьи могли быть ближние и дальние пласты. На сенокосных угодьях многие держали пасеки с ульями-колодами.

На полях выращивали пшеницу (ярицу), рожь (яровую и озимую), ячмень, овёс, гречиху, просо, лён, иногда картофель. В системе севооборота использовали пар (вспаханное, но не засеянное поле) [1, л. 11]. В огородах при усадьбах выращивали капусту, огурцы, свеклу, репу, лук, немного картофеля.

Основные орудия сельскохозяйственного труда — плуги, сохи-колесухи, бороны, серпы и косы. В начале XX в. наиболее зажиточные хозяева стали

использовать сельхозмашины: сенокосилки-лобогрейки, конные молотилки, конные грабли, сноповязки, веялки. Мельницы были в Алаево, Мальцево и рядом с Проскоково.

Животноводство также являлось важным хозяйственным занятием местных крестьян. Во всех обследованных селениях жители разводили коней, коров, мелкий рогатый скот и домашнюю птицу. Свиной первыми стали выращивать переселенцы. Количество домашнего скота определяло степень зажиточности. У некоторых сибиряков насчитывалось до нескольких десятков коров и целые табуны лошадей.

Скот пасся вольно (без пастуха) в пределах поскотины (изгороди вокруг деревни). За каждым крестьянским двором был закреплен участок поскотины, который при необходимости следовало укреплять или чинить. За исполнением этой обязанности строго следила община.

Лес был в общем пользовании для охоты, сбора ягод и грибов. Дрова принято было рубить на своих наделах, если там были лесные околки.

Самым распространенным несельскохозяйственным промыслом в притрактовых деревнях и селах близ Томска было пчеловодство. В основном мед был для личного потребления, но, по сло-

вам информаторов, в каждой деревне имелись крестьяне, державшие до 100 колод-ульев, которые возили мед на продажу в Томск и на ближайшие сельские ярмарки.

Сибиряки повсеместно занимались охотой и рыбной ловлей. Некоторые добывали дичь и рыбу специально на продажу. Переселенцы из европейской части России охотой и рыболовством не занимались. Зато в их среде было много мастеровых — сапожников, скорняков, пимокатов, печников, кузнецов.

Важной составляющей промысловой деятельности сибирских старожилов притрактовых селений являлся извозный промысел: товарный извоз, почтовая гоньба, вольный пассажирский извоз. Еще одним специфическим притрактовым промыслом было дворничество — содержание постоянных (заезжих дворов). Больше всего таких дворов было в деревне Алаево.

Повсеместными женскими домашними промыслами были обработка льна, прядение, ткачество, шитье и вышивание. По утверждению наших информаторов, сибиряки предпочитали шить одежду из покупных тканей, а дома ткали шерстяные ковры, половики, полотно для полотенец, скатертей, холщовых рубашек. Одежду шили вручную, но у наиболее зажиточных в начале XX имелись швейные машинки.

Простейшую домашнюю утварь многие мужчины делали собственноручно — табуреты, столы, лавки, кое-что из посуды. Все остальное приобреталось в городе или в деревенских лавках, торговавших «городским товаром».

Проявлением общинных традиций (вплоть до периода коллективизации) во всех обследованных селениях были помочи — коллективная помощь соседу в каком-то важном хозяйственном деле. По воспоминаниям старожилов, чаще всего помочи собирали на покос, молотьбу и новое строительство. Разновидностью женских помочей были супрядки, куда собирались женщины, чтобы помочь с обработкой льна, прядением или ткачеством. Любые помочи, обязательно заканчивались обильным угощением всех, кто в них участвовал.

Из полевого дневника экспедиции

Мирсанова Полина Ефимовна, 1912 г.р., уроженка с. Зелеево: «В хозяйстве у родителей было две лошади и две коровы. Огород возле дома садили небольшой, выращивали огурцы, капусту, лук, немного картофеля (1—2 ведра). Картофель в основном садили на полях. На задворках огородов устраивали пасеки с колодами. Но у некоторых пасеки были далеко за поскотиной. Родители сеяли овес, пшеницу, рожь, гречиху, просо, лён. На пашне избушка была, где жили во время страды. В деревне во время полевых работ оставались только старики. В селе были свои мастеровые — гончары,

сапожники, пимокаты. Женщины в каждом доме зимой пряли, ткали, вышивали. Одежду шили сами, была машинка «Зингер». Шили из домотканых и покупных тканей (шелк, кашемир). У переселенцев было больше тканых шерстяных вещей, а у сибиряков было больше покупных. Сибиряки побогаче жили» [1. л. 6 об, 9].

Маркова Анисья Семеновна (в дев. Дуреева), 1913 г.р., уроженка с. Зелеево: «Земля была разделена на полоски, каждая семья имела свою пашню и сенокосы. Пахали на лошадях плугом или сохой — колесухой заводского производства. Тяпка звалась «подгребушкой», «тяпать» не говорили, говорили «мотыжить». Землю под пары оставляли со временем, чтобы отдыхала. У многих были машины: у отца — сенокосилка-лобогрейка, у других конные молотилки, сноповязки. В хозяйстве сибиряки держали в основном крупный рогатый скот. У переселенцев чаще встречались свиньи. Пчеловодством тоже занимались. У мамы было 20 колод, а у её брата — 100.

Женщины все обязательно рукодельничали. В нашей семье два ткацких станка было. Некоторые устраивали у себя на дому супрядки для прядения льна. Это когда у кого-то в доме собирались и помогали прясть. Сибиряки часто использовали покупные ткани. У нас мама шила на швейной машинке, которую называли «белоручка поповская» [1. л. 11].

Мирсанова Прасковья Николаевна (в дев. Торопчина), 1915 г.р., уроженка с. Зелеево: «В Сибири земли было много, поэтому переселенцы занимали вольные земли. Выращивали рожь, пшеницу, горох, гречиху. Рожь сеяли озимую (под зиму). Было три сева, третий приходился на 27 августа (на Успение). Существовали дальние пласты (пашни), которые находились километрах в 7-ми от деревни, и ближние. Инвентарь оставляли на полях. Работали в поле все. Мужчины пахали и сеяли, женщины жали серпами. На полях ставили сулоны по 10 снопов.

В хозяйствах были куры, гуси, коровы, овцы, кони. Коз не держали. У некоторых чалдонов было по 30 коров и 100 овец. Коровы паслись на поскотине. Территория поскотины замерялась и делилась между дворами. За каждым участком поскотины следили, устраняли неполадки, восстанавливали городьбу.

Лесом пользовались сообща, но дрова рубили на своих наделах. На наделных околках чужим людям ягоду и грибы собирать не разрешалось, могли и побить. Переселенцы не охотились, не ловили рыбу. Среди переселенцев бытовала поговорка: «Кто рыбу удит, у того ничего не будет».

Росейские женщины привезли с собой самопряжи, а у старожилов — простенькие пряслица да веретена. У некоторых переселенцев тоже были прялки, но с гребнем» [1. л. 13—14].

Петрухина Арина Семёновна, 1912 г.р., уроженка Вятской губернии, жительница с. Зелеедово: «Родители поначалу здесь, в Сибири, своего хозяйства не имели и ходили «поработниками». Где хозяйева давали дом и землю, там и селились. В хозяйстве у бедных были одна корова да лошаденка, у зажиточных — два и больше коней, три-четыре коровы, гуси, утки, овцы. Работящие жили хорошо [1. л.23 об].

Шканова Татьяна Григорьевна (в дев. Богданова), 1916 г.р., уроженка с. Зелеедово: «Земли здесь хватало всем. Родители держали два коня, 5 коров, овец много, три улья на огороде. Имели сенокосилку и жатку. Молотили каждый на своем поле. Пахали на конях плугом. Раньше делали помочи, когда сено косили, дом строили (или мазали). За работу на помочах спиртным угощали, застолье делали. Женщины устраивали «супрядки». Это тоже как бы помочи, но по рукоделью. На супрядках спиртным не угощали. Одежду сами шили. Короткий полусубок из овчины называли «красная шубенка», теплая одежда с короткими полами — зипун, легкая — пониток (как пиджак сейчас). Женщины носили рубаху и юбку. Пензенские юбки называли поневами» [1, лл. 24—25].

Соболева Александра Ильинична (в дев. Павлова), 1917 г.р., уроженка с. Варюхино: «Земли здесь хватало. Сеяли рожь, пшеницу, овес. В хозяйстве у родителей была корова, один конь, также держали свиней и овец. Отец был мастеровой — плотник, сапожник и печник. Сапоги, правда, шил только своей семье, а печи бил всем, кто попросит.

Сибиряки здешние жили зажиточно. Многие сами на полях не работали, нанимали бедняков. Платили им зерном или деньгами» [1. л. 29 об].

Березовский Михаил Емельянович, 1922 г.р., уроженец с. Варюхино: «Скот был вольный, а деревня поскотинной огорожена. Землю делили на доли — пласты (пашни). У каждой семьи было два участка: на елани пашня, на лугах — сенокос. У некоторых в собственности имелись сельскохозяйственные машины. У Ивана Петровича Березовского, например, была сенокосилка немецкой фирмы «Крупп» и конные грабли. Население занималось также охотой и рыболовством (в основном на озёрах). Дичи и рыбы было много. Пчел держали многие. В деревне были свои кузнецы, а еще скорняк Марков Демид Васильевич» [1. лл. 31 об. — 32 об.].

Березовская Мария Федоровна (в дев. Литвиненко), 1920 г.р., уроженка с. Варюхино: «Я с 7 лет на поле работала, боронила с отцом. Хлеб серпами убирали и маленькими литовочками косили. Сельхозмашин у родителей не было. Держали 2 коня, 2 коровы, овец, свиней, кур, гусей. Пахали плугом. На пашне строили балаганы, у некоторых были избушки. Поля были далековато в 3-х местах. На огороде картофель сажали, тыкву, лук, чеснок.

Ягоду в лесу собирали. Варенье не варили, ягоду сушили на зиму» [1. л. 34 об].

Березовский Алексей Егорович, 1914 г.р., уроженец с. Варюхино: «Земли здесь всем хватало. У каждого своя пашня была. Делили по мужским душам в семье. У родителей было две пашни и покос. На пашне избушка стояла, неделями там жили. Сеяли пшеницу, рожь, просо, гречиху, редко ячмень. Некоторые жали серпами, но в 20-х годах были у многих машины — лобогрейка, молотилка, веялка. После уборки на поле сначала суслоны ставили (снопов 10 вместе, а сверху еще один), затем в клад: клали рядами, сверху накрывали снопами.

В Варюхино многие держали пасеки. У отца было 4 колодочных улья, рамочных тогда почти ни у кого не было. В огороде сажали немножко картошки огурцы, помидоры, чеснок, лук, свеклу.

Многие в деревне охотились, но самыми знатными охотниками были Серебрянников Николай Данилович и Серебрянников Лаврентий. Они добычу в Томск на продажу возили. Ловили в основном ловушками да капканами зайца, колонка, лисицу.

Были мастеровые, из крестьян же. Сапожники: Серебрянников Лаврентий, Вершинин Николай Павлович, Новиков Павел, пимокат Севастьян Андреевич. А еще местные мужики извозом занимались — «гоняли вольную» из Томска в Калтан, из Калтана в Варюхино, затем в Проскоково и Болотное» [1. л. 35 об. — 36 об].

Березовская Татьяна Емельяновна, 1914 г.р., уроженка с. Варюхино: «Раньше жили, не тужили — летом работали, зимой ели. Сеяли пшеницу, рожь, гречиху, просо, овёс. На среднюю семью в 10 человек, как правило, приходилось по 4—5 коров. Косить поручали уже с 12—13 лет. В доме отец заведовал всеми мужиками, а мать женщинами. Мужики в основном пахали и сеяли, а в сенокосе и жатве принимали участие все.

После уборки на поле ставили суслоны по 10 снопов в каждом: семь ставишь, тремя сверху накрываешь. Хлеб оставался сначала на корню, потом в суслонах и в скирдах, а уже потом его молотили. Мололи зерно на водяных мельницах в Алаево, в Мальцево и в Ёлгино.

Многие занимались пчеловодством. Самые богатые имели по 20—30 колод. Хозяйева жили прямо на пасеке. Больше всех колод было у братьев Николая Ивановича и Ильи Ивановича Серебрянниковых и у Холопёнова Николая. Они мёд продавали. Остальные держали пчёл для себя» [1. л. 42—43].

Серебрянникова Екатерина Константиновна: «В хозяйстве у тяти были кони, коровы и овцы. Свиней не держали. Сеяли овес, просо, гречиху, но больше всего пшеницу. Хлеб ели с обедом ржаной, с чаем — белый. Отец часто ловил рыбу

с Кинёвым. Рыбы было очень много, даже есть ее надоедало.

Некоторые хозяева держали колоды с пчёлами. Самым богатым пчеловодом был Николай Иванович Серебрянников, но он нам не родня.

Когда собирали лён, его оставляли ещё неделю на поле. Потом привозили в баню и мяли (по 120 пучков в день). После этого чесали, трепали, пряли, ткали и потом шили из полотна одежду». [1. л.44 об — 45]

Андреев Михаил Михайлович, 1905 г.р., уроженец д. Алаево: «Пашня распределялась по жребью на сходе (по количеству мужских душ). Обычно семья со средним достатком имела по 5 га пашни, по 2—4 коровы, 4—5 коней. Сеяли пшеницу, гречку, овес, просо (на продажу). Картошку садили для себя. Продажей огурцов славилась деревня Вершинино. Лошади паслись в общем табуне.

Имелась в деревне общая поскотина. За каждым был закреплен ее отдельный участок. Ограда состояла их 2 вертикальных и 7 горизонтальных жердей» [1. л.46 об].

Алабугин Николай Семёнович, 1926 г.р., уроженец д. Мальцево: «Землей все были обеспечены (делили 15 десятин на одного мужчину). Пашня родителей находилась почти в 3-х км от деревни, а покосы в 7 км, там и пасека была — до 70 колод.

У сибиряков в хозяйствах было по 6—7 коров и до 10 лошадей. Свиней не разводили. Жили многие большими семьями, включая женатых сыновей. В семье делились обязанности, например, одни пахали, другие строили.

В Мальцево имелась поскотина. Стояла она как бы перпендикулярно деревне, захватывала также лес. За поскотиной следили, каждой семье поручался участок в ограде 100—150 м». [1. л. 50—50 об].

Асанова Матрёна Яковлевна (в дев. Боянова), 1906 г.р., уроженка с. Проскоково: «Семья у отца была большая, 8 человек детей. Держал две коровы, три или четыре лошади. При единоличном хозяйстве землю переделяли, давали землю на мужчин. Наделы были большие — здесь и пашня, и сенокос. Пахали плугом. Сеяли пшеницу, рожь, также лён и коноплю. Рядом с отцовской пашней был надел местного священника. У него много детей было, он тоже сельским трудом занимался.

Были в селе люди, которые вольную гоняли. Многие по найму работали. Через Проскоково скот гнали в Томск. В селе бойня была. Отец даже туда нанимался на работу.

Чалдоны холщево не носили, одежда вся из покупного товара была. Чалдонки всегда чисто одевались, по две юбки носили, сначала белая, потом цветная. Ткали только половики, полотенца да скатерти. Еще чалдоны ковры шерстяные ткали. Сами тулупы шили, красили их. Был в деревне пимокат по фамилии Ефтеев.

В 1920-х мы с мужем сенокосилку, конные грабли и тележку купили, но когда колхоз образовался в 30-х, отдали туда 6 лошадей, 6 овец и все машины» [1. л.62—63].

Жилища и хозяйственные постройки

В настоящее время во всех исследованных населенных пунктах среди жилых домов преобладают срубные пятистенки и крестовые дома, простроенные в середине XX в.

Между тем, в конце XIX в. самыми распространенными типами жилища повсеместно были избы, пятистенки и дома-связи, что видно из таблицы, составленной на основе материалов исследования 1894 г. [11, с.396, 12 с.134].

Поселение	2-х этажн.	связь	крестовик	пятистенок	изба
с. Зеледеево	-	11	5	18	40
д. Варюхино	7	13	6	41	48
д. Алаево	1	5	4	20	23
д. Мальцево	-	13	4	11	34
с. Проскоково	7	12	6	37	64

Строительным материалом для жилых домов в XIX — нач. XX вв. служила сосна, а самые старые деревенские дома, по утверждению информаторов, строились из лиственницы. Для строительства хозяйственных построек использовали осину или березу. Сибиряки традиционно крыли крыши домов и амбаров тесом. Переселенцы поначалу сооружали соломенные или камышовые крыши, в том числе и на жилых домах, но очень скоро, по примеру старожилов перекрывали дома тесом. Внутри стены домов белили, полы скоблили (красили только в зажиточных домах).

Крестьянские дворы сибиряков в притрактовых селениях плотно прилегали друг к другу и распо-

лагались по обеим сторонам дороги. Фасадную часть усадьбы составлял ряд: жилой дом — усадебные ворота — наружная стена амбара. В больших усадьбах между строениями и воротами глухое ограждение — заплот. Дома, как правило, ориентированы так, чтобы на тракт было обращено наибольшее количество окон. Вход в дом располагался, как правило, с торца или с со стороны заднего фасада.

На многих домах даже более поздней постройки сохранились старинные наличники самых разнообразных типов, украшенные глухой, пропиленной и накладной резьбой (фото 8, 9, 10, 11). Зажиточ-

Фото 8. с. Варюхино

Фото 10. д. Мальцево

Фото 9. д. Мальцево

Фото 11. с. Варюхино

ные крестьяне украшали резьбой и другие части дома, а также ворота.

В отличие от сибиряков, некоторые переселенцы, как и у себя на родине, обмазывали наружные стены домов глиной и белили. Палисадников перед домами не было. По утверждению информаторов, их стали устраивать перед домами в советское время, после войны.

Усадьба сибиряков имела замкнутую планировку. Все хозяйственные постройки — амбары, конюшни, завозни, навесы — располагались по периметру двора. Центральным элементом фасада усадьбы являлись высокие двухчастные ворота с калиткой под двухскатной крышей. На момент исследования наибольшее количество традиционных усадебных ворот сохранилось в деревнях Алаево и Варюхино.

Согласно данным переписи крестьянских и иногородческих хозяйств 1894 г и воспоминаниям наших информаторов, на рубеже веков большинство усадеб сибиряков представляли собой крытые дворы [1, л. 68 об.].

Переселенцы крытых дворов не соорудили. Усадьбы, как правило, огораживали плетнем или жердевым заплотом. В отличие от сибиряков, «российские» начали возводить в усадьбах специальные постройки для скота — стайки и свинарники. Бани и сибиряки, и переселенцы ставили в дальнем конце огорода.

Из полевого дневника экспедиции

Мирсанова Полина Ефимовна, 1912 г.р., уроженка с. Зелеево: «На усадьбе родительского дома постройки вдоль ограды располагались со всех сторон. Во дворе амбар стоял, стайка для коров, избушка, где держали кур, овец.

В избе обязательно была русская печь, лавки, полати, стол. Посуда покупная: деревянная и глиняная. В горнице обычно стояла кровать, диван деревянный, комод, два или три ящика (россейские сундук называли). Принято было «наряжать кровать». Понизу привязывали приколотки (кружево), а над ними спускались простыни тоже с кружевами и вышивкой. Кровати часто стояли лишь для украшения, а спать могли и в прихожей. Распространены были ажурные скатерти. Такая скатерть стелилась поверх холщевой на стол в горнице [1. л. 6—9].

Сибиряки белили избы по 5 раз в год — к Троице, Рождеству, Масленке, Пасхе, Фролову дню. Печь вообще белили каждую субботу. Полы красили, крыльцо выскабливали. Пол застилали ткаными дорожками. Переселенцы жили грязно, белили раз в год. Полы у них всегда грязные были. Когда в семью переселенцев входила сибирячка (невестка), у них становилось чище» [1, л. 6—9].

Маркова Анисья Семеновна (в дев. Дуреева), 1913 г.р., уроженка с. Зелеево: «Во дворе все постройки плотно друг к другу стояли. Многие крыли свои дворы жердями, а сверху соломой или дранкой. Дома строили из красного дерева — сосны. При строительстве общество собирало помочи. Усадьбы раньше были меньших размеров, так как огороды были небольшими. Бани ставили «на задах».

В горнице у нас ящик был, круглый стол и койка деревянная с точеными спинками. Кровать украшали: привешивали приколотки снизу, а над кроватью к потолку крепился свес: кружево — материя — кружево.

Переселенцы жили грязно, стелили на кровати дерюжки. Дворы свои огораживали плетнями. Сначала ни у кого палисадников не было: ни кустов, ни цветов напротив дома, это недавняя мода» [1. л. 10—10 об.].

Мирсанова Прасковья Николаевна (в девич. Торопчина), 1915 г.р., уроженка с. Зелеево: «Строительный лес был привозной. Чалдоны жили в пятистенках, связях, крестовых домах, а то и в двухэтажных. Переселенцы поначалу жили в избах, но с 20-х годов стали строить как у чалдонов. Бани рубили подальше от домов, так как в них обрабатывался лен, и они часто горели [1. л. 13—14].

Елизарова Мария Петровна 1909 г.р., уроженка дер. Кожевниково: «Дома строили из сосны, вдоль тракта. Окна выходили на тракт, вход в дом — с ограды. Покрывали дома соломой, кто побогаче, в основном сибиряки, крыли тесом. Столбы на воротах высокие для удобства делали, чтобы сено возить и лес» [1. л. 22—22 об.].

Шканова Татьяна Григорьевна (в девич. Богданова), 1916 г.р., уроженка с. Зелеево: «В избе была русская печь, на которой могло уместиться до восьми человек. В русской печи даже парились.

В горнице была деревянная кровать, где спали родители. Застилали ее дерюжками (хлопья льна крутили и ткали). На таких дерюжках спали также на полу или на полатах. Еще в доме были сундуки. Стол деревянный, застилали скатертью его лишь на праздники. Стены белили глиной, полы не красили — скоблили. В избе было грязно — ягнят, телят пускали, были тараканы, вши. За домом-то некогда было следить, много работы было по хозяйству. Усадьба родителей была огорожена плетнем. Палисадники появились только в советские времена. На усадьбе были амбар, избышка, где скотину держали. Свиной держали в загородках. Постройки на усадьбе друг к другу не примыкали. Амбары, стайки делали с односкатными крышами, крыли их снопами соломы, вымазанными глиной. Бани строили далеко от домов, так как они часто горели» [11, с. 397, 12 с. 135, 1, л. 24—24 об.].

Березовский Михаил Емельянович, 1922 г.р., уроженец с. Варюхино: «У отца был пятистенок, стены изнутри белёные, пол не красили, а скоблили. Полатей не было, спали на полу и дети, и родители. В горнице были кровати, на них спали старшие братья с женами. Кровати наряжали. В избе рядом с русской печью иногда ставили «буржуйку».

Двор огораживали заплотом. Во дворе конюшня была, баня, амбары. Все крыли тёсом. Редко кто соломой или камышом — это в основном росейские. У них было грязно, потому что они в избу скот запускали, некоторые даже коров в избе доили» [1. л. 32—32 об.].

Березовский Алексей Егорович, 1914 г.р., уроженец с. Варюхино: «Дом, где я родился, строил еще дед. Дом был из сосны, все остальное на усадьбе из березового и осинового леса. Обычно лес валили в декабре-январе (заготовливали впрок). Усадьбу огораживали заплотом, огород частоколом (городьбой). Переселенцы тоже ставили заплоты, но огород огораживали плетнем. У нас двор был крытый. Из построек: амбар, две конюшни, завозня, овчарник, клевок (для кур). Постройки сибиряки крыли тёсом, а переселенцы соломой. Колодцы срубом были у многих. У родителей неглубокий, потому что стоял на ключе, просто крюк да ведро.

Рубить дом приглашали соседей или артели плотников. Расплачивались деньгами или хлебом. В доме белили белой глиной. Была русская печь, рядом стояла железная. На кровати спали старшие, а остальные на полу. Простую мебель, табуреты, лавки, столы, отец сам делал» [1. л. 35—35 об.].

Князева Агрипина Степановна (в девич. Кунгурова) 1915 г.р., уроженка с. Просоково: «У родителей была высокая изба. В ней русская печь, полати, лавки широкие. От печи два бруса под потолком шли — полатный и кутный. Кут был досками отделен от остальной избы. В куте лавка, полка, стол самодельный, бочка с водой. На лавке или

на печи квашня обычно стояла. Еще там был лаз в погреб и запечь. Мама моя чалдонкой была, очень чистоплотная, печь часто белила, каждую неделю полы скребла.

В избе стол был закрытый, в Томске покупали, а еще сундук. Стены дома белили глиной, ее покупали на ярмарке или сами в Яру добывали. Полы не красили, а скребли. Половики мама стелила лишь на праздники. Было несколько половиков красивых, их сшивали и расстилали во всю избу.

В красном углу обязательно божничка с лампадкой. У родителей много икон было, все под стеклом. Зеркало было небольшое, на плашечки крепилось. Книг в доме не было, но была картинка в рамке — царь какой-то.

Подполье было хорошее, все обитое деревом, лестница из плах. Мать всегда и в подполье мыла. В подполье большой ящик стоял для муки, был закром для картошки и капуста в кадке впрок квашеная. Во дворе погреб был вырыт, там, в кадках, мясо хранили, масло топленое (мама за Пост наготавливала).

Амбара у родителей не было. Закрома для зерна в сенях были (3 закрома). На усадьбе хлевок был рубленный с двухскатной крышей, там овец и кур держали, для коров стайка с односкатной крышей. Конь под навесом стоял. На этот навес сверху сено складывали. У богатых были крытые дворы. Они специальные избы строили, где для скота варили, там же крынки с молоком и сметаной держали, ведра, подойники» [1. л. 64—65 об].

Асанова Екатерина Тимофеевна (в девич. Ефтева) 1901 г.р. уроженка с. Проскоково: «Дом родительский был двухэтажный, стоял через мост, четвертый слева. Отец был пимокат, а старший брат Иван Тимофеевич — купец. Жили все вместе большой семьей: мать с отцом, младшие дети и два старших сына с семьями, всего 18 человек. В доме на первом этаже в двух комнатах пимокатня была, в одной чесальня (шерсточесальная машина имела), в другой станок стоял. Третья комната под жильем с русской печью, на второй этаж оттуда лестница шла и снаружи лестница на второй этаж тоже была. Там, наверху, все мы жили. У братьев отдельные комнаты были. Мебель была деревянная. Кровати тоже были, но дети и родители спали на полу, на войлочных матрасах. На кроватях старшие братья с женами. На втором этаже в одной из комнат тоже печь русская была, дымоход у обеих печей один. В других комнатах железные печурки стояли, их *барабанками* называли.

Во дворе два амбара было, в одном пшеницу хранили, в другом — овёс, просо, горох. Конюшня была рубленая, для ягнят теплая изба, тоже рубленая с полом. Телеги и сани ставили под навес. В хозяйстве была кошёвка, сани, выездная телега — *коробок*, легкая тележка на железном ходу и телега снопы возить. Лошадей держали

и рабочих, и выездных. Много было в хозяйстве овец и птиц. Все подушки и перины были из своих перьев и пуха.

Дом был обмазан глиной и белёный. Наличники и карниз резной. В 30-годы, когда отца и братьев в Нарым сослали, дом в колхоз забрали, потом раскатали» [1. л. 67—68 об].

Праздничные традиции и народные верования

На рубеже XIX—XX вв. праздничный календарь крестьян притрактовых селений, как и везде, был связан с церковными датами и подчинен календарному циклу сельскохозяйственных работ. Помимо главных христианских праздников, Рождества Христова, Крещения Господня, Пасхи и др., в каждом селении праздновались свои престольные праздники, на которые съезжалась все округа. В селе Проскоково это была Троица, в Зелеево — день памяти святых Флора и Лавра, которые считались покровителями лошадей (31 августа/18 августа по ст. стилю), в Варюхино справляли «Николу Вешнего» (22 /9 мая) и день памяти Св. великомуч. Екатерины (7 декабря/24 ноября), в Мальцево — Петров день (12 июля/29 июня) и Михайлов день (8/21 ноября).

Народные гуляния с катанием на лошадях и с ледяных горок повсеместно устраивались на Масленицу. В Рождество девушки гадали на суженого. На Иваа Купалу обливались водой. На Троицу молодежь устраивала совместную трапезу на берегу реки.

Самым значимым семейным праздником была свадьба. Обряд начинался сватовством, но были случаи, когда женились «убёгом». Свадебный пир, по воспоминаниям наших информаторов, длился до трех дней и дольше. Обязательным ритуалом была проверка «честности невесты».

Сибиряки и переселенцы верили в домового, а также в колдунов и ведьм, которые знали с нечистой силой.

Из полевого дневника экспедиции

Боянова Пелагея Ерофеевна (в дев. Волкова), 1912 г.р., уроженка дер. Алабуга Вятской губ., с 10 лет живет в с. Зелеево: «У нас в семье справляли церковные праздники: Рождество, Крещение, в феврале — Успение и Трисвятителя, 22 марта — Сорок святых, когда 40 птах прилетало, 30 марта — Алексей Божий человек, в апреле — Благовещение, весной же Пасха (в неделях), Радоница, когда поминали родителей, потом Вознесение и Троица, 22 мая — Николай Угодник, 7 июля — Иван Купала (водой все обливались), 12 июля — день Петра и Павла, в начале августа — Илья-Грозный, в этот день сильные грозы бывают, 31 августа — Фролов день, 22 сентября — Ивана Постника, 14 сентября — Симеонов день, 1 октября — Покров, 4 ноября — Божья

Мать Казанская и Дмитров день — поминали воинов. Во все эти дни готовили угощения.

На Рождество девчата гадали. Под голову клали пояс и приговаривали: «Никола Чудотворец, покажи жениха и пояса». Должен был присниться суженный. Молодежь на гулянки собиралась по возрасту. На поляне ставили столб с железными крючьями, на них прикреплялись веревки — это были качели. Там же под гармошку пели [1, лл. 15 об. — 16].

Андреева Александра Ивановна (в дев. Кузнецова), 1907 г.р., уроженка дер. Вершинино: «Молодежь «на круг» собиралась — так место для гулянок на окраине деревни называли. Пели, плясали там, в разные игры играли, иногда с поцелуями. Частушки все любили петь: «Ах, Яр на горе, загореться бы тебе! А Алаево в логу, наглядеться не могу» или «Раскачайте нас повыше, чтоб Макурино видать, чтоб Макурински ребята приходили к нам гулять» [1, л. 47].

Асанова Матрёна Яковлевна (в дев. Боянова), 1906 г.р., уроженка с. Просоково: «Праздники в селе раньше весело справляли. В Рождество колядовали, в Крещение носили через мост иконы, в прорубь крест опускали. Как крест обмоют, с моста из ружей стрелять начинали. Еще молебен у реки был. На Масленку в лотках с гор катались, росейские обмазывали навозом тазы, замораживали и на них катались. На Иван Купала купались, обливались. Клуба-то тогда не было и ребята на вечерки избу чью-нибудь откупали, там пели, плясали, играли.

До свадьбы обязательно сватовство было. Брала с женихов деньги. Я со своего 1000 руб. взяла. Родители не хотели меня за этого парня выдавать, так он посватался за меня в чужом доме и сразу увез к себе. После уже его родители к моим за благословением ездили. Тятя сердился, но простили. В четверг увез, а в воскресенье уже венчались. После церкви застолье, гуляли по три дня. К венцу обряжали в вуаль, а потом за столом уже платок по-бабьи повязывали» [1, лл. 63—63 об.].

Шканова Татьяна Григорьевна (в дев. Богданова), 1916 г.р., уроженка с. Зелеево: «В Крещение был ход к проруби, батюшка шел от храма до речки, держа книгу над головой. На реке читал молитвы, там певчие пели. Если кто больной был, все равно в проруби окунался, а его потом в туплуп заворачивали и везли домой на санях. Перед Иваном Купала справляли чертову ночь, молодежь озорничала.

Сватовство называли запой. Росейские невесту перед свадьбой парили в бане. Сибиряки так не делали. После венчания в день свадьбы невесте переплетали одну косу на две (по-бабьи)» [1, лл. 25 об. — 26].

Мирсанова Полина Ефимовна, 1912 г.р., уроженка с. Зелеево: «Свадьбы справляли через сватовство и «убёгом», когда жених увозил невесту, а сваты уже потом шли за благословением к ее родителям. Бывало так, что родители силой невесту домой возвращали. Но еще чаще жених с невестой до сватовства и не знали друг друга. Так вот и у меня было» [1, л. 9 об.].

Князева Агрипина Степановна (в дев. Кунгурова), 1915 г.р., уроженка с. Просоково: «Венчаться со всей округи в Просоковскую церковь приезжали. Некоторые поезда были длинные, по 10 кошёв нарядных. Особенно филоновские выделялись. Деревня зажиточная была, кони хорошие. Родители невесты к венцу не ездили и на свадьбе в первый день не гуляли. Перед венцом подружки невесту в баню водили, а на третий день молодые должны были вместе в баню идти, а народ возле бани их ждал со всякими шутками непристойными. Знакомились парни с девушками обычно на вечерках. Но последнее слово было за родителями. За бедняка из богатой семьи не отдадут. На свадьбах песни пели, но по невесте не плакали, не причитали. Поутру невесту на «честность» проверяли: водили по двору в одной рубахе, смотрели, есть ли кровь, или простыни выносили. Иногда такой позор был. Одну девку в Талую выдали, а наутро едут к родителям гонцы, а на дуге белый платок с дырой. Приехали к родителям, связанную простынь в чашке отдали. Позор большой был, но ничего, потом сговорились. Так и жили, пятерых детей нажили» [1, лл. 66 об. — 67].

Березовская Татьяна Емельяновна, 1914 г.р., уроженка дер. Варюхино: «На свадьбах гуляли всей деревней. В Варюхино было четыре дружки, если кого-либо из них зовут, он должен был просить у остальных разрешения, иначе ему делали пакости разные.

Жил в Варюхино знахарь Михаил Сухаревский, лечил изуроченных, на кого порчу наслали или сглазили разными наговорами.

Домовой в каждой избе есть обязательно. Когда на другое место переезжали, старались взять с собой домового. Старый валенок или горшок на пол ставили и при этом говорили: «Хозяин, пойдём со мною» [1, лл. 43—43 об.].

Киреева Ирина Андреевна (в дев. Кустова), 1920 г.р., уроженка дер. Дозморovo: «Мои деды были кержаками-староверами. У них считалось грехом заговаривать болезни, их лечили народными средствами. Например, от рожи надо было привязать к больному месту тряпку с мелом. От укуса змеи помогает горячее мясо свежезарубленной кошки. Таким способом удалось спасти одного мальчика. А в Метленкино на сенокосе я сама видела, как собаку змея в нос укусила, так собака та разодрала в куски кошку и засунула в неё нос. Ничего потом с этой собакой не случилось, жива-здоровенька была.

Бабушка рассказывала, чтобы избавиться от сглаза, следует нарвать чертополоху, заварить его и побрызгать на порченого человека. Или же заговорить в стакан воду, а потом, раздув ее через кольцо в ножницах обрызгать того, на ком сглаз. От сглаза детей нужно перелить воду через дверную ручку, а после этого обрызгать этой водой ребеночка. Переливая, следует читать «Борогодицу». Также лечат и сглаженных поросят, только «Богородицу» читают над водой с угольками.

Иногда бывает, что после смерти кто-то из умерших членов семьи начинает ходить домой. Так к зелеевской жительнице Богдановой муж стал приходиться спустя

20 лет после смерти. Добрые люди посоветовали ей спросить покойника: «В какой день Благовещение?». После этого вопроса покойный муж к ней больше не являлся.

Существуют специальные слова и для домового. Если переезжаешь на новое место, нужно говорить: «Мой домовый пойдем со мной». Если этого не сказать, то каждую ночь домовый будет на старом месте плакать.

В Макурино ведьмачки жили. Одну звали Лена Устюшенкина. Её неоднократно видели с распущенными волосами, крутящей бочку. Когда она умирала, племянницу свою просила: «Дуська, выставь окно, а то я не умру». А вторая — ведьма Осаниха, когда умирала, забрызгала слюнями всю избу. После ее смерти обнаружили, что всё подполье в доме перетянато нитками, а потом нашли у нее на полке сушёных лягушек.

Мама мне рассказывала про ведьму Федорику, которая у них в Калужской деревне жила. Эта Федориха делала заломы на полях, крутила с распущенными волосами бочку, прикидывалась свиньей и огненным шаром. Когда свиньей однажды обернулась, ее деревенские побили, после этого она в человеческом облике вся в кровоподтеках ходила. Еще у нее в сенях люди слышали разные голоса. Рассказывали, что когда она была в отлучке, дочка ее собрала вечерку, а потом оказалась, что приехав домой, Федориха уже знала все до мелочей. Когда умирала, она, чтобы злые силы вон из нее вышли, вырывали потолочину в доме. И вообще все ведьмы долго мучаются, прежде, чем представиться» [1, лл 57 об — 60].

Список информаторов

Село Зелеево

1. Мирсанова Полина Ефимовна, 1912 г.р., уроженка с. Зелеево.
2. Марков Николай Федорович, 1912 г.р., уроженец д. Томилово.
3. Маркова Анисья Семеновна (в дев. Дуреева), 1913 г.р., уроженка с. Зелеево.
4. Чернышева Татьяна Захаровна, 1908 г.р., уроженка дер. Смолица Быховского уезда Могилевской губ.
5. Мирсанова Прасковья Николаевна (в дев. Торопчина), 1915 г.р., уроженка с. Зелеево.
6. Боянова Пелагея Ерофеевна (в дев. Волкова), 1912 г.р., уроженка д. Алабуга Вятской губ.
7. Дьякова Мария Федоровна (в дев. Воднёва), 1904 г.р., уроженка д. Томилово.
8. Хромин Николай Викентьевич, 1913 г.р., уроженец д. Георгиевка
9. Боянова Клавдия Михайловна (в дев. Бабарыкина), 1912 г.р., уроженка с. Варюхино.
10. Елизарова Мария Петровна, 1909 г.р., уроженка д. Кожевниково.
11. Петрухина Арина Семёновна, 1912 г.р. уроженка Вятской губ.

12. Шканова Татьяна Григорьевна (в дев. Богданова), 1916 г.р., уроженка с. Зелеево.
13. Личканов Александр Савельевич, 1916 г.р., уроженец с. Зелеево.
14. Тинькаева Матрёна Ильинична, 1914 г.р., уроженка Оренбургской губ.
15. Киреева Ирина Андреевна (в дев. Кустова), 1920 г.р., уроженка д. Дозморово.

Село Варюхино

16. Соболева Александра Ильинична (в дев. Павлова), 1917 г.р., уроженка с. Варюхино.
17. Березовский Михаил Емельянович, 1922 г.р., уроженец с. Варюхино.
18. Березовская Мария Федоровна (в дев. Литвиненко), 1920 г.р., уроженка с. Варюхино.
19. Березовский Алексей Егорович, 1914 г.р., уроженец с. Варюхино.
20. Басалаева Антонина Тихоновна, 1915 г.р., уроженка д. Константиново.
21. Мальцева Анна Ивановна (в дев. Бабарыкина), 1915 г.р., уроженка д. Варюхино.
22. Вершинина Евдокия Алексеевна (в дев. Кинозёрова), 1925 г.р., уроженка с. Варюхино.
23. Березовская Татьяна Емельяновна, 1914 г.р., уроженка с. Варюхино.
24. Серебрянникова Екатерина Константиновна, 1909 г.р., уроженка с. Варюхино.

Деревня Алаево

25. Андреев Михаил Михайлович, 1905 г.р., уроженец д. Алаево.
26. Андреева Александра Ивановна (в дев. Кузнецова), 1907 г.р., уроженка д. Вершинино.
27. Пиунов Владимир Петрович, 1915 г.р., уроженец д. Алаево.
28. Пиунова Екатерина Федосеевна, 1918 г.р., уроженка д. Алаево.

Деревня Мальцево

29. Басалаева Екатерина Алексеевна (в дев. Пинжина), 1908 г.р., уроженка д. Мальцево.
30. Алабугин Николай Семёнович, 1926 г.р., уроженец дер. Мальцево.
31. Демина Мария Павловна (в дев. Лузина), 1924 г.р., уроженка с. Проскоково.

Село Проскоково

32. Асанова Матрёна Яковлевна (в дев. Боянова), 1906 г.р., уроженка с. Проскоково.
33. Князева Агрнипина Степановна (в дев. Кунгурова), 1915 г.р., уроженка с. Проскоково.
34. Асанова Екатерина Тимофеевна (в дев. Ефтева), 1901 г.р. уроженка с. Проскоково.
35. Боянова Александра Ивановна (в дев. Свиридова), 1906 г.р., уроженка с. Проскоково.
36. Лузин Александр Яковлевич, 1913 г.р., уроженец с. Проскоково.
37. Лузина Елена Алексеевна, 1915 г.р., уроженка с. Проскоково.

Источники и литература

1. АМЗТП, ф. 3, оп. 1, д. 44.
2. ГАТО, ф. 61, оп. 1, д. 6.
3. ГАТО, ф. 61, оп. 1 д. 55.
4. ГАТО, ф. 61, оп. 1, д. 57.
5. ГАТО, ф. 66, оп.1, д. 18.
6. ГАТО, ф. 321, оп.1, д. 1а.
7. РГАДА, ф. 214. оп. 1. д. 1371.
8. Воробьева, И. А. Язык земли: о местных географических названиях Западной Сибири / И. А. Воробьева. – Новосибирск: Зап.-Сиб. КН. Изд-во, 1973. – 152 с.
9. Емельянов, Н. Ф. Население Среднего Притомья в XVII – первой половине XIX в. / Н. Ф. Емельянов // Вопросы формирования русского населения Сибири – Томск, 1978.
10. Кастров, Н. А. Путешествие по Томской губернии Великого князя Владимира Александровича / Н. А. Кастров. – Томск, 1868.
11. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы / С. П. Крашенинников. М.-Л.,1968. – 241 с.
12. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства Томского округа. - Вып. 1. – Барнаул, 1899. – Т. 1.
13. Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства Томского округа. - Вып. 2. – Барнаул, 1899. – Т. 1.
14. Миллер, Г.Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в ее нынешнем положении, в октябре 1734 г. / Г. Ф. Миллер // Источники по истории Сибири досоветского периода. - Новосибирск, 1988.
15. Ремезов, С.У. Чертежная книга Сибири / С. У. Ремезов. - СПб., 1882.
16. Список населенных мест Сибирского края. - Новосибирск, 1929. – Т. 2.
17. Список населенных мест Томской губернии по сведениям 1859 г. - СПб, 1868.
18. Список населенных мест Томской губернии на 1899 г. – Томск, 1899.
19. Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. – Томск, 1911.
20. Справочная книга Томской епархии за 1898-1899 гг. – Томск, 1899.
21. Справочная книга Томской епархии за 1914 г. – Томск, 1914.

References

1. AMZTP, f. 3, op. 1, d. 44.
2. GATO, f. 61 op.1, d. 6.
3. GATO, f. 61, op. 1, d. 55.
4. GATO, f.61, op. 1, d. 57.
5. GATO, f. 66, op.1. d. 18.
6. GATO, f.321, op.1, d. 1a.
7. RGADA. f. 214, op.1. d. 1371.
8. Vorob'eva, I. A. Yazyk zemli: o mestnykh geograficheskikh nazvaniyakh Zapadnoy Sibiri [Land Language of local geographical names in Western Siberia]. - Novosibirsk : Zap-Sib. Vol. Publishing House, 1973. - 152 p. (In Russ).
9. Emel'yanov, N. F. Naselenie Srednego Pritom'ya v XVII – pervoy polovine XIX v. [The population Srednego Pritomya in XVII - the first half of the XIX century]. Voprosy formirovaniya russkogo naseleniya Sibiri. [Questions of formation of Russian population of Siberia]. – Tomsk, 1978. (In Russ).
10. Kastrov, N. A. Puteshestvie po Tomskoy gubernii Velikogo knyazya Vladimira Aleksandrovicha [Travel Tomsk province of the Grand Duke Vladimir Alexandrovich]. - Tomsk, 1868. (In Russ).
11. Krasheninnikov v Sibiri. Neopublikovannye materialy [Unpublished materials]. - M.-L.,1968. – 241 p. (In Russ).
12. Materialy po issledovaniyu krest'yanskogo i inorodcheskogo khozyaystva Tomskogo okruga [Materials on research of country and foreign economy of the Tomsk district]. - Vyp. 1. – Barnaul, 1899. – Т. 1. (In Russ).
13. Materialy po issledovaniyu krest'yanskogo i inorodcheskogo khozyaystva Tomskogo okruga [Materials on research of country and foreign economy of the Tomsk district]. - Vyp. 2. – Barnaul, 1899. – Т. 1. (In Russ).
14. Miller, G.F. Opisanie Tomskogo uезда Tobol'skoy provintsii v Sibiri v ee nyneshnem polozhenii, v oktyabre 1734 g. [Description of the Tomsk county Tobolsk Province in Siberia in its current position in October 1734]. Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda [Sources on the history of Siberia, the pre-Soviet period]. - Novosibirsk, 1988. (In Russ).
15. Remezov, S.U. Chertezhnaya kniga Sibiri [Drawing book of Siberia]. - SPb., 1882. (In Russ).
16. Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya [List of localities of the Siberian region]. - Novosibirsk, 1929. - Т. 2.
17. Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1859 g. [List of localities of the Tomsk province for information in 1859] – SPb., 1868. (In Russ).
18. Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1899 g. [The list of the occupied places of the Tomsk province for 1899]. – Tomsk, 1899. (In Russ).

19. Spisok naselennykh mest Tomskoy gubernii na 1911 g. [The list of the occupied places of the Tomsk province for 1911]. – Tomsk, 1911. (In Russ).
20. Spravochnaya kniga Tomskoy eparkhii za 1898-1899 gg. [Handbook for the Diocese of Tomsk in 1898-1899]. - Tomsk , 1899. (In Russ).
21. Spravochnaya kniga Tomskoy eparkhii za 1914 g. [Handbook for the Diocese of Tomsk in 1914]. - Tomsk, 1914. (In Russ).

УДК 039

ТИПОЛОГИЯ И ХРОНОЛОГИЯ ДЕРЕВЯННЫХ НАЛИЧНИКОВ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Скрябина Людмила Анатольевна,

к.и.н., ведущий научный сотрудник, музей-заповедник «Томская Писаница» (Москва, Российская Федерация). E-mail: smila@rambler.ru

Статья посвящена анализу конструктивных разновидностей деревянных наличников Кемеровской области и особенностям их декора. В рамках исследования представлена эволюция наличников, как одного из архитектурно-художественных элементов деревянного дома, определены их стилевые разновидности, составлена типология наличников Кузбасса с выделением локальных подтипов в соответствии с ареалами их распространения.

Ключевые слова: деревянное зодчество, резной наличник, архитектурный стиль, декор, орнамент, домовая резьба.

TYPOLOGY AND CHRONOLOGY WOODEN CLYPEUS KEMEROWO REGION

Skryabina Lyudmila Anatolievna,

Candidate of History Science. The leading science member of the museum-preserve «Tomskaya Pisanitsa» (Moskov, Russian Federation). E-mail: smila@rambler.ru

This article analyzes the structural varieties of wooden casings Kemerovo region and the peculiarities of their decor. The study shows the evolution of casings, as one of the architectural and artistic elements of a wooden house, defined by their stylistic variety, is made typology Kuzbass casings with separation of local subtypes according to their distribution ranges.

Keywords: wooden architecture, carved architrave, architecture, decoration, ornament, house deco.

В настоящее время деревянные резные наличники остаются самыми распространенными предметами традиционного декоративно-прикладного искусства.

Возникнув как функциональный архитектурный элемент, закрывающий щель между стеной сруба и оконной коробкой, наличники почти сразу превратились в главное украшение крестьянского дома. Их появление связано с постепенным переходом от узких *волоковых* окон, прорубленных между двух бревен сруба, к значительно большему по размеру (не меньше трех диаметров бревен в срубе) *косячатым* окнам.

Косячатое окно состояло из двух боковых косяков (откуда и возникло его название), верхней притолоки и нижней подоконной колоды, которая, впрочем, могла отсутствовать. До распространения стекла косячатые окна, как и волоковые, закрывались бычьим пузырем, рыбным паусом или промасленным холстом.

Первым декорированным элементом косячатых окон, предшествующим наличнику, стала карнизная доска, прикрывающая щель между бревном сруба и притолокой. Она украшалась с помощью глухой резьбы простейшими защитными знаками или геометрическим орнаментом. Иногда мастера удлиняли наружные концы косяков, придавая им форму кистей (капелек). Тем самым обрамление окна и без отдельно изготовленного наличника приближалось к простейшим формам последнего [3, с. 40]. С появлением техники пиления сначала в городских, а затем и в деревенских домах начали применять оконные коробки из пиленых досок, а образующиеся зазоры в стене сруба стали прикрывать деревянными наличниками. Считается, что первые наличники появились в убранных крестьянских домов европейской части России в конце XVIII в., а на Урале и в Сибири гораздо позднее [5, с. 32, 3, с. 37].

Конструктивно любой наличник состоит из лобовой доски (в литературе данный элемент называют также *очельем*, *лобанью*, *фронтоном* или *фризом* — Л. С.), карниза (*сандрика*), подоконной доски и двух боковин (боковых стоек), на которые крепятся ставни (рис. 1). Изначально ставни были одностворчатыми и изготавливались из одной цельной или двух досок, скрепленных поперечной деревянной плашкой или металлической пластиной. В дальнейшем с увеличением оконного проема изменяются и ставни. Они становятся двухстворчатыми: *щитовыми* или *филенчатыми*.

Несмотря на то, что в разных частях страны наличники на крестьянских домах появились в разное время, как показал анализ имеющихся источников, во всех регионах России выделяются одни и те же этапы их эволюционного развития.

Самые первые наличники представляли собой гладкие доски, наложенные по периметру оконного проема. Все внимание строителей традиционно сосредотачивалось на акцентировании верхней части наличника — карнизе, который продолжали украшать так же, как на косячатых окнах глухой выемчатой резьбой в виде чередования рядов квадратиков, уголков и ромбов. Некоторые исследователи называют этот первый и самый простой тип наличников *народным* [6, с. 94].

Постепенно под влиянием городской архитектуры оконные проемы деревенских домов приобретают привычную современному человеку прямоугольную форму. Соответственно изменяются пропорции, формы и декор наличников, в которых появляются стилевые признаки *классицизма* и *барокко*.

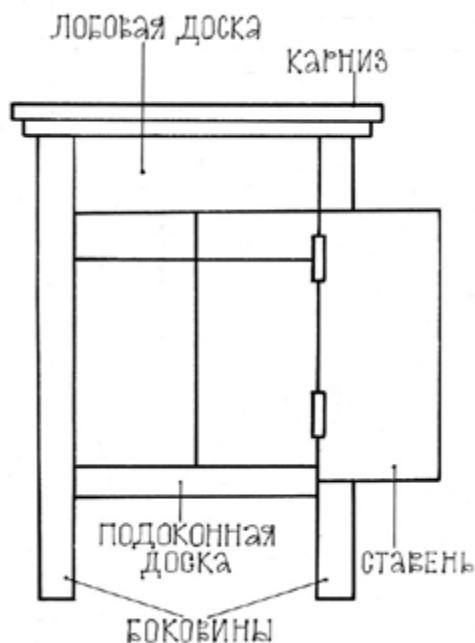

Рис. 1 Элементы наличника

Благодаря распространению пропильной резьбы декор деревянных наличников становится все больше похожим на кружево. Ажурная резьба размещается над карнизом наличника, также появляется множество мелких навесных резных деталей по краям боковин и подоконной доски.

На наличниках начала XX в. встречаются также стилевые признаки *модерна*, однако преобладающим направлением становится *эkleктика*, когда на основе уже распространившихся и закрепившихся типов наличников развивается многообразие пластических форм карнизов, боковин, лобовых и подоконных досок.

Однако, несмотря на схожесть стилевых развития, в каждом регионе России деревянные наличники имеют свой неповторимый колорит, выраженный в самобытных формах и декоративных особенностях, превращающих их в феномен региональной культуры.

К большому сожалению, наличники Кемеровской области до сих пор не становились объектом специального исследования. А учитывая тот факт, что по сравнению с другими частями дома эти элементы достаточно быстро приходят в негодность и заменяются на новые, не всегда идентичные утраченным, очевидно, что время для всеобъемлющего изучения традиционных наличников нашего региона упущено.

Однако, как гласит народная мудрость, «лучше позже, чем никогда». Поэтому одной из целей архитектурно-этнографических экспедиций музея-заповедника «Томская Писаница» является создание фотоархива деревянных наличников, бытующих в настоящее время в различных районах Кузбасса.

На основе экспедиционных исследований, проведенных в 98 населенных пунктах 15-ти районов Кемеровской области, а также обобщения архивного и краеведческого материала по утраченным объектам, нами были выявлены локальные стилистические особенности форм и декоративного убранства кузбасских наличников, составлена их типология и хронология.

Когда на крестьянских домах Западной Сибири произошла замена волоковых окон на косячатые точно определить невозможно. По мнению большинства исследователей, этот процесс начался только во второй половине XVIII в. и, явно, был растянут во времени, как и процесс перехода от косячатых окон к оконным рамам с наличниками. Так, например, Е. А. Ащепков фиксировал косячатые окна с резной карнизной доской в деревнях Кемеровской области еще в 40—50-х гг. XX в. [1, с.85]. А фотоснимок, пожалуй, последних косячатых окон на территории Кузбасса на избе XIX века в деревне Талая, был сделан д.и.н. В. М. Кимеевым в 1988 г. (фото 1).

Наличник, как элемент конструкции окна, появляется на деревянных домах Урала и Сибири

Фото 1. Косячатое окно на избе XIX в. в деревне Талая

только в середине XIX в. Как и повсеместно, первые наличники так называемого *народного* типа имели вид плоской рамы, увенчанной карнизом и декорировались глухой резьбой [1, с. 85–86] (рис. 2, 3).

Самые старые наличники этого типа сохранились до сегодняшнего дня на окнах дома-связи в д. Юрты-Константиновы Яшкинского района. Предположительное время постройки дома — первая половина XIX в. (фото 2).

По некоторым признакам изначально дом имел меньшие по размеру окна колодной конструкции. Существующие ныне оконные проемы с рамами и наличниками явно появились позднее — в середине — второй половине XIX в. На одной части дома декоративным украшением наличников является резное завершение боковин в виде капелек, на другой — глухая объемная резьба на лобовой доске. В подклети дома расположены три косячатых окна, появившиеся на срубе, скорее всего, уже в начале XX в., когда подклеть стала использоваться как жилое помещение.

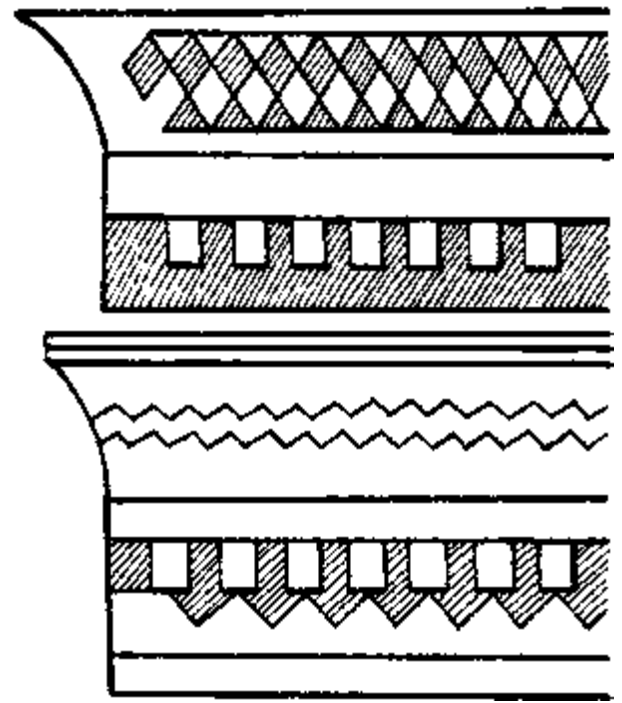

Рис.3. Резные карнизные доски наличников изб в деревне Усть-Сосновское (из книги Е. А Ашепкова, с. 85)

В последней трети XIX в. на наличниках деревянных домов Томской губернии появляются элементы *классического стиля*. Для самых простых наличников этого типа характерна высокая лобовая доска под горизонтально профилированным карнизом. Такие наличники отличались скромным декором или полным его отсутствием. Глухой или накладной резьбой украшалось лишь очелье. Иногда, делались резные окончания боковин или фигурная подоконная доска (фото 3). Наличники данного типа имели широкое распространение на всей территории современной

бовой доске. В подклети дома расположены три косячатых окна, появившиеся на срубе, скорее всего, уже в начале XX в., когда подклеть стала использоваться как жилое помещение.

Фото 2. Дом — связь XIX в. деревне Юрты-Константиновы

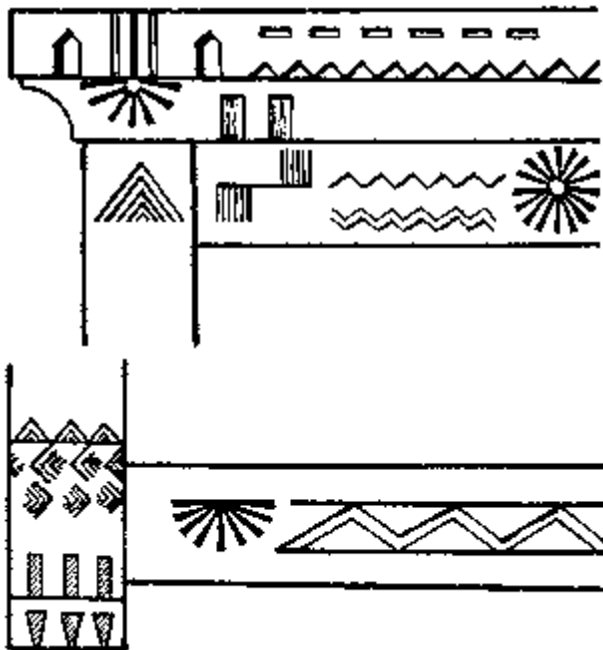

Рис. 2. Резные оконные наличники в деревне Бол. Тальменка (из книги Е. А Ашепкова, с. 86)

Фото 3. Село. Красное Ленинск-Кузнецкий р-он.

Фото 4. Село Лучшево Прокопьевский р-он

Кемеровской области и до сих пор встречаются на домах конца XIX-начала XX в.

Постепенно на смену традиционным наличникам с одной ставней приходят двухстворчатые: сначала простые, а позднее филенчатые (фото 4). Кроме того, к концу XIX в. в деревенскую моду начинают входить оконные проемы с арочным сводом и сдвоенные окна, что привело к появлению новых форм и конструкций наличников.

В конце XIX вв. на крестьянских домах появляются наличники с треугольным выступом на лобовой доске, уже получившие к тому времени широкое распространение в губернском городе Томске.

Очевидно, что данная форма наличников также заимствована из архитектуры классицизма, а именно, имитирует такую отличительную деталь каменных зданий как треугольный фронтон. Боковины и подоконная доска этих наличников обычно имеют фигурные формы и украшаются резьбой. Основными элементами декора являются резные элементы классического архитектурного ордера — полуколонны, пилястры и капители (фото 5, 6).

В это же время (конец XIX в.) в деревнях распространяются наличники с элементами *стиля барокко*. Как известно, этот стиль характеризуется криволинейными формами и изогнутыми линиями. В деревянных наличниках все это проявилось, прежде всего, в криволинейности карнизов.

На территории Кемеровской области наибольшее распространение имеют два типа «барочных» наличников: 1) в обрамлении карниза в виде двух встречных волн (фото 7) и 2) килевидные, в обрамлении ступенчатого карниза (фото 8). Подоконная доска и боковины таких наличников обычно имеют

Фото 5. Село Постниково Ижморский р-он

Фото 6. Деревня. Иткара, Яшкинский р-он

резные фигурные формы. Преобладающий мотив в декоре — растительный.

На рубеже веков, по мере совершенствования техники резьбы и приобретения опыта работы с деревянным ажуром, в наличниках появляется все больше новых декоративных деталей, в том числе множество мелких, навесных. Наряду с пропиленной и накладной резьбой начинают применяться объемные элементы, выточенные на токарных станках. Значительно обогащается семантическая разновидность орнаментики. Помимо геометрических, солярных и растительных мотивов изображаются зооморфные, антропоморфные и даже геральдические.

Одновременно под влиянием стиля барокко, классические наличники с высокой прямоугольной лобовой доской трансформируются в эклектику. Над карнизом сначала появляется резной *гребешок* в виде завитков и волют, а с распространением пропиленной резьбы наверху все чаще принимает вид ажурного деревянного кружева (фото 9, 10).

В начале XX века в убранстве деревенских домов появляются наличники с раскрепованной лобовой доской и разорванным карнизом. Но гораздо более широкое распространение получают конструкции с фигурным гребешком над прямым профилированным карнизом. Очевидно, что изначально этот декоративный элемент, был

Фото 7. Деревня. Осиновая Грива, Топкинский р-он.

Фото 8. Село Итат, Тяжинский р-он.

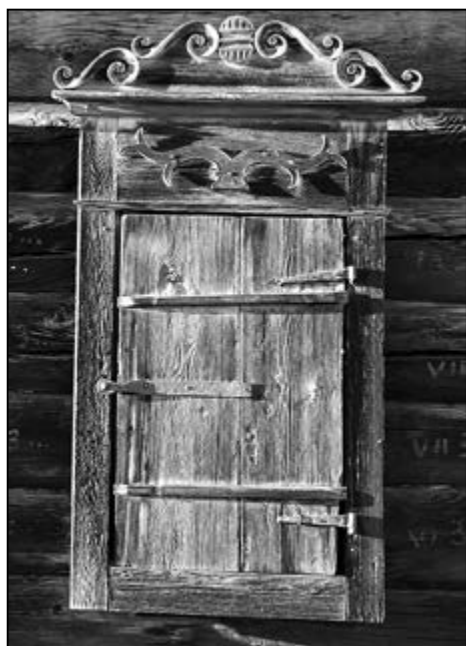

Фото 9. Деревня Писаная, Яшкинский р-он.

Фото 11. Деревня Осиновая Грива, Топкинский р-он.

заимствован строителями из модного мебельного дизайна того времени (фото 11, 12).

Без сомнения, главными законодателями моды в украшении сельских домов были близлежащие города. В результате в деревнях появлялись наличники, повторяющие формы и убранство наличников на деревянных домах Томска, Мариинска и Кузнецка.

К самым распространенным элементам и символам «томского декора» конца XIX-начала XX

века относятся различные части фигурных полуколонн, пилястры, «занавеси с кистями», «растения в вазоне», а также различные переплетения растительных узоров. Очевидно, что и занавеси, и вазоны — это символы, заимствованные из интерьера городских домов, олицетворяющие благополучие и богатство.

Все вышеперечисленные элементы декоративного убранства деревянной архитектуры Томска по сей день встречаются на кузбасских наличниках

Фото 10. Деревня Цыпино, Топкинский р-он.

Фото 12. Село Атаманово, Новокузнецкий р-он

Фото 13. «Мариинское барокко»

конца XIX — первой половины XX века. Однако, более широко элементы «томского декора» распространены на наличниках в селениях Яшкинского, Юргинского, Кемеровского, Топкинского, Ленинск-Кузнецкого и Яйского районов.

В тоже время в уездном городе Мариинске (до 1856 года село Кийское) в начале XX века складывались свои самобытные архитектурно-художественные традиции.

Прежде всего, обращает на себя внимание особый тип так называемого «мариинского барокко». Наличники данного типа отличаются от томских гораздо меньшей ступенчатостью линий карниза, большим размером завитков волюты и более крупным акротерием (центральный элемент карниза) в виде сложной сюжетной композиции. В верхней, выступающей, части акротерия изображены две птицы, обращенные к стоящей между ними антропоморфной фигуре с поднятыми руками. В средней части акротерия вырезана розетка, символизирующая солнце. Нижняя часть выполнена в форме перевернутого цветка (фото 13). Эта трехчастная композиция, явно, заимствована из традиционного сюжета русской народной вышивки, изображающей женское божество в окружении птиц (рис. 4). На некоторых наличниках с птичками мастера вырезали центральную фигурку не полностью, поэтому визуальнo она напоминает росток.

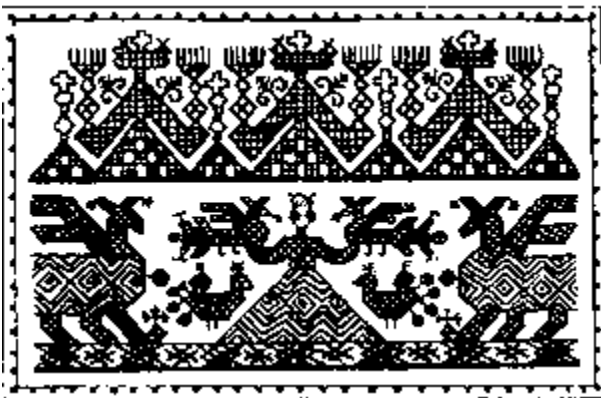

Рис. 4. Традиционная трехчастная композиция русской вышивки.

Фото 14

Уникальность деревянного «мариинского барокко» еще и в том, что композиция с птицами из деревянной архитектуры была перенесена в каменную (фото 14, 15).

Вероятно, на рубеже веков наличники в стиле «мариинского барокко» появляются и в деревнях

Фото 15

Фото 16. Село Бериккуль, Ижморский р-он.

Фото 17. Деревня Дмитриевка, Чебулинский р-он

Мариинского уезда (современные Мариинский, Ижморский, Тяжинский, Тисульский и Чебулинский районы Кемеровской области). Однако следует отметить, что деревенские мастера, как правило, не создавали детализированную композицию с птицами, а изображали лишь очертания их фигурок, а еще чаще вырезали верхнюю часть акротерия в виде цветка, т.е. зеркального отражения нижней части элемента (фото 16—17).

В отличие от Томска и близлежащих к нему районов, на домах Мариинска и селений бывшего Мариинского уезда достаточно часто встречаются наличники с лучковой (дугобразной) лобовой доской. Их декоративное убранство весьма скромное, ограничивается лишь накладным орнаментом на лобовой доске, а в некоторых случаях акцент сделан только на широком дугобразном карнизе (фото 18—19).

В начале XX в. на окнах деревянных домов Мариинского уезда появляется еще один узколокальный тип наличников с чертами стиля модерн, широко представленного в архитектуре каменных построек Мариинска. Верхняя часть этих наличников подчеркнута уплощенная. Вместо профилированного карниза — плоская накладка с дугобразным краем и выступом по центру. В декоре совершенно отсутствует прорезная ажурная резьба и минимум навесных деталей. Характерным элементом украшения лобовой доски является накладная композиция, имитирующая карниз барочных наличников с волютой. На самых старых образцах присутствуют розетки, выполненные в технике глухой выемчатой резьбы (фото 20). Наличники данного типа были зафиксированы нашей экспедицией в 2014 г. в Мариинске, селах Кольюн и Бериккуль Ижморского района, селах

Тюменево, Подъельники и Суслово Мариинского района.

К сожалению, о деревянной архитектуре еще одного уездного города Томской губернии — Кузнецка, превратившегося в советское время в индустриальный мегаполис Новокузнецк, сегодня можно судить лишь по фотографиям начала XX века и двум сохранившимся купеческим домам второй половины XIX в.

Исходя из имеющихся источников, можно констатировать, что в убранстве деревянных домов Кузнецка и близлежащих селений встречались наличники с элементами стилей классицизм и барокко, во многом копирующие томские. Однако, как и в Мариинске, здесь также выделяются локальные подтипы наличников. В частности, налич-

Фото 18. Город Мариинск

Фото 19. Деревня Курск-Смоленка,
Чебулинский р-он

Фото 21. Село Ильинка, Новокузнецкий р-он

Фото 20. Город Мариинск

ники «кузнецкого барокко» с волютой отличаются от томских и мариинских тем, что карниз на них не имеет акротерия (центрального элемента) и встречные завитки волют соприкасаются друг с другом. Размер валют очень маленький. Карниз либо вообще не имеет ступенчатых изломов, либо эти изломы создают «плечики» для арки. В настоящее время такие наличники хоть и редко, но еще встречаются на сельских домах в Новокузнецком районе (фото 21, 22).

На нескольких домах начала XX в. в деревне Букино, селах Кузедеево, Куртуково, Ильинка (Новокузнецкий р-н.) и Лучшее (Прокопьевский р-он) зафиксированы оригинальные наличники с треугольным выступом на лобовой доске, в которых угадываются стиливые принципы модерна. Они визуально уплощены, имеют четкий обобщенный контур, несложный накладной орнамент и весьма схожи с обрамлением настенного зеркала или настольной фоторамки (фото 23, 24).

Опираясь на материалы экспедиционного обследования, архивные фотографии и другие источники, можно с уверенностью утверждать, что в начале XX в. на территории современной Кемеровской области (некогда территории Кузнецкого, Мариинского и части Томского уездов Томской губ.) были распространены, как минимум, 9 типов деревянных наличников, при этом некоторые из них имели локальные и стиливые варианты (Таблица 1).

Фото 22. Дер. Анисимово, Новокузнецкий р-он

Фото 23. Поселок Куздеево, Новокузнецкий р-он

Фото 24. Село Куртуково Новокузнецкий район

По-видимому, вплоть до 30-х — 40-х гг. XX века наибольшее распространение имели простые в изготовлении и декоративном оформлении наличники I и II типов, а также VIII (подтип В).

Богато украшенные резные наличники на «городской манер» в конце XI—начале XX в. могли себе позволить лишь зажиточные слои сельского населения, имеющие возможность нанять для строительства и украшения своих домов профессиональных плотников, столяров и резчиков или приобрести готовые наличники в городских столярных мастерских [7, с. 184].

Важно отметить, что большинство специалистов плотницкого и столярного дела, работавших на рубеже веков в городах и уездах Сибири, были приезжими. Источники свидетельствуют, что со строительством Транссибирской магистрали строительные артели из европейской части России буквально наводнили сибирские губернии. В частности, известно, что в Томске и Красноярске работали столяры и плотники из Вятской, Нижегородской, Вологодской и Рязанской губерний [2, с. 41—42, 4, с. 103]. Естественно, эти мастера привнесли в Сибирь художественные традиции и колорит своих родных мест, которые впоследствии были восприняты и обучавшимися у них местными резчиками. Очевидно, это и объясняет наличие выявленных нами локальных подтипов наличников, встречающихся в различных районах Кемеровской области.

Без сомнения, собственные традиции в украшении домов принесли в Кузбасс, и переселенцы начала XX в. Но, к сожалению, сегодня выявить эти особенности не представляется возможным.

Политические, социальные и экономические потрясения, последовавшие за революционными

событиями 1917 г., по сути, остановили естественный ход развития строительных и художественных традиций деревянного зодчества на всей территории страны. В результате основной чертой наличников советского времени повсеместно становится аскетизм, выразившийся в упрощении форм и декоративного убранства.

В послевоенное время на территории Кемеровской области наибольшее распространение получают наличники III типа с треугольным выступом на лобовой доске. Конструктивные особенности других типов также имеют повторение в наличниках этого периода, но встречаются значительно реже и зачастую выглядят как неумелое подражание.

Декор наличников середины-второй половины XX в. представлен, как правило, простым накладным орнаментом, чаще всего геометрическим или растительным. В числе популярных орнаментальных символов также пятиконечная звезда. Нередко в убранстве лобовых досок угадываются традиционные «занавески с кистями» и «вазоны», но по сравнению с образцами начала XX в. они выглядят достаточно примитивно (фото 25, 26).

Примерно с 80-х годов прошлого столетия на сельских домах Кемеровской области вновь появляются наличники, богато украшенные накладной ажурной пропиленной резьбой. Но, к сожалению, они представлены единично и являются воплощением хобби и эстетических пристрастий хозяина дома.

XXI век привнес в сельскую архитектуру новые представления о красоте и комфорте. В результате деревянные срубы прячутся под сайдинг, окна меняются на пластиковые, наличники снимаются,

Фото 25. Село Суслово, Мариинский р-он

Фото 26. Село Усть-Сосново, Топкинский р-он

разламываются и сжигаются вместо дров. К сожалению, во время экспедиций мы наблюдаем такую картину повсеместно.

Между тем, некоторые, еще сохранившиеся, кузбасские наличники конца XIX– начала XX, пред-

ставляют собой высокохудожественные образцы декоративно-прикладного искусства и являются памятниками культуры, которые еще возможно сохранить для потомков (Приложение с цветными иллюстрациями).

Литература

1. Ащепков, Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири / Е. А. Ащепков. — М., 1950. — 140 с.
2. Громан, В. В. Обзор строительной деятельности в России / В. В. Громан. — М., 1912.
3. Долгов, А. В. Деревянное народное зодчество Свердловской области / А. В. Долгов // Деревянное зодчество Урала. — Екатеринбург, 2012. — С. 10—47.
4. Журин, Н. П. Градостроительство в Сибири второй половины XIX — начала XX веков / Н. П. Журин. — Новосибирск, 2000. — Ч. 1.
5. Красовский, М. В. Курс истории русской архитектуры. Деревянное зодчество / М. В. Красовский. — Петроград, 1916. — Ч. 1.
6. Крюкова, Ю. Е., Шагов Н. В. Эволюция оконных проемов деревянного городского жилища Сибири / Ю. Е. Крюкова, Н. В. Шагов // Вестник ТГАСУ. — 2013. — №3. — С. 88—96.
7. Щавинская, Л. Б. Строительное дело в Томской губернии в конце XIX — начале XX вв. / Л. Б. Щавинская // Вестник ТГУ. История. — 2013. — №6. — С. 182—186.

References

1. Ashchepkov, E. A. Russkoe narodnoe zodchestvo v Zapadnoy Sibiri [The Russian national architecture in Western Siberia]. — M., 1950. — 140 p. (In Russ).
2. Groman, V. V. Obzor stroitel'noy deyatel'nosti v Rossii [The review of construction activity in Russia]. — M., 1912. (In Russ).
3. Dolgov, A. V. Derevyannoe narodnoe zodchestvo Sverdlovskoy oblasti [Wooden national architecture of Sverdlovsk region]. — Yekaterinburg, 2012. — P. 10—47.
4. Zhurin, N. P. Gradostroitel'stvo v Sibiri vtoroy poloviny XIX — nachala XX vekov [Town planning in Siberia of the second half XIX — the beginning of the XX centuries]. — Novosibirsk, 2000. — P. 1. (In Russ).
5. Krasovskiy, M. V. Kurs istorii russkoy arkhitektury. Derevyannoe zodchestvo [Course of history of the Russian architecture. Wooden architecture]. — Petrograd, 1916. — P.1. (In Russ).
6. Kryukova, Yu. E., Shagov, N. V. Evolyutsiya okonnykh proemov derevyannogo gorodskogo zhilishcha Sibiri [Evolution of the window openings of the wooden houses of the city in Siberia]. Vestnik TGASU [Journal of Trace]. — 2013. — N 3. — P. 88—96. (In Russ).
7. Shchavinskaya, L. B. Stroitel'noe delo v Tomskoy gubernii v kontse XIX — nachale XX vv. [Construction business in Tomsk province in the late XIX — early XX centuries]. Vestnik TGU. Istoriya [Vestnik TSU. History]. — 2013. — №6. — P. 182—186. (In Russ).

Таблица 1.

**Типология деревянных наличников Кемеровской области
(конец XIX—начало XX вв.)**

	Фото	Условное наименование типа	Стилевые признаки	Время появления	Территория распространения в настоящее время
I		Наличник «народного» типа		середина XIX в.	зафиксированы только на одном доме в д. Юрты-Константиновы Яшкинского р-на.
II		Наличник с высокой прямоугольной лобовой доской	классицизм	вторая половина XIX в.	единично встречаются на сохранившихся домах конца XIX - начала XX вв. во всех районах Кемеровской области
III		Наличник с треугольным выступом на лобовой доске	классицизм	конец XIX в.	во всех районах Кемеровской области
IV		Наличник с валютой <i>подтип «томское барокко»</i>	барокко	конец XIX в.	Яшкинский, Юргинский, Топкинский, Кемеровский, Ленинск-Кузнецкий, Промышленновский, Яйский, Ижморский районы
		<i>подтип «мариинское барокко»</i>		конец XIX в.	Мариинский, Тяжинский, Чебулинский, Ижморский, Тисульский районы
		<i>подтип «кузнецкое барокко»</i>		конец XIX в.	Новокузнецкий, Прокопьевский, Таштагольский районы
V		Наличник килевидный	барокко	конец XIX в.	во всех районах Кемеровской области

VI		Наличник лучковый	барокко	конец XIX в.	Мариинский, Тяжинский, Чебулинский районы.
VII		Наличник с разорванным карнизом	барокко	начало XX в	единично встречаются на сохранившихся домах начала XX вв. во всех районах
VIII		Наличник с гребешком <i>подтип А (барочный)</i>	эkleктика	конец XIX в.	
		<i>подтип Б (ажурный)</i>		начало XX в	единично встречаются на сохранившихся домах начала XX вв.
		<i>подтип В (мебельный)</i>		начало XX в	
IX		Наличник уплощенный <i>подтип «мариинский модерн»</i>	модерн	начало XX в	единично встречаются на сохранившихся домах начала XX в. в Мариинске, Мариинском, Тяжинском, Чебулинском, Ижморском районах
		<i>подтип «кузнецкий модерн»</i>			единично встречаются на сохранившихся домах начала XX в. в Новокузнецком и Прокопьевском районах

К статье Шелепова Н. А., Покровская А. Ф., Жукова А. И.
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В МУЗЕЯХ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Фото 1. Акция «Добрая елка»
 в музее-заповеднике «Красная Горка»

Фото 2. Акция «Добрая елка»
 в музее-заповеднике «Красная Горка»

Фото 3. Акция музея-заповедника «Томская
 Писаница» «Новый год шагает в школу»

Фото 4. Акция музея-заповедника «Томская
 Писаница» «Новый год шагает в школу»

Фото 5. Выставка музея-заповедника «Томская
 Писаница» в школе № 98 г. Кемерово

К статье Илюшин А. М.
**МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК МОГИЛЫ ЗНАТНОГО ВОИНА В ФОНДАХ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
 «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»**

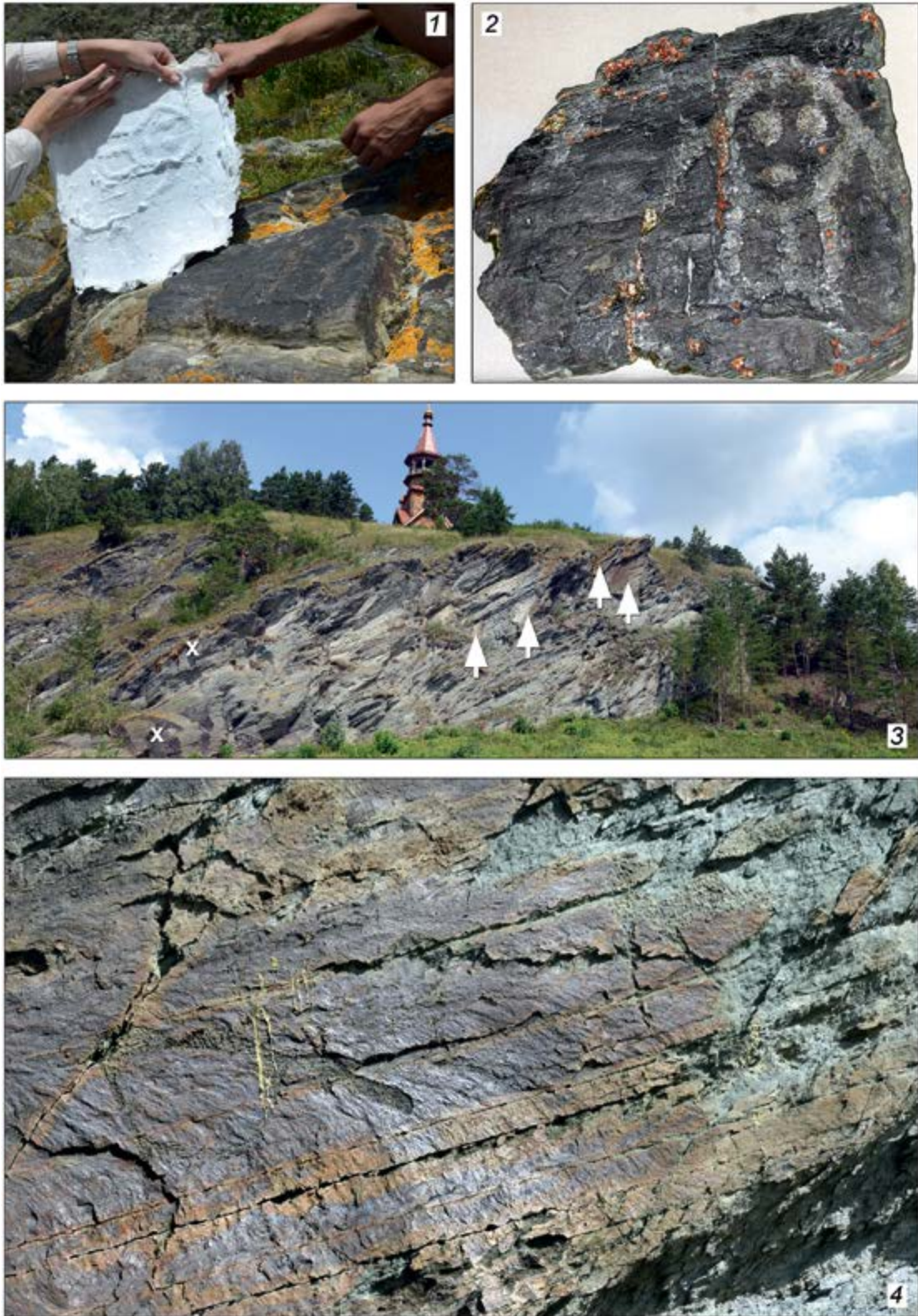

Рис. 1. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1. Фотография находок из могилы 3: 1–9 – предметы украшения конской упряжи

Рис. 2. Курганная группа Солнечный-1. Курган № 1. Фотография находок из могилы 3: 1-18 – предметы крепления и украшения пояса

**К статье Миклашевич Е. А., Мухарева А. Н., Бове Л. Л.,
ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА» в 2015 г.**

Цв. вкл. I. Притомье. 1, 2 — Висячий Камень: 1 — снятие силиконового оттиска с плоскости с личиной; 2 — художественно оформленная копия-отливка из полиэфирной смолы. 3, 4 — Томская писаница: 3 — скальный массив в устье р. Писаной; крестиками обозначены известные плоскости, стрелки указывают расположение плоскостей, выявленных в 2015 г.; 4 — изображения лосей на одной из выявленных плоскостей.

Цв. вкл. П. Енисей, Улазы:

1 — общий вид одного из участков с горизонтальными «плитами», расчищенными от лишайника;
2 — фрагмент одной из расчищенных «плит» с многофигурными композициями.

Цв. вкл. III. Енисей/Туба, Усть-Туба: 1 — поиск высокорасположенных плоскостей; 2 — плоскость, обнажившаяся в результате падения уровня воды; 3 — левая часть фриза, сохранившегося на недоступной плоскости выше уровня затопления.

Цв. вкл. IV. Тува, Малый Баянкол: 1 — общий вид 1 участка, на котором произошло разрушение скальных блоков; крестиками обозначены сохранившиеся *in situ* плоскости с изображениями, стрелками показывают местонахождение скальных блоков с остатками изображений, пунктирными линиями реконструировано расположение разрушенных плоскостей; 2 — архивная фотография одной из плоскостей (А. В. Адрианов, 1915 г.), красно-коричневым цветом выделены ныне утраченные участки; 3, 4 — сохранившиеся фрагменты плоскости, фото 2015 г.

Фото 1. Село Ишим, Яйский р-н.

Фото 2. Деревня Иткара, Яшкинский р-н.

Фото 3. Город Мариинск.